

ГЕНОЦИД ДЛИНОЮ В ВЕК

БАКИНСКАЯ ТРАГЕДИЯ В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ ОЧЕВИДЦЕВ

Книга первая

Ереван
2016

«НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС» НАД АЗЕРБАЙДЖАНОМ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ

«Теперь я знаю, что чувствовали евреи Германии в 1938 году», – писал бывший бакинец - еврей по национальности, ставший очевидцем событий 1988-1990гг. в Баку. В этом сборнике собраны свидетельства тех, кто стал не просто очевидцем, но и на себе испытал все ужасы геноцидальной политики Азербайджана, пройдя тот же самый путь, который 100 лет назад пришлось одолеть их предкам. Каждая из этих живых историй уникальна, а в совокупности они воссоздают целостную картину масштабного преступления, становясь настоящим обвинением в совершении геноцида против армянского народа. Геноцида длиною в век.

Книга подготовлена в рамках проекта «Обыкновенный геноцид», реализуемого Центром общественных связей и информации аппарата президента Армении.

© Центр общественных связей и информации аппарата президента РА.
Ереван, 2016

Острое ощущение необходимости в реализации проекта «Геноцид длиною в век. Бакинская трагедия в свидетельствах очевидцев» возникло в 2014 году – на пике оголтелой армянофобской кампании властей Азербайджана. Фальсификации исторических фактов и документов, грубейшее искажение истины и подмена тезисов, открытое пренебрежение аргументами и логикой, стремление предать забвению недавние события либо преподнести их в политически выгодном для себя ракурсе, – все это и многое другое сформировали императив: собрать воедино и представить заинтересованной общественности свидетельства из первых рук, от первого лица.

Уже в январе 2015-го Центр общественных связей и информации аппарата президента Армении презентовал первый документальный фильм, а теперь представляет также книгу. Вошедшие в этот уникальный сборник свидетельства бывших бакинцев и передающиеся из поколения в поколение воспоминания многократно изгнанных, лишенных Родины и имущества, переживших трагедию начала и конца 20 века армян – убедительное подтверждение перманентности совершаемого против армянского народа на протяжении целого столетия геноцида. Преемственность геноцидальной политики Турции со стороны Азербайджана стала главной концептуальной идеей, органично связавшей проект с 100-й годовщиной Геноцида армян в Османской империи.

Более 240 тысяч коренных жителей Баку в период с 1988 по 1990г. были изгнаны из столицы Азербайджана, многие потеряли родных и пострадали сами, став очевидцами ужасающих сцен насилия и убийств. Их единственная «вина» состояла в том, что они были армянами. В отличие от сумгаитских событий февраля 1988 года, о бакинских погромах сохранилось относительно мало документов, фото- и видеоматериалов. Организаторы геноцида армян в Баку оперативно и целенаправленно заметали следы своих страшных преступлений: в вынужденно выдаваемых свидетельствах о смерти убитых указывалась «естественная» причина, в медицинских справках о нанесении увечий – «несчастный случай»; формально возбужденные уголовные дела месяцами не расследовались и бесшумно закрывались. Материалы и документы уничтожены

или скрыты за семью печатями в недоступных по сей день архивах. Правоохранительные органы Азербайджана не расследовали, не раскрыли и не довели до суда ни одно из многочисленных преступлений против армян. Не были привлечены к ответственности ни исполнители, ни организаторы геноцида.

Продолжающееся по сей день сокрытие и замалчивание фактов не позволяет установить точное число убитых в 1988-1990гг. в Баку. Однако рассказы очевидцев и сохранившиеся вопреки усилиям преступного государства факты и документы (например, составленные по горячим следам списки) подтверждают, что оно достигает по меньшей мере 500-600 человек. Те, кому удалось спастись, оставили в Баку все свое имущество и перенесли глубочайшую психологическую травму, тысячи подверглись насилию – физическому и моральному, стали инвалидами, пережили унижения и издевательства. Десятки тысяч бакинцев разных национальностей рассеялись по всему миру, свыше 55 тысяч нашли убежище в Соединенных Штатах Америки. В данном сборнике опубликованы лишь порядка 50 из имеющихся в нашем распоряжении более 400 свидетельств.

Важность настоящего издания, особенно с учетом непрекращающихся попыток предать забвению геноцид армян в Азербайджане, очевидна: впервые за четверть века свидетельства очевидцев записаны на видеокамеру, представлены в фильме и книге и тем самым сохранены для потомков. Мы ставим перед собой цель записать как можно больше «живых историй», которые не только воссоздают картину масштабного преступления, но и проливают свет на неизвестные ранее, зачастую сенсационные страницы истории и трагического исхода армян Баку.

«Я обвиняю Азербайджан». Эта мысль рефреном проходит через все свидетельства, становясь обвинением и приговором совершившему геноцид государству. Воспоминания бакинцев разных национальностей – армян, русских, евреев – раскрывают лицемерие советской пропаганды и гнилую суть «интернационализма» Баку, доказывая неизменность дискриминационной политики властей Азербайджана, десятки лет маскировавшейся фальшивыми лозунгами о дружбе народов и в конце 1980-х годов проявившейся в демонстративной политике геноцида и депортаций.

Сумгаитские, кiroвабадские и бакинские погромы армян в свое время так и не по-

лучили должной политической и правовой оценки, а значит, преступление продолжается, пока не осужден совершивший его режим. Безднаказанность рождает новые преступления, и как следствие этого за прошедшие с тех пор годы воинствующая политика армянофобии лишь набирает обороты, обретая новые чудовищные формы. Подлое ночное убийство спящего армянского офицера Гургена Маргаряна 19 февраля 2004 года в Будапеште и последовавшие героизация, помилование и награждение убийцы со стороны государства, жестокие расправы над армянскими военнопленными и заложниками, в том числе престарелыми, последовательное нагнетание и культивирование среди собственного населения агрессивной ненависти и вражды в отношении армян, масштабные фальсификации истории и присвоение чужого культурного наследия, не прерывающаяся ни на день вооруженная агрессия против Республики Арцах, – таковы нравы и политика сегодняшнего Азербайджана. Получившие широкий резонанс военные преступления против гражданского населения и дикое глумление над телами погибших – вплоть до демонстративного отрезания голов в духе террористов «Исламского государства» в ходе развязанных Баку военных действий 2-5 апреля 2016 года – служат самым убедительным тому доказательством.

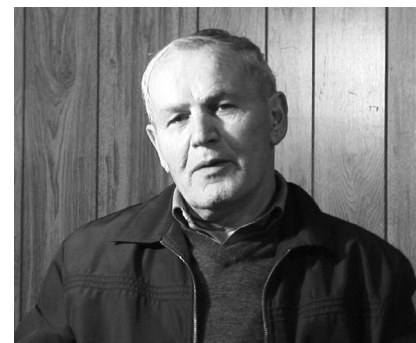
Остановить эту последовательную государственную политику Азербайджана, проводимую при самой активной поддержке и помощи Турции и нацеленную на уничтожение либо изгнание армян с территории исторического проживания (подобные угрозы не раз озвучивались азербайджанским руководством), необходимо в том числе в информационном поле, отстаивая право на истину – одно из основных прав цивилизованного общества, с помощью мощного оружия – свидетельств очевидцев геноцида. Реализуемый Центром общественных связей и информации аппарата президента РА с 2009 года масштабный проект «Обыкновенный геноцид», в рамках которого уже презентована серия документальных фильмов, книг, брошюр и сайтов, призван сохранить и донести до современников истину о недавней истории региона с целью предотвращения новых актов насилия, геноцидов и депортаций.

Азербайджан ставил и ставит своей целью уничтожение армянского Арцаха – Нагорного Карабаха – тем же преступным путем, как это было сделано в некогда армянском Нахиджеване, откуда давно изгнаны последние армяне и где последовательно

уничтожается армянский цивилизационный след. Не допустить этого и добиться справедливого урегулирования нагорно-карабахского конфликта — одна из целей нашей работы.

Проект продолжается, впереди новые фильмы и новые книги, в которых историческая истина предстает во всей своей беспощадности как обвинение в совершении геноцида. «Нюрнбергский процесс» над Азербайджаном еще впереди.

Марина Григорян,
руководитель проекта «Обыкновенный геноцид»

РУДИК БАБАЯН

**Проживал в Баку по адресу:
ул. Нагорная, 8-й тупик, д. 33.**

Я родился в Карабахе, в селе Мушкапат Мартунинского района. Переехал в Баку в 1963 году в 16 лет, чтобы работать, и оставался там до 1988 года. Работал реставратором памятников архитектуры, различных зданий.

Когда произошли сумгаитские события, я был в Чернобыле, а жена с тремя детьми — в Баку. У меня как у строителя дома имелся газовый аппарат, чтобы крышу паять. Мой сын этот аппарат зарядил из газового баллона. А жена ему сказала: «Эрик, если вдруг придут, ты через окно огнемёт включи и держи, чтобы домой не зашли».

Вернувшись домой, я сразу решил, что надо срочно уезжать. Правда, в Армению, где у меня брат и сестра жили, я уехать не мог: дети русскоговорящие, да и у меня русское образование. Поэтому в мае 1988-го поехал в Армавир и начал искать работу, а жена с детьми приехала туда в августе. В Баку я вернулся в 1989 году, чтобы продать жилье. Дом с тремя комнатами и гаражом, который в свое время стоил 30 тысяч, я продал всего за 8,5 тысячи рублей, чтобы купить в Армавире обветшалую хату. В России отказывались прописывать, пока не принесешь справку о том, что у тебя нет в Баку жилья. Я готов был продать свой дом за любую цену, чтобы управдом дал мне такую справку. Сразу нашелся покупатель — сосед-таксист, который хотел купить дом из-за гаража. Я говорю ему: «Хотя бы десять тысяч дай». Не дал — восемь с половиной. Соседские парни, которым я ремонт дома сделал бесплатно, узнали о сделке, пришли ко мне и заявили: «Армянин, ты дом продал? Половина наша». Я говорю: «Ребята, этот дом, который стоил 30 тысяч, я отдаю за 8,5 тысячи. Какая половина, о чем вы говорите?»

И вдруг выходит мать одного из них, очень хорошая женщина, мы с ними хлеб-соль делили всегда. Я говорю: «Зульфия, твой сын хочет, чтобы я долю отдал ему. Что ты думаешь?» Она взяла палку, кинула в сына и говорит: «Идиот, ты забыл, как стекла

разбивал, а он ночью бесплатно вставлял их? Ты еще с него деньги взять хочешь?» Правда, 150 рублей на ресторан все-таки отдал – их было трое, по голове дали бы и все отобрали. Пришлось платить и за каждую справку – по 100 рублей, и еще 500 рублей за переоформление в ЖЭКе.

Расскажу такую историю. 6 декабря 1988 г., за день до Спитакского землетрясения, из Баку выехало 120 армянских машин, группами по 20 человек, чтобы в случае нападения могли защищаться. В этих группах были близкие мне люди – друг Жорик Акопян, сват Артур Сафарян, его шури. Когда машины добрались до Армавира, ни одного целого стекла на них не было, все разбиты. Чтобы преодолеть длинную дорогу и через Краснодар доехать в Ереван, люди закрывали окна целлофаном.

Кстати, сосед Жорика, тоже армянин, был охотником. Когда толпа ворвалась к ним, он поднялся на крышу и начал стрелять из охотничьего ружья дробью, чтобы напугать. Человека из этого ружья убить невозможно. Но его самого погромщики там же, на крыше и убили. А Жорик оставил свой большущий дом, все имущество и без копейки уехал.

Сан-Франциско, штат Калифорния, США
30.03.2014 г.

ГРИГОРИЙ ГАСАНЯН

***Проживал в Баку по адресу:
ул. 2-я Северная, 26, кв. 46.***

Я – коренной бакинец, родился, получил образование и работал в этом городе. Родители родом из Карабаха, переехали в Баку после женьтибы в 1951 году. В 1989 году, когда в городе было очень тревожно, мне позвонил сослуживец и сказал, что представители Народного фронта приходили в наше учреждение и спрашивали, мол, почему армяне продолжают у вас работать. Коллеги ко мне хорошо относились, но я не хотел никого подводить, поэтому взял отпуск и уехал. Билеты в Армению невозможно было достать, поехал через Грузию.

В начале декабря 1989 года я вынужденно вернулся в Баку, чтобы вывезти кое-какие вещи. Удалось отправить один контейнер, потом я начал искать способы выехать из города. Билетов в Армению, конечно же, не было. К авиакассам невозможно было приблизиться. Однажды я попытался подойти и увидел, как к людям в очереди подходят какие-то типы и требуют показать паспорта. Я был свидетелем того, как подошли к двум пожилым армянкам. Одной велели показать паспорт, она начала сопротивляться, а другая в это время пыталась убежать... Они смотрели, как она бежит, и громко смеялись, а потом погнались за ней. Чем все это закончилось, я не знаю, но было страшно. Понимаете, страшно, когда пожилая женщина в ужасе бежит и над ней смеются. Я не могу это забыть. Пусть каждый представит, что это могла быть его мать...

В нашем доме было как будто спокойно. Соседи ко мне всегда хорошо относились, с уважением. Но вот 10-го то ли 11 января 1990 года, точно не помню, несколько человек поднялись на наш этаж. Я был один в квартире, свет не горел. Они постучались, я, естественно, понял, кто это, и дверь не открыл. Они поднялись выше, потом снова спустились к нам. Дверь нашей квартиры была очень прочная, сейфовая. Они хотели выломать ее, но не смогли. И пока они ломали дверь, я выпрыгнул из окна, со второго этажа. Но удачно – ничего себе не повредил, переломов не было. Пошел в милицию,

там, естественно, никак не отреагировали на мой рассказ. Только спросили, мол, а чего вы тут до сих пор сидите...

Я вернулся домой, думая, что квартиру уже, наверное, заняли. Но оказалось, что мои соседи защитили ее. Они мне сказали, что устроили погромщикам такое, что те больше не сунутся в наш дом. Я поднялся к соседям, а в это время другая толпа нагрянула. Они проникли в мою квартиру не через дверь, а через балкон, сломали стекла на веранде. Все, после этого я в свой дом уже не заходил. Там поселились какие-то азербайджанцы. Мне пришлось покинуть Баку паромом, поскольку в аэропорту лучше было не появляться: там орудовал Народный фронт и они быстренько вычисляли всех армян.

Перед отправкой парома, когда мы на пристани стояли, на моих глазах к молодой женщине подошли якобы для досмотра ее багажа, представились, что из Народного фронта. Потом она обнаружила, что все золото у нее украли. Паром наш был большой, пассажиры в основном армяне-старички. Помню троих – пожилых мужчину и двух женщин. Мужчина подошел к капитану и попросил: «Товарищ капитан, не оставляйте нас, мы замерзнем здесь. Помогите». Тот успокоил, что никого не оставит и всех возьмет на борт. Мужчина был в свитере, а женщины в домашней одежде, в халатах. Они стояли и мерзли на холоде, пока не сели на паром. Еще помню, как в Красноводске одной из женщин сразу набросили на плечи старенькую каракулевую шубу.

На пароме я встретил знакомых – сотрудницу с бабушкой и мамой. У меня были деньги и я предложил им снять каюту. И хотя на пароме вместе с нами находились сотрудники то ли Министерства обороны, то ли внутренних войск, женщины отказались, потому что боялись, что в каюте члены экипажа могут с нами что-то сделать.

Сан-Франциско, штат Калифорния, США.

31.03.2014 г.

ЛАРИСА АРТЕМОВНА

КУШМАНЯН

Проживала в Баку по адресу:

ул. Шаумяна, 28, 5-й блок, кв. 43.

Я родилась в Баку. На всю жизнь запомнила рассказы моей мамы о ее детских годах в Карсе, в Западной Армении, о том, как они бежали из родного дома, спасаясь от Геноцида. Для нас тогда это была далекая история, мы плохо понимали ее, просто знали, что был Геноцид. Но мама всегда твердила папе, что надо уезжать из Баку. Он в ответ злился, а она говорила, что чувствует, что настанет день, когда она вновь станет беженкой. Шесть лет тому назад мама моя умерла.

И ей действительно пришлось второй раз в жизни пережить беженство – в первый раз в начале века, из Западной Армении, во второй – из Азербайджана. Мама была тогда маленьким ребенком и помнила только то, что они хорошо жили в Карсе, отец ее владел мыловаренным заводом. И еще она запомнила, как мать (моя бабушка) их собирала, когда началась резня и надо было бежать, спасаться.

Мамина сестра помнила гораздо больше. Она жила в Ереване и даже начала писать книгу про Геноцид, включив в нее и геноцид армян в Азербайджане. Когда произошли события в Сумгаите, я работала в 3-й детской больнице при кафедре педиатрии. Мы уже слышали о том, что в Сумгаите была резня, когда позвонила соседка по подъезду и сказала, что у нее болен ребенок, надо сделать ему укол. Я вышла, поднимаюсь к ней и слышу, как мой сосед, который в конечном итоге и ограбил мой дом, забрав все наше имущество, собрал вокруг себя людей и рассказывает, что в Сумгаите армяне убивали армян. Я повернулась назад, спустилась по лестнице и говорю: «Ариф, что ты говоришь? Армяне убивали армян?» Он говорит: «Да, Лариса». Я сказала, что это азербайджанцы убивали армян, и ушла, потому что надо было спешить к больному ребенку.

На работе у нас в это время тоже происходили странные вещи. Врач Алла Михайловна, еврейка, муж у нее был полуеврей-полуазербайджанец – Юсупов Вагиф, хирург – пришла в больницу в ужасном состоянии. Она сидела и писала истории болезни детей, в это время мамы в палатах включили радио (причем все знали, что в Сумгаите

произошло) и по всей больнице звучала музыка, радостная, веселая. Тут она стукнула рукой по столу и говорит: «Что вы веселитесь? Вы знаете, что было в Сумгаите? Мой Вагиф до утра обрубленных армян оперировал». Так и сказала – обрубленных! Через пять минут ее вызвал профессор кафедры. Что там ей сказали, понятно было только нам, армянам, она вышла молча и шепнула мне, что потом расскажет. Но так и не сказала... У нас на кафедре работало много армян. В этот период к нам в клинику поступил работать азербайджанец из Еревана. И он постоянно подстрекал всех запугивать меня, настраивал сотрудников против армян. К примеру, я входила в клинику и здоровалась – а врачи-азербайджанцы не отвечали мне. Или такой случай. Я должна была вызывать больных, делать им уколы и давать лекарства. И вдруг слышу, как заведующая, Садагят Худиева заходит в палату и обращается ко всем пациентам: «Лариса-армянка будет вас вызывать, чтобы никто к ней не пошел. Ни на уколы, ни медикаменты получать». Когда она это сказала, я открыла дверь и попросила повторить. Матери больных детей на меня набросились, мол, как ты с доктором разговариваешь... А я ей сказала: «Худиева, ты у меня еще извинения попросишь». И пошла к секретарю комсомольской организации, Анне, она русская была.

В Баку к тому времени уже был комендантский час, Колесников был комендантом. И я сказала Анне, что завтра иду к Колесникову, потому что больше терпеть не могу, объяснила ей ситуацию. На следующий день меня к главврачу вызывают. И та говорит мне: «Ты до чего довела врача, что она в таком состоянии?» Я удивилась, говорю: «Это я довела?» В это время она падает, у нее начинается истерика. И там же сидит этот азербайджанец и пожирает меня глазами.

Мне как-то довелось дежурить с ним. И я его спросила: «Вы мне честно скажите – вас армяне выгнали из Еревана?» Он отвечает: «Нет, я вот на днях получил письмо, где мои сотрудники-армяне зовут меня обратно, говорят, на какую должность хочешь, иди работай. Только приезжай. Но отец нашел хорошую квартиру и мы никуда не хотим уезжать». В тот день, когда в нашей клинике напали на врачей-армян, я не добралась до работы благодаря своему мужу. Иду по улице, смотрю – стоят, паспорта проверяют. И мне говорят, мол, паспорт покажи. Я говорю: «Какой паспорт?» – как будто мне нечего бояться. И тут один другому говорит: «Это армянка», а в это время меня кто-то за шею тащит. Повернулась – муж. И он кричит мне: «Возвращайся домой и никакой работы!» Я говорю, что у меня тяжелые больные. Он отвечает, мол, о чем ты говоришь, возвращайся домой! Володя чисто говорил по-азербайджански и сразу понял, к чему все идет.

Ну, я не пошла на работу, взяла в поликлинике бюллетень благодаря знакомому врачу. К ней потом звонили, выясняли, почему она мне дала справку. А потом оказалось, что в те дни, когда я не ходила на работу, было нападение на врачей-армян, с них снимали и рвали халаты, били и оскорбляли. Свидетели этому есть здесь, в Америке – Лариса Тарханова, она сейчас в Нью-Йорке живет, доктор Круглова из Атланты. Все время ходили слухи о том, как обращались в больницах с пациентами-армянами, что с ними творили... К Володиной тете, Тамаре – она доцент, и муж ее был, по-моему, профессором в АЗИ, – ворвались домой и заставили оставить чемоданы, которые она собрала, чтобы уехать. Их ограбили, все имущество забрали. Таких случаев было очень много. Муж моей сестры был азербайджанцем, Аждар его звали. Так вот, он показывал погромщикам армянские квартиры, то есть наводчиком был. Володя, муж мой, сам видел, как этот Аждар кричал: «Смерть армянам!» Сестра мне потом, уже после нашего отъезда, рассказывала, что в армянском районе, где они с мамой жили, не было воды. Однажды она увидела, как какой-то старик вышел с ведром во двор набрать воды. Прямо на ее глазах на него напали сразу человек 10 азербайджанцев, избили до смерти, а потом тело вытащили со двора и выбросили на улицу. Они с мамой жили в постоянном страхе, а потом муж ей прямо сказал, чтобы убиралась из Баку.

Митинги я несколько раз видела с балкона. Они шли толпами и кричали: «Карабах бизимдир!» («Карабах наш» – прим. редактора), «Смерть армянам!». Володя ходил на площадь Ленина, чтобы все видеть, хотя это было очень рискованно. Мы из Баку уезжали дважды. В первый раз приехали в Москву, нам сказали, что надо ехать в Ереван, там, мол, вами займутся. Мы приехали в Ереван ночью 6 декабря, там автобусы стояли в Ленинанкан и в Спитак, можно было сразу ехать. Но Володя решил, что мы переночуем у родственников, а утром уже поедем. А утром случилось землетрясение... И мы вернулись в Москву. Пока были деньги, платили за квартиру, потом Володя через Моссовет добился, чтобы нас в общежитие устроили. Но жить все равно было невозможно, на работу нигде не принимали, потому что мы – беженцы без прописки. Деньги кончились, наступила зима, холода, а у нас даже теплой одежды не было. Деваться было некуда – я позвонила нашей бакинской соседке, русской, она говорит, вроде все спокойно, можно возвращаться. И мы поехали обратно, в Баку. Но, вернувшись, сразу поняли, что нам даже из подъезда выходить нельзя – опасно. Надо было снова бежать. Рано утром, мы, крадучись, как воры, вышли. Во дворе у нас (двор был огромный) стояли пожарные и громко разговаривали на азербайджанском. Мы тихо вышли, сели на троллейбус. О такси и речи уже не могло быть. Поехали на

вокзал, там удалось сесть на поезд. Володя велел нам тихо-молча сидеть в купе. По дороге проверяли паспорта. Мы все думали – Господи, скорей бы до Баладжар... Думали, в Баладжарах лучше будет, а оказалось – еще хуже. И мы уже мечтали поскорее до Минвод доехать. Вот так и убежали из своего города, оставив там все, что имели.

Нешвилл, штат Теннесси, США

22.03.2014 г.

МАРИЕТТА СОГОМОНОВА
*Работала в Республиканской
больнице Баку*
ЖАННА КАСПАРОВА
(сестра)
*Проживали в Баку по адресу:
ул. Шарифзаде, 34, кв.30.*

Мариетта:

Я уехала из Баку в 1988 году. В Республиканской больнице, где я работала, все время поговаривали, что что-то надвигается. Летом поехала в отпуск в Москву и дочку взяла с собой, а когда хотела ехать обратно, муж позвонил и сказал: «Мариетта, не надо приезжать сюда». Но до этого произошли события в Сумгаите, которые на нас очень сильно повлияли, потому что непосредственно коснулись нашей семьи – там убили самым жестоким образом нашу племянницу Лолу Авакян...

О том, что с ней сделали, нам потом рассказали соседи. Она была беременна, а ее изнасиловали, изрезали всю, тушили об нее сигареты... Мы несколько раз ходили на опознание в бакинский морг, но никак не могли найти ее тело. Когда мы пошли в очередной раз, нам сказали, что завтра привезут еще три трупа – одну женщину и двоих мужчин. И если, мол, среди них ее не будет, значит, она жива, где-то ее укрыли, спрятали.

Жанна:

В те дни у нас как раз гостила ее мама – наша двоюродная сестра Грета. Она работала в Сумгаите и каждую неделю с пятницы приезжала, проводила у нас выходные, а в понедельник утром отправлялась обратно. Больше тридцати лет она работала там учительницей начальных классов, они с мужем стояли как бы у истоков Сумгаита.

29 февраля я поехала на работу, это был понедельник, обыкновенный понедельник... Я тоже работала учительницей, и как только добралась до школы, мне говорят: «Жанна Михайловна, вас к телефону срочно». Обычно такого не было, чтобы меня к телефону вызывали. Я подошла, взяла трубку и слышу, моя мама со слезами говорит: «Жанна, быстрее приезжай домой, началась резня». А я никак не

могу понять, что это значит – «резня»: где, почему, кто? Мама продолжает: «Жанна, только что позвонили из Сумгаита, Грета уехала туда, транспорта нет, она кое-как добралась на попутных машинах!» Она рвалась домой, потому что ее единственная дочь Лола, которая выросла на наших глазах, жила с мужем и его семьей в центре города, где и происходили самые страшные события. Но когда Грета въехала наконец в Сумгаит, ее остановили и сказали: «Уезжайте отсюда как можно скорее, пока живы, потому что там творится что-то невыносимое». Ее просто не пустили в город. И она вынуждена была таким же образом вернуться в Баку, к нам. Я поехала домой... Грета была в ужасном состоянии, она очень сильно переживала. Буквально потеряла дар речи, уже знала, что там происходит нечто страшное. Связи с Сумгаитом не было, и мы могли только сидеть и ждать. Наш брат, Валерий Григорян – кстати, он был популярный в Баку человек, много лет преподавал в школе милиции МВД, его уважали по всей республике – пытался что-то сделать, узнать, но не смог. И вот мы сидим все вместе, нас трясет от ужаса, потому что помним рассказы нашей тети, старшей маминой сестры. Они жили в Ване и ее семья очень пострадала во время Геноцида. Тетя была тогда ребенком, но отчетливо помнила все, что происходило, как бы все это запрограммировалось, сидело у нее в голове, потому что забыть было невозможно. И тетя говорила, что вот теперь это все повторяется на судьбах наших детей... После Сумгаита мы и сами поняли, что целенаправленно продолжается вот эта турецкая политика именно по отношению к армянам.

И вот мы в оцепенении сидели, ждали... Наконец, начали поступать первые сообщения, и кто-то рассказал нам, со слов соседей, что одну женщину молодую вели по улице, но не называли ее имени. Говорили, что у нее все тело было красного цвета, и соседи сначала думали, что она одета в красное платье, а потом увидели, что женщина просто истекала кровью. Они заставляли ее петь, танцевать, они тушили горящие сигареты об ее тело, а потом сразу несколько человек изнасиловали. Но я думаю, что она к тому времени уже была невменяема, и слава Богу, потому что над ней издевались просто бесчеловечно. Человек такое совершить не может. Просто невозможно представить, что нормальный человек может так издеваться над человеком, так терзать

женщину. Они вырезали ей грудь, женские органы, кусками вырезали мясо в коленях, выкололи глаза, отрезали нос, уши... И только на пятый день мы ее нашли, после того, как обзвонили все бакинские морги и в одном сказали, что к ним привезли несколько трупов, среди которых одна женщина.

Мариетта:

Мы искали ее в моргах, в больницах... Честно признаюсь, если бы мы сами этим занимались, это бы плохо для нас закончилось. Но у моего мужа были хорошие друзья-азербайджанцы, вот они нам и помогли. Они даже просили у нас прощения за то, что так получилось.

Если бы я сама в морг поехала на опознание, то, конечно, на месте бы осталась от ужаса. Ее опознал двоюродный брат. Поначалу ему это не удалось, потому что тело Лолы было изуродовано до неузнаваемости. Но он все-таки узнал ее по мизинцу ноги и еще по волосам – у нее были густые курчавые волосы...

Ну вот, когда с нашей племянницей это случилось, я мужу сказала, что не смогу вынести все это, нужно уезжать. Взяла отпуск и поехала в Москву, где и узнала, что Америка принимает бакинских армян. Я пошла в американское посольство и подала документы на выезд на всех, на свою семью, сестер, маму. Потом хотела ехать обратно, ведь муж и сын оставались в Баку. А муж сказал, что мне приезжать не надо, он с нашим сыном Эмилем и родителями тоже уедет из города, так как жить там уже невозможно.

Жанна:

А мы оставались в Баку, потому что, во-первых, у нас папа был парализованный. Он был инвалидом Великой Отечественной войны. Под Керчью его ранило и он потерял ногу, потом случился паралич, в результате которого он 12 лет был прикован к постели. Слава Богу, что папа не понимал вообще, что происходит, иначе обязательно задал бы вопрос: «Я что, за ЭТО воевал?» Мы ничего ему не говорили, скрывали происходящее. И не могли ни оставить его, ни взять с собой. И вот мы оставались в Баку и жили в постоянном страхе, это вообще трудно описать. В городе происходили страшные события, нам постоянно звонили, даже ночью, угрожали, говорили: «Так вы еще не выехали? Ждите! Мы придем и расправимся с вами

так же, как с вашей племянницей, которая погибла в Сумгаите». То есть они все знали, и про Лолу тоже знали, понимаете? У меня с тех пор хроническая бессонница... Папа умер в 1989 году, ночью. Когда он скончался, мы сидели молча и только тихо плакали, не знали, что делать и как похоронить. Старались не шуметь, понимая, что это опасно. И не знали, как быть. Утром соседи, видимо, что-то почувствовав, постучали к нам в дверь и сказали, что слышали ночью плач. Как мы ни старались плакать тихо, они все-таки услышали. Мы объяснили, что случилось. Они говорят, ну почему не сообщили, мы же столько лет соседи... У нас жили люди разных национальностей – евреи, азербайджанцы, русские, и нужно отдать им должное: они все за нас переживали, потому что столько лет мы жили рядом и были очень близкими, хорошими соседями. С одной азербайджанской семьей у нас была смежная стена, так они всегда говорили: «Ваш один волос мы не променяем на азербайджанца». В тот день они мне сказали: «Жанна, если в следующий раз кто-то появится, не кричите, не плачьте, просто тихо-молча идите к нам, мы вас спрячем в подвале».

Папу мы все-таки похоронили, правда, очень скромно, и такой же скромный памятник на могиле смогли поставить. Нам помог брат Валера, он работал в системе МВД, и его друзья все организовали, помогли, чтобы похороны прошли спокойно, без всяких эксцессов. Но после этого мы все равно продолжали оставаться в Баку, хотя Валера настаивал, что надо уезжать, потому что каждую минуту нам угрожает опасность. Мама говорила, что нам некуда ехать. Он отвечал, что лучше жить на любом вокзале, чем быть убитыми. А мама просто ждала, чтобы Валера тоже смог с нами уехать. Потому что особая опасность грозила именно мужчинам, которых они особенно ненавидели, расправлялись с ними в массовом порядке. Если женщинам еще могли быть какие-то поблажки, то мужчинам-армянам – никаких. Поэтому мама и говорила брату, что он в первую очередь должен уехать. Как-то раз мама села в троллейбус, и к ней пристали подростки. Они же тогда ходили группами по улице, заходили в транспорт, проверяли паспорта. Если паспорт не показываешь – все, значит, армянин. У мамы проверили паспорт, увидели, что армянка, начали кричать, угрожать. Она от страха выскочила из троллейбуса, помчалась по улице, забежала в какой-то двор, ее там успокоили, помогли... А мы ждем-ждем – мамы нет.

Уже начали волноваться, думали, что-то случилось. И вдруг она звонит из квартиры тех людей, что ей помогли. Надо было ехать и привозить ее домой, но кто мог поехать? В городе ужасная ситуация, по улицам ходить было очень опасно, повсюду проверяли паспорта. Проверяли подростки, обкуренные, пьяные, я даже не знаю, как их назвать, сброд какой-то, который напоили, накурили, дали им в руки оружие и велели что-то делать.

Как-то ночью нас чуть не убили. Моя сестра, у которой было три сына – старшему было, наверное, лет шесть, – к тому времени переехала к нам, потому что я осталась одна: Мариетты уже не было, нашу младшую сестру Ларису мы отправили в Днепропетровск, маму после того инцидента срочно отправили в Ереван, к знакомой. Сестра с тремя детьми и мужем переехала к нам. Мы всегда сидели одетые, готовые бежать. Каждый вечер, особенно ночью, смотрели через занавеску, следили – кто вошел в подъезд и чего нам ждать. Нападения на нашу квартиру уже были, к примеру, как-то подожгли дверь. Где-то в половине двенадцатого ночи мой шестилетний племянник заметил, что дверь горит. Я вначале не поверила ему, но потом вышла в коридор, смотрю – наша дверь пылает вовсю. Попыталась открыть дверь, хотя мама кричала, чтобы я этого не делала, потому что непонятно было, чего можно ожидать за дверью. Мы начали водой гасить пожар. Соседи всполошились, звали нас к себе через вторую дверь. Потом как будто все затихло, хотя нам постоянно звонили и угрожали.

В ту ночь позвонила близкая подруга моей младшей сестры и говорит: «Жанна, собирайтесь как можно быстрее и убегайте, потому что в Кировабаде такое творится, что страшно представить. Быстро, быстро, быстро!» Это был конец 1988 года, ноябрь. Я всполошилась, но куда бежать? Некуда ведь. Вышла на балкон с другой стороны и подумала, что если бежать – то к соседям, которые предложили помощь. И тут видим – машина остановилась. Нас сразу стало трясти. Вышли трое мужчин, зашли в наш подъезд и постучались в нашу дверь. Мы уже детей вывели на балкон с другой стороны и ждем, что будет дальше, чтобы понять, как нам действовать. А муж моей сестры был русский, Саша, и он нас спас потому, что отлично владел азербайджанским языком. Если бы не он, наверное, нас бы тоже не было. Так вот, Саша приоткрыл дверь и заговорил с ними через щелку на таком смачном

азербайджанском языке. Они удивились и говорят, что вроде бы по этому адресу (у них были списки адресов) здесь армяне должны жить. А Саша отвечает, что мы, дескать, давно купили эту квартиру у армян. То есть он на таком чистом азербайджанском с ними разговаривал, что они даже не подумали, что это может быть армянская семья. А мы там все трясемся, потому что если бы они с нами заговорили или на нас посмотрели, может быть, поняли бы, кто мы. Вот так мы и спаслись в тот день...

Мариетта:

Когда мы уже в Москве жили, в гостинице, узнали о смерти нашего дяди в Баку. Как именно он погиб – мы до сих пор не знаем. Подали на розыск, помню, мама пошла в министерство, и там ей сообщили, что ее брат был повешен у себя дома. Адрес назвали, и стало понятно, что в своей квартире. Он тоже прошел всю войну. Звали его Гарун Григорьевич Каспаров.

Жанна:

Дядя Гаро во время войны был ранен в ногу, и немцы, фашисты, его пожалели и отпустили, не взяли в плен. Сказали: «Иди, раша». Он всегда это рассказывал. У него эта рана в ноге осталась на всю жизнь. Он жил один, жена умерла. Подробностей того, как его убили, мы так и не узнали. То, что мы пережили в те дни – это кошмар. Я до сих пор не сплю, врачи прописывают разные лекарства, но как закрываю глаза – сразу все это опять вижу и переживаю.

Мариетта:

Про могилу отца ничего не знаем. Говорят, кладбище на Монтино все снесли, памятники сломали. Там очень богатое армянское кладбище было, и нам говорили, что они этими мраморными плитами с надгробий выложили дорогу.

Нешвилл, штат Теннесси, США

22.03.2014 г.

**СУСАННА И
ЛИЛИАНА АВЧИЯН**
Проживали по адресу:
Баку, ул. Низами, 62, кв. 7.

Сусанна:

Мы жили в центре Баку. Уехали в 1990 году, после январских событий. Мы видели все, и наша мама, которой

уже пять лет как нет с нами, очень сильно пострадала в эти дни. Мне было тогда 14 лет, а Лилиане 12.

После Сумгаита отношение к армянам резко изменилось, даже со стороны соседей. Они стали нас обзывать, оскорблять, закидывали балкон яйцами. Наша бабушка работала в Азербайджанском государственном театре. Она была грузинка, но ее начали преследовать только потому, что муж ее, наш дедушка, был армянином, хотя он к тому времени уже умер. В школе придирались к нам, обзывали, требовали, чтобы мы убегали из города. Какое-то время, когда армяне-педагоги еще оставались, все это еще было не столь явно, и в основном так вели себя азербайджанцы, которые приехали из Еревана – например, уборщицы в школе.

Я говорю уже о 1989–1990 годах. В нашем доме их не было, а в соседнем здании уже стали поселяться. Говорили, что их армяне выгнали, хотя все они приехали из Армении полностью со своими вещами, ни одного пострадавшего среди них мы не видели. Даже наши знакомые азербайджанцы говорили, что если бы с ними что-то сделали, по ним было бы видно. Они сразу заезжали в дома и обустраивались – с мебелью, со всем имуществом своим. Их, может быть, и не ждали, но двери были открыты, на улице они не оставались. Это были в основном семьи, которые обменяли квартиры с Арменией.

Проблемы наши начались с соседями. Пошли разговоры, что, мол, смотрите, как эти армяне шикарно устроились, все наши деньги забрали, мы вот вшестером в двух комнатах живем, а у них пять комнат. А на самом деле эти пять комнат мои родители купили, они их не просто получили. Маму на работе стали притеснять, она работала

в строительной компании, в бухгалтерии. Конечно, не все так себя вели, например, начальник у нее был очень хороший. И в школе были люди, которые советовали нам не обращать внимания. Но все равно, мы постепенно перестали в школу ходить. Это было уже в ноябре 1989 года, когда дети приехавших из Армении азербайджанцев тоже стали ходить в нашу школу и организовали травлю армян.

Где-то в конце ноября нас из школы погнали на демонстрацию. Там была Зейнаб Ханларова, азербайджанская певица, которой армяне первые дали звание народной артистки. И она с трибуны истерично кричала «Азадлыг Азербайджан!» (Свободу Азербайджану – **прим. ред.**), как будто кто-то собирался нападать на них. Я была там с подругами – с Сабирой Мамедовой, которую никогда не забуду, и Аленой Самуэловой, горской еврейкой. Они стояли и говорили: «Мы не будем это кричать. С ума сошла, что ли, что такое она говорит?»

Лилиана:

Мы выросли в интернациональном районе, у нас не было такого разделения, что вот это азербайджанцы, а это армяне, русские, горские евреи. Во дворе мы все дружили, мы все были маленькие, выросли практически вместе. А потом, когда произошли эти события, даже друзьями нельзя было быть. Не потому, что мы это поняли, а потому, что родители им говорили: «Ты не можешь с ними общаться, потому что они армяне». И христианство или Карабах здесь были ни при чем – именно потому, что мы – армяне. В то время мы даже не знали, где этот Карабах находится. А они, видимо, знали...

Лилиана:

Бабуля нам все время говорила, что оставаться опасно, хотя она была грузинка и сама слабо чувствовала это. Но все равно мама не хотела уезжать, она говорила, что это ее родина, она здесь родилась и почему должна из-за кого-то покидать свой дом. Папа наш умер до событий.

Сусанна:

Наша бабушка была художником-декоратором в Азербайджанском театре, и в доме у этой Ханларовой висели сшитые бабулей занавески. А Ханларова на митингах кричала, что армян надо гнать, потому что «они наши деньги все забрали». А у самой бриллианты такие были, что видно за версту. Я очень хорошо помню, как стояла

на митинге и никак не могла понять, каким образом мы могли забрать ее деньги.

Сразу после этого педагог-еврейка позвонила моей маме и сказала, что не советуется отправлять детей в школу, потому что уже случались драки. А начали все это дети азербайджанцев, приехавших из Армении. У меня лично была стычка с одним таким мальчиком, который сказал, чтобы я «убиралась в свой Ереван». И соседи к тому времени – не все, правда, – постоянно нас оскорбляли и угрожали.

Самый ужасный день в нашей жизни – это старый Новый год 1990-го. 1 января мы пошли к маминной подруге Розе Аракеловой, она жила на улице Самеда Вургуня. Ее муж, дядя Славик, работал в консерватории дирижером, мы всегда Новый год вместе отмечали. Раньше их квартира была коммунальная, потом они устроили себе отдельную кухню из-за соседа, переехавшего из Армении. Эти женщины притесняли их и даже угрожали. Дядю Славика в туалете и убили...

Лилиана:

Дядя Славик учился с моей мамой в школе, а тетя Роза сама из Сумгаита была. Мы, правда, не знаем подробностей, как его убили. Я тогда была маленькая, но помню, как тетя Роза позвонила маме, это был уже январь, сразу после праздничных дней...

Сусанна:

Был уже введен комендантский час, после 10 часов на улицу выходить было нельзя, солдаты уже стояли во дворах, повсюду танки, паспорта проверяли у всех на улице. Как-то раз я вышла из дома и сказала солдату, что мне надо в соседний дом пройти, сказала, что мы армяне, наша мама там. И он нас проводил. Уже тогда невозможно было одной выйти на улицу.

Про дядю Славика мы знаем только, что тетя Роза позвонила маме и сказала, что нашла его мертвым в туалете. Зарезали ножом. Кухня у них была отдельная, а туалет общий. Она не знала, кто это сделал, но рядом с ними, через две двери, уже жили азербайджанцы из Армении. Нашел его сосед-еврей, все вокруг было в крови, и он зажал ладонью рот тете Розе, чтобы она не кричала. Он ее быстро, на лифте, провел через другую квартиру и поднял к себе на третий этаж, а сам все приговаривал, мол, не кричи, ничего не говори, они у тебя дома сейчас сидят.

Сусанна:

На всякий случай мама собрала нам сумку и сказала, что если что-то случится, в этой сумке есть все – и деньги, и вещи на продажу. Отправлять нас куда-то она не собиралась, говорила, что это на самый крайний случай. Ей звонили знакомые и рассказывали, что к армянам уже в дома врываются. Позвонила ее подруга, которая замужем за азербайджанцем была, и сказала, что муж запер ее в туалете на два дня, потому что они целый «обход» делали, во все квартиры заходили и искали армян. Нам все советовали: будьте, мол, осторожны. И мама уже не знала, что делать, куда ехать, куда идти...

Мы жили в полуподвальном помещении, где окно выходило в другой двор. Это был наш единственный выход на экстренный случай. Мы вроде бы знали, что происходит вокруг, были в какой-то степени готовы, но в один день это случилось и с нами – 13 января.

Позвонила мамина знакомая и сказала, что, несмотря ни на что, они отмечают старый Новый год, и пригласила нас. Мы стояли уже одетые, но в тапочках. Вдруг в нашу дверь начали стучать. И мы услышали крики: «Где армяне, где эти армяне? Мы знаем, что в этом дворе есть очень много армян!» Люди стали кричать, что здесь армян нет, убирайтесь. Но одна соседка – Гюля, она на третьем этаже жила – сразу показала, куда идти. Мама изо всех сил держала деревянную дверь и кричала нам, чтобы мы убегали. Тут Лиля вспомнила, как мама говорила, что в сумке серебряные ножи есть, быстро достала один нож и взяла с собой. Подоконник был очень высокий, до него метра четыре было, но мы кое-как залезли и выпрыгнули из окна во двор. А на окне была чугунная решетка, установленная еще до революции. Как мы ее сняли?! Мама потом говорила, что Бог помог нам. Так мы все-таки вылезли из окна. Думали, мама выйдет следом за нами, даже убрали решетку подальше, но она не успела. А во дворе у нас было еще высокое трехэтажное здание с подвальным помещением, на двери которого был нарисован скелет и написано «Осторожно, высокое напряжение!».

Раньше было очень много случаев, когда дети играли в прятки, прятались там и их ударяло током. Но деваться было некуда, мы слышали голоса, крики: «Где дети? Где дети? Нам сказали, здесь девочки есть!» Эта Гюля сказала им, что там три девочки, у нас еще младшая сестра была, 6-летняя, мама ее в ковер завернула и так спрятала. И мы спустились туда, в этот подвал.

Мама у нас была светловолосая, блондинка, курносая, на русскую похожа. Этот, который ворвался в дом, спрашивает, мол, ты русская или армянка (они не могли ее паспорт найти). А у нас крест висел на стене, дядя привез из Германии. И когда этот тип увидел крест, он стал кричать, что мы армяне. И вот мы за окном слышим, как два парня разговаривают на азербайджанском, и один говорит, мол, я знаю, куда они пошли.

Лилиана:

Перед тем как спуститься в подвал, мы стучались во все двери, но все отказывались спрятать нас. Там и русская женщина была, и армянка, которая замужем была за азербайджанцем очень много лет, пожилая... Но все боялись.

Сусанна:

Мы спустились в этот страшный подвал. А там повсюду кабели искрятся и вода по колено. И опять услышали, как один из парней говорит другому: «Ты что, дурак? Не видишь табличку? Здесь написано «высокое напряжение», отсюда никто не выходит живым». А мы стояли там... ноги в воде, между электрическими проводами, но в этот момент никаких искр, ничего – все как будто вымерло. Стоим, а Лилиана все говорит: «Сейчас нас ударит током! Сейчас нас ударит током!» Я ей жестом показываю, чтобы молчала. А сверху раздавались крики, мы слышали, как один говорит: «Зубы золотые у нее, давай зубы вырвем». И мама кричит... А мама до этого сказала нам: «Что бы ни случилось, убегайте и за мной не возвращайтесь». Она нам сказала, куда пойти без нее. И вот мы слышали эти крики, но не понимали, что творится. Оставались в подвале до тех пор, пока уже на улице темно стало. Все стихло. Я не знаю, сколько часов мы там простояли. Это было 13 января...

Примерно к двенадцати ночи мы вышли. Тихо-тихо. Я Лиле сказала, что мы должны дойти до Раиного дома, а потом посмотрим, что стало с мамой. Рая со мной в школе училась, не помню ее фамилию, азербайджанская семья была. Я еще сказала Лиле: «Ты светлоглазая, не говоришь по-азербайджански, поэтому лучше молчи, а я им скажу, что ты глухонемая». А вокруг... Вокруг трупы валялись. Дядя Жора на третьем этаже жил, профессор, его с балкона выбросили. А потом дети - дети!!! - его ножами тыкали. Беременную женщину видели... ей живот разрезали, ребенка вытащили, уши отрезали, чтобы бриллиантовые серьги взять. Мы все это видели своими глазами, это было

так страшно... Мы ведь еще детьми были, и вот такое на наших глазах происходило!

Пошли к Раиному дому. На Низами, 62, под балконами трупы лежали, сваленные друг на друга. И голые были, и сожженные, и без головы, и изрезанные... И вот возле чайханы нас останавливают. Это были еразы, то есть ереванские азербайджанцы. Подошел такой с бородой, спросил, что мы тут делаем. Я сразу сообразила – говорю, пришли, мол, посмотреть, что можно забрать у армян в доме. А он спрашивает, что в сумке. Там наши метрики были, но без фотографий. Я ему говорю, если хотите – возьмите, только что взяли в том доме у армян. Он спросил про Лилиану, я сказала, что она глухонемая.

И так потихоньку мы прошли к улице Самеда Вургунa. И там тоже вся улица была усыпана трупами, кругом пожары, крики, голые полуживые или мертвые женщины. Даже тех, кто только заступался за армян, избивали. Мы видели, как молодой парень вышел, начал кричать, что это его жена, погромщики его тоже ударили. Такие лица были у этих бандитов, как будто они только что вышли из тюрьмы, как будто изголодались по убийству, по крови... Первый раз в своей жизни я увидела, как насилуют кого-то... Это была старая бабушка, даже трудно было понять, сколько лет ей было. Один насиловал, а другие стояли и смотрели, потом сами... Групповое изнасилование было.

Так, через этот кошмар, мы добрались до Раиного дома. Я оставила у них Лилию и сказала, что должна пойти за мамой. Рая, дай Бог ей здоровья, сказала, что пойдет со мной. Мы пришли к нам во двор. Зашли через то же окно внутрь. Это ужас, что творилось в нашем доме! Всюду кровь. Я хотела найти мамино тело, но не могла. Думала, хотя бы тело найти. И не знала, куда теперь идти, куда звонить, что делать? А к нам недавно приезжали из Кировабада, шерсть привезли, она в углу лежала. И тут Рая говорит, давай, мол, подождем. Я на нее посмотрела, говорю, Рая, там наверху две маленькие девочки живут, как я могу поджечь? Мы вышли, и вдруг соседка, русская, увидела меня и говорит: «Ой, Сусанна, а вас что, не убили?» Я так на нее посмотрела зло и говорю: «Да чтобы вас так убили!»

Наша бабушка жила в том же дворе, на первом этаже. Мы пошли к ней, я вспомнила, бабуля говорила нам, где у нее деньги лежат, паспорт. А сама она, как потом выяснилось, вышла за хлебом, даже оставила толму на плите, так и стояла кастрюля на медленном огне. Бабуля вышла и во дворе ей сказали, что

со Светой (моей мамой) вот такое произошло. И соседи-евреи с третьего этажа ее к себе забрали. Но в тот момент я об этом не знала, мы потом ее нашли.

Зашли мы к бабушке, а там весь дом перевернут, все, что можно было взять, унесли. Сервант на полу валялся, двери перебиты, посуда исчезла, все сломано, на стенах какие-то надписи. Мы вышли, и тут моя подруга Рая тихо сказала: «Сусанна, мне просто стыдно». Мы с ней идем обратно, а на улицах больше трупов стало. Они уже людей на куски резали... Даже фашисты не делали с евреями того, что они там устроили. Ну вот, мы идем обратно, и тут я решила к маме на работу пойти. Ее начальник нам говорил, мол, если что-то случится, я вам помогу, приходите. Мы пришли к маме на работу и выяснилось, что начальник пошел к нам домой и нашел маму. Он, оказывается, был на работе, когда жена позвонила ему и сказала, что армян режут, и он сразу подумал о нас. И побежал к нам домой. Он нашел маму, окровавленную, избитую, все тело ее было в ожогах – об нее сигареты гасили и втыкали их прямо в тело, мы потом доставали эти сигареты по одной... Ее изнасиловали, испражнялись на нее, словом, чего только они с нашей мамой ни делали... Он накинул на маму какое-то пальто и вывел ее оттуда.

Лилиана:

О маме потом писали в газетах. Звали ее Светлана Авчян (см. ниже – **прим. ред.**). Начальник фактически ее спас. Она в тот момент не помнила, кто она, что с ней. Они ее сильно избили, до сотрясения мозга, все лицо полностью в синяках, в ранах, ее невозможно было узнать. Наша мама очень красивая женщина была. А тут – губы опухшие, нос разбитый, глаза не открываются, она почти оглохла, столько ее били по уху, чтобы сережки с нее снять. Даже хотели ей уши отрезать.

Сусанна:

Мама потом рассказывала, что среди них был один 14-летний сопляк, и именно он предлагал отрезать. А дядя Бахадур, у которого склад был во дворе, стал их выгонять, мол, давайте расходитесь, она уже умерла. И когда они хотели уши ей отрезать, дядя Бахадур сам снял с нее сережки, отдал и прогнал их. Он накинул на нее это пальто и сказал: «Света, если можешь, встань, они все ушли... Я вижу, ты дышишь». Мама маленького роста была, она помолилась, чуть приподнялась к окну, а там уже ее началь-

ник стоял и из окна ее вытащил.

И вот мы с ней дошли до Раиноного дома. У ее матери был знакомый медбрат, он принес стрептоцид. Мама не хотела, чтобы мы видели ее тело. Но по выражению лица Раиной матери мы поняли, что все ужасно. Когда она вышла, то сказала по-азербайджански: «Я не знаю, откуда мне начать. Я не могу хотя бы одно живое место найти». Потом маму мутило, она долго вырывала, не могла в себя прийти. Тело было настолько окровавлено, что Раина мать много раз нагревала воду, чтобы смыть кровь. Пинцетом снимала с тела сигареты, которые они втыкали горящими, чтобы погасить. Ножом изрезали все ее тело. И до конца жизни мама носила только длинную одежду, потому что у нее везде шрамы были...

Мама сказала, что выжила ради нас, иначе мы остались бы сиротами. В тот момент мы не знали, где находится наша младшая сестра – она была в поселке Ахмедлы у маминой подруги. У Раиной мамы был знакомый, который в милиции работал. Она ему позвонила и попросила помочь, потому что мы не знали, что делать.

И вот когда мы занимались мамой, в дом к Рае тоже ворвались. У них соседи были, армяне, которые давно – сразу после Сумгаита – уехали, и квартира стояла пустая. Рая принесла какие-то кинжалы, горячий утюг, старый револьвер и сказала, если что – мы будем драться. Мы спрятали маму на антресолях, а сами стоим, Рая, ее мать, сестра – все с кинжалом в руках, бабушка с револьвером. Были только женщины, их папа умер за год до этого. Вламываются они в дверь, а мама Раи говорит, мол, подождите, сейчас откроем. А они кричат: «Вы армяне, быстро паспорта давайте». Открываем дверь и мужчина проверяет паспорта. Бабушка показывает на нас и говорит, что это наши родственники, азербайджанцы, из Армении приехали. А этот бандит говорит, тут, мол, женщину убили, и адрес называет наш – Низами, 62, квартира 7, а когда вернулись, чтобы посуду и золото забрать, ее там уже не было и мы ее ищем.

В этот момент позвонил этот парень, который работал в милиции. Рая передала трубку их главарю. Не знаю, что ему сказали, но он извинился и ушел. Минут через 30 за нами приехала черная «Волга», мы все сели, и нам сказали, что эту машину не будут проверять и мы спокойно доедем до паромы. Приехали в порт. Документов у нас нет, мама еле ходит, не помнит, кто она, на ней только ночная рубашка и пальто, потому

что у нее все тело болело и ничего невозможно было надеть. Мы идем к парому и вдруг раздаются крики. Оказывается, бандиты узнали, куда везут армян, стали оттачивать милицейские кордоны и военных, чтобы пробиться к парому. Видно, мало им было того, что натворили, они хотели всех убить.

Начались столкновения, шум, крики, драка. Мы вцепились друг в друга, и вдруг я чувствую, как меня кто-то из этой кучки за шкуру тянет. Я хотела закричать, и вдруг вижу – папа Сабины! Я совсем забыла, что он милиционер, а он даже не знал, что мы армяне, потому что я очень хорошо говорила по-азербайджански. И он говорит мне: «Подожди пару минут». Маму он не узнал даже. И вот он провел нас на паром, его племянник работал на этом пароме. Он сказал ему, что мы должны нормально доехать, достал 100 рублей, дал мне и сказал, что это все, что у него есть с собой.

На пароме можно было сойти с ума. Избитые, израненные, перебинтованные люди на носилках, некоторые уже умерли. Я вышла, чтобы пойти в туалет. Когда папа Сабины поручил нас своему племяннику, он сказал, что если с нашей головы хоть волос упадет, то не простит ему. Он понимал, что что-то неизбежно случится, потому что очень много еразов на паром поднялись под видом армян. Их легко было вычислить: они говорили на армянском хорошо, с ереванским акцентом.

И вот там девочку убили на пароме, 12–13 лет ей было. Когда я в туалет пошла, видела ее, она еще живая была, с кем-то разговаривала. А на следующий день на пароме обнаружили ее мертвое тело...

Еще я очень хорошо помню такой случай. Мы сидели у того парня в каюте и вдруг слышим крики. Мама ничего не сообщает, Лиля и Яна, наша младшая сестра, спят, бабуля сидит – все ноги она отбила себе. А в каюте круглые окна были, и я смотрю в это окно и думаю, интересно, который час. И вдруг вижу – людей бросают в море. Я постучала в дверь, он открыл, я спрашиваю, что там происходит? А парень показывает пальцем – мол, молчи. И говорит: «Я обещал, что вы доедете живыми и невредимыми. Если кто узнает, что вы тут, меня тоже зарежут, так что молчи». Так мы доехали до Красноводска... Там этот парень дал нам 50 рублей, подошел, маму обнял, дал стрептоцид, бинты, потому что у мамы еще кровь сочилась. У нее ножевое ранение очень глубокое было. Раина мама оттуда пол-лезвия достала, но, видно, нож сломался в ране. Нож из

нашего дома... Мы потом узнали от соседки, что они искали в Москве тех, кто остался жив, чтобы не рассказывали о случившемся.

Когда мы сошли с парома, нам предложили поехать либо в Ереван, либо в Ашхабад. В Москву уже не отправляли, поэтому Лиля с бабулей поехали в Ашхабад. Мы подумали, что, может быть, найдем кого-нибудь в Ереване из родственников, и поехали туда. В Ереване мы видели, как армяне помогали азербайджанцам, которые еще остались в Армении, загружать вещи в контейнер. Говорят, все люди одинаковые. Но я видела, что азербайджанцев из Армении никто не выгонял, не преследовал. Нас привезли в квартиру, сказали, что, если мы здесь останемся, они помогут вынести вещи. Чемоданы азербайджанцев в этой квартире были аккуратно уложены, мебель, постель — все было аккуратно упаковано в большой контейнер, и они так спокойно уехали. Я не видела, чтобы кто-то кого-то резал, насиловал, в Ереване этого не было. Я не видела, чтобы с ними делали что-то, хотя бы отдаленно напоминающее то, что сделали с нами...

Наша сестра не захотела сегодня прийти. Она на тринадцать лет младше нас и не может говорить об этом. Это наложило отпечаток на всех нас. Я, например, не хотела об этом ничего слышать. Кому захочется слушать о том, что они сотворили с нашей матерью? Когда мама рассказывала кому-то свою историю, она не разрешала, чтобы мы присутствовали при этом, поэтому мы об этом только читали. В Москве, например, пришли врачи и расспрашивали, что и как было, чтобы оказать ей помощь. Следовательно приходили, милиция. У нас сохранилось несколько статей в газетах. Мама их прятала, она категорически не желала нас травмировать. Но она хотела, чтобы люди знали о том, что с ней произошло, через что она прошла. Она хотела, чтобы мы знали, и когда мы уже взрослые стали, она об этом очень часто вспоминала. Она не могла забыть этого, ночами не спала. Она рассказывала, сколько человек ее насиловали, когда думали, что она уже умерла. И всегда повторяла, что младшему из насильников было лет 14, а самому старшему — около 18-и. Она сильно изменилась, стала очень замкнутой, первое время это вообще был совсем не тот человек, которого мы знали. Она ведь всегда была по натуре веселой, жизнерадостной, и с юмором у нее было все в порядке. Но после того, что с ней произошло, она как бы ушла в себя. Когда мы в армянском посольстве были, в Москве, она сидела в уголке и не могла на людей смотреть. Замкнулась в себе.

Мы приехали в Америку с 50-ю долларами в кармане. Мы никогда не говорим на эту тему, хотя дети знают, что случилось с нами. И ни разу с тех пор мы не справляли Новый год...

Нешвилл, штат Теннесси, США

22.03.2014 г.

БЕЗЗАЩИТНОСТЬ (отрывок из статьи)

Эти три девочки пристроились на полу — на матрасах, где старшие что-то едят из банок, младшая — Янка лежит на материнском пальто, на котором еще остались пятна крови. Рядом с ними бабушка, а мать, сорокалетняя Светлана Авчян, — на стуле, вся перевязанная платками. Она — единственный среди многих человек, который не боится назвать свою фамилию: после того, что ей пришлось вынести, ей уже нечего бояться. В Баку работала уборщицей. 13 января решила отметить старый Новый год: зажгла свечи перед иконой Божьей матери. Когда начали ломиться, держала дверь, пока могла, чтобы девочки успели убежать через окно. Слава богу, бабушки не было дома — вышла на минуту за хлебом... ворвалось человек двадцать, дальше наберитесь мужества слушать: «Лет им было по 18—20. Увидели икону, посмотрели на меня — я сама светлая — и стали допрашивать: ты русская? Говорю — нет. Еврейка? Говорю — нет: а какой смысл скрывать? Навела-то их на нашу семью соседка-азербайджанка. Стали бить — по лицу, по голове — били долго, я несколько раз теряла сознание. Раздели... Ножом прошлись — на шее порезы еще видны. Они думали, что я беременна, — и всадили нож в живот, хорошо, неглубоко. Один тушил об меня горящую сигарету — видите на ноге синее пятно? Другой несколько раз пытался вырвать зубы...» Прodelали с матерью троих детей еще кое-что, чему нет названия на человеческом языке и о чем написать невозможно.

Рассказывает все это Светлана тихо, с трудом: «Потом они ушли — «отвлеклись»: нашего соседа-армянина выбросили из окна... Я очнулась, застонала. Это услышали соседские дети, закричали: она еще живая! — и побежали звать толпу. Тут меня Божья мать все же спасла: я встала — не знаю, где силы нашла, — надела вот это пальто (на

нем кровь до сих пор), вышла...

Ехали паромом: моя давняя знакомая, азербайджанка, помогла нам бежать. Счастье еще, что дети, дочери мои, спаслись. Вот живем здесь на стульях, на матрасах — нам некуда деваться. Дети не учатся. Янка в школу совсем не ходит, хотя ей уже 8 лет: в Баку мы ее в школу не отдали — боялись. Две старшие девочки сейчас тоже не ходят в школу — куда? Да и боюсь я от себя детей отпускать. Мне нужно лечь в больницу, но я со страхом думаю: что с ними будет? Если б нам предложили здесь какой-нибудь пансионат — а то предлагают ехать куда-то под Ярославль, но куда мне в таком состоянии ехать? Бледное лицо, тихий голос: «У меня ни злости, ни даже ненависти нет— только внутри страшная пустота... Почему нас отдали толпе?» Светлана вытирает слезы.

“Собеседник”, N 19, май, 1990г.

<http://ankakhutyun.am/archives/6923>

ЭРИК ГРИГОРЯН

Проживал в Баку по адресу:

**ул. Ализаде (11-я Нагорная), 120,
кв. 31.**

Мы жили в Баку прямо напротив кулиевской дачи. Там сейчас, насколько я знаю, находится резиденция президента Азербайджана

Алиева. Наша семья состояла из четырех человек — отец Роберт, мать Анжела, сестра Диана и я. Когда начались карабахские события, я был студентом четвертого курса Азербайджанского института нефти и химии. Отец мой работал в конструкторском бюро «Нефтехимприбор», мама была главным бухгалтером Бакинского метрополитена, сестра работала в архитектурной компании «Азгоспроект». Февраль 1988 года, когда случился Сумгаит, для нас, как и для всех, стал первым сигналом.

Я хорошо помню субботний день — 28 февраля, когда мой дядя с отцовской стороны вернулся из Сумгаита и рассказывал, что там толпы ходят по улицам, очень много народу в городе и происходят какие-то беспорядки. Но он сам толком не знал, что все-таки случилось, поэтому мы позже узнали о первых — сумгаитских погромах. Лично для меня началом всему тоже стал февраль, когда проходила зимняя студенческая сессия. По одному из предметов — кажется, это была геофизика — я получил «незачет». Забыл фамилию педагога, но хорошо помню, что это был достаточно неприятный человек. Так получилось, что из восьми студентов нашей группы двойку получили я, мой товарищ-армянин (нас было двое армян) и один азербайджанец. Во время пересдачи он вышел и сказал нам, армянам, что окончательно разочаровался в этом преподавателе, но не стал объяснять почему. Потом мы узнали, что педагог ему заявил, что, мол, из-за такого, как ты, я должен этим двоим армянам тоже поставить зачет. Но мы даже тогда не поняли, что постепенно нагнетаются настроения против армян.

Подошло лето 1988-го. Мне кажется, это был тот период, когда армянство Баку было в полном замешательстве, многие упорно отказывались думать, что в столице

может что-то случиться, верили в интернационализм города, возможно, все еще доверяли советской власти. Отчетливо помню летние, во время отпусков, вылазки армян – наших соседей, друзей, когда они стали ездить по всему Советскому Союзу, в Армению, чтобы прощупать почву для возможного отъезда из Баку. Главными направлениями того времени были Ставропольский и Краснодарский края, там у многих жили родственники и знакомые.

Я отчетливо помню осуждающие, обиженные взгляды в сторону тех, кто начал уезжать. Но ведь у каждого тревожный инстинкт выражается по-разному. В городе уже шли постоянные митинги, постоянные разговоры, крутились какие-то слухи. Да, в Баку была своя культура и традиции интернационального быта, но уже не обходилось без неприятных разговоров даже между близкими соседями, коллегами, когда каждый выражал и защищал свою точку зрения. Оглядываясь сейчас назад, понимаешь, что, наверное, это было естественно: армяне не могли понять действия азербайджанцев, а те, в свою очередь, не могли понять армян, и это все заканчивалось расхождениями во взглядах и взаимными обидами.

Но постепенно ситуация накалялась. Обычно ведь так и бывает: вначале люди позволяют себе немного, но если это не наказывается, то позволяют еще больше. Все чаще кто-то мог громко выкрикнуть что-то нехорошее в адрес армян, и если раньше находились такие азербайджанцы, которые осуждали хулиганов, то со временем все вокруг уже молча отворачивались, делали вид, что не слышат или не замечают. А армяне вынуждены были делать вид, что это не к ним относится, что они не армяне. Для нашей семьи пик напряжения пришелся на конец ноября 1988 года, когда в Баку объявили чрезвычайное положение. Я помню, как по улице Дружбы молодежи в Баку неслись танки, и соседи-армяне, которые к этому моменту уже не выходили из дому и не ходили на работу, все как один вышли и начали смотреть на пролетающую по проспекту бронетехнику с советскими солдатами. В это время из подъездов исчезли таблички со списками жильцов, по всей видимости, это было сделано по указке из ЖЭКов, потому что район у нас был в целом армянский. Люди все чаще стали снимать с дверей свои таблички с фамилией. Папа мой всегда был креативным человеком, наш почтовый ящик он своими руками встроил в дверь и на нем от руки была написана

фамилия. И когда я сказал отцу, что все уже сняли таблички, а наша еще висит, папа просто взял маленькую кисточку и закрасил фамилию.

Тем не менее, как я уже сказал, район у нас был настолько армянский, что ошибиться было невозможно: слева, справа, снизу, сверху – все были армяне.

К ноябрю все окончательно накалилось. Мы жили недалеко от метро «Гянджлик» и прямо рядом, на площади Победы, располагалась вся эта военная техника. Хорошо помню, как мы с мамой зашли в хлебный магазин и продавец, который наверняка знал нас всех в лицо, сказал маме что-то типа вам вообще хлеба не полагается... Словом, выругался. Я только успел заметить, как мама, показывая на технику и военных, громко спросила его: «Ты даже этого не боишься?» Я вот сейчас, постфактум, задумываюсь о поступательности процессов и понимаю, что, скажем, в 1990 году такое уже было невозможно, чтобы мама могла громко ответить кому-то на оскорбление. Это лишний раз доказывает, как безнаказанность поощряет и позволяет нагнеть все больше и больше. Отчетливо помню еще один момент. Была такая абсурдная идея: начали организовывать народные дружины, и безоружные армяне и русские ходили и патрулировали районы, якобы чтобы помочь соблюдать порядок в городе. Самое опасное, что мог взять с собой в такой рейд наш папа, была отвертка. И вот он с этой отверткой ходил по улицам, а вся семья в это время в тревоге не спала, потому что мы прекрасно понимали, что папа в компании трех других таких же совершенно неподготовленных людей бродит по темным улицам города.

Осенью 1988-го, когда ситуация накалилась до предела, нам удалось найти единственный авиабилет для моей сестры. Надо сказать, что тогда главной целью для всех армянских семей было вывезти женщин, детей, молодых девушек. Сестру уже уволили, мама тоже перестала ходить на работу. Мы поехали в аэропорт, проводили сестру, посадили ее в самолет, и я очень хорошо помню, как мы с мамой возвращались из аэропорта. У меня остались яркие воспоминания об этом дне: очереди молодых девушек, детей и – магнитофоны в руках у всех... Если бакинские армяне что-то и смогли вывезти из Баку, так это магнитофоны. Все остальное осталось там. К этому моменту по ночам практически невозможно было спать, потому что толпы постоянно ходили под окнами и выкрикивали: «Смерть армянам!», часто даже раздава-

лись выстрелы. Поэтому буквально на следующий день после отъезда сестры мы все – я с родителями, с сестрой мамы, ее мужем и грудным ребенком – выехали из города на поезде. Наш дядя, который почти всю свою жизнь преподавал в Азербайджанском педагогическом институте, известный специалист, уважаемый человек и принципиальный коммунист, считал своим долгом вывезти всех и уехать последним. Он приехал за нами на арендованном за двойную, то ли тройную цену пазике. Мы были очень напуганы, он собрал нас всех и повез на вокзал, где стояла охрана из солдат советской армии и собралась огромная толпа. Все, естественно, понимали, что армяне уезжают именно отсюда и поджидали на вокзале многих из тех, кого они преследовали. Товарищ-азербайджанец, который, кстати, и пересдавал со мной экзамен, пришел провожать нас. Я помню, как он увидел меня, когда мы грузили чемоданы, и хотел подойти помочь, но дядя буквально прыгнул на него, чтобы не дать ему этого сделать. У него была типично азербайджанская внешность и, помогая нам, он бы рисковал собой.

Мы сели на этот поезд 30 ноября и приехали в Армению 1 декабря 1988 года. Было сопровождение на каждый вагон, если не ошибаюсь, по два военных с автоматами стояли. Прямо на границе, перед въездом в Армению нас встретила разъяренная толпа азербайджанцев. Защищал от нее кордон из солдат, милиции, гражданских патрульных, но толпа громко скандировала антиармянские лозунги, угрозы, оскорбления и в целом вела себя очень агрессивно. Все облегченно вздохнули только тогда, когда поезд, наконец, пересек границу.

Дядя мой уезжал из Баку последним из всей родни. Он досидел до того дня, когда, будучи добросовестным партийцем, пошел платить партийные взносы в свою институтскую организацию. И там начинающие преподаватели, будущие педагоги Азербайджана избили его, сломали ему ногу. Только после этого они выехали в Грозный, где у дяди были родственники.

Самый печальный эпизод для нашей родни связан с моей троюродной сестрой и ее мамой, которая в это время тяжело болела, поэтому у них были трудности с выездом. Они жили в районе Арменикенда, в собственном доме. Досидели там до январских событий и выезжали на пароме. До сих пор, исходя, я уверен, из лучших побуждений, тетя не рассказывает нам всего того, что она видела и знает. Она просто обходит

эту тему, хотя кое-что мы от нее слышали. Были дни, когда она с нами разговаривала по телефону из Баку и шептала что-то, мы ее переспрашивали, говорили, что не слышим, а она пряталась под одеяло, под подушку, чтобы, не дай Бог, никто не услышал, настолько ей было страшно. Я думаю, что на этой улице Инглаб (что в переводе с азербайджанского означает «революция»), которая еще называлась 10-я Нагорная, она стала свидетельницей какой-то ужасающей сцены. Мы слышали об этом урывками, из которых можно предположить, что она видела, как по улице несли распятую на кресте девушку-армянку. Тетя сейчас живет в Ереване, но до сих пор не может говорить об этом.

Нешвилл, штат Теннесси, США

22.03.2014 г.

КУШМАНЯН ВЛАДИМИР

ШАГЕНОВИЧ

Проживал в Баку по адресу: ул.

Шаумяна, 28, блок 5, кв. 43.

Работал хирургом в медсанча-

сти Министерства

промышленного строительства

Азербайджанской ССР.

Мне пришлось убежать из Баку дважды. В первый раз это случилось в ноябре 1988 года. Мы приехали в Москву, откуда нас через несколько дней переправили в Ереван, как раз в ночь перед Спитакским землетрясением 1988 года. Разместили в здании детского сада, где мы прожили до тех пор, пока Горбачев вместе с первым секретарем ЦК компартии Азербайджана Везириным не объявили, что мы можем возвращаться, все хорошо и ничего с нами не будет.

Но вернувшись в Баку, мы сразу же почувствовали весь ужас этого ада. Трудно передать словами, что там творилось, какой степени достигла антиармянская истерия. Дошло до того, что моему сыну сломали руку, и мы обратились в травмопункт по улице Гоголя (показывает документ). Издевались над моей женой по месту работы так, что она была вынуждена написать заявление коменданту города Баку генералу Колесникову, где подробно описала ситуацию. А в ответ получила издевательское письмо (показывает письмо) о том, что там никаких проблем нет, все прекрасно. Тем не менее 12 работников армянской национальности оттуда уволились по собственному желанию, а часть просто вышла на пенсию.

Убийства, массовые издевательства, избиения происходили каждый день, жить было просто невозможно. Убили моего товарища, стоматолога Гришу Степаняна. Он вернулся в Баку, чтобы попытаться обменять квартиру. Но на углу улиц Шмидта и Телефонной его затащили в один из подъездов и там закололи ножами.

Пришлось нам второй раз бежать из города – в июне 1989 года. Все имущество мы

оставили в Баку, ничего взять не удалось, даже фотографии почти все пропали. Приехали в Москву и вынуждены были остаться там. Я обращался и в Прокуратуру СССР, и к Горбачеву, писал всему высшему руководству СССР. Но все мои заявления перенаправлялись в МВД Азербайджанской ССР, то есть тем, кто и творил все эти дела.

Кстати, еще в 1988 году я видел так называемых беженцев из Армении, с Кафана. Их встречали на вокзале эмиссары Народного фронта Азербайджана и давали им указания, как себя вести, что делать. Они оставляли все вещи на вокзале, их сажали в микроавтобусы и везли на площадь Ленина, на митинги. Я сам был на площади Ленина, когда толпе приказывали: «Все садитесь! Кто не сядет, тот армянин». Главным лозунгом там было «смерть армянам», а с трибуны распространялась наглая ложь о событиях, которые якобы произошли в Кафане. С трибуны говорили: «Творите с их женщинами то, что они творили с нашими женщинами в Армении». Я сам слышал, как Везиринов сказал, что послали 600 грузовиков в Армению, якобы чтобы вывезти тамошних азербайджанцев. Это было как раз перед землетрясением, всех их спокойно вывезли в Азербайджан и никто никого не преследовал. И уже тогда, в 88-м, у нас в подъезде появлялись надписи «смерть армянам», «бей армян», «армяне, убирайтесь из Баку»...

В конце ноября 1989 года я вновь на несколько дней прибыл в Баку, инкогнито. И зашел в здание штаба Народного фронта, которое находилось по улице Шмидта. Я отлично говорил на азербайджанском и им даже в голову не могло прийти, что я армянин. В штабе постоянно звучала грязная ругань в адрес армян, но главное – я видел там списки адресов армян города Баку, на которых было написано примерно следующее: «Дорогие собраты, азербайджанцы! Идите и отбирайте имущество армян, которые грабили нас все эти годы, оставив нас нищими, а сами разбогатели». Я видел эти списки собственными глазами. Даже поднялся на второй этаж, слышал их разговоры, как они там все планировали и боевиков посылали по адресам.

Я уверен, что все происходящее благословлялось сверху. Мы позже поняли, что все эти разговоры о том, что армия, дескать, опоздала на три дня, три часа или на 20 часов – неправда. Это кому-то было нужно, это было организовано. Еще будучи в Баку, я подходил к людям, которые приехали из Москвы (видимо, из КГБ), спрашивал их,

что же это творится? Они лишь пожимали плечами. Я разговаривал даже со старшими офицерами советской армии, которая вошла в город, в частности, с одним полковником. Этот полковник тоже мне ничего толком не мог сказать, отмалчивался.

Потом я узнал, что в ночь на 17 или 18 января 1990 года наша квартира была взломана и ограблена моими же соседями. Насколько мне известно, впоследствии было разрушено и кладбище в районе так называемых Волчьих Ворот, где похоронены мои родители. Отец был похоронен в воинской части кладбища, у входа, а мать – в гражданской части, где в основном армяне похоронены (показывает документы). Я не знаю, есть сейчас эти кладбища или нет, но знаю точно, что надгробья были украдены, потому что они были сделаны из ценного гранита.

Нешвилл, штат Теннесси, США

22.03.2014 г.

САБИНА МАИЛЯН (ХАРАТОВА)

Я выросла в Баку, родилась там в 1973 году, в семье государственного тренера Азербайджанской ССР по хоккею на траве. Мама моя была научным сотрудником, преподавателем гистологии в Медицинском институте. Бабушка моей мамы, Джеваир Арзуманова, пережила Геноцид армян, бежала из Турции и обосновалась в Баку. Потом это все повторилось уже с нами...

К сожалению, я ее не застала живой, но разговоры на эту тему до меня, конечно, доходили, в семье вспоминали ее рассказы. Но в то время все было немного иначе, мы жили в интернациональной среде, поэтому я ничего не чувствовала до того, как начались события. Мы вообще не ощущали притеснений, хотя знали, конечно, что если у тебя фамилия армянская, значит, ты не первый, ты – второй. Но это не мешало нам достигать успехов и в учебе, и в профессии, и во всем остальном. Так что жаловаться на свое детство я не могу.

До 15–16 лет все в моей жизни было безоблачно, мы со всеми были большие друзья – и с евреями, и с азербайджанцами, и с русскими. Говорили и на азербайджанском, и на русском, и на армянском языках, так что и языковых проблем не было. Я девять лет проучилась в 23-й школе и все девять лет была старостой класса. В нашем классе были и русские, и азербайджанцы, но их было меньшинство – большая часть учеников и педагогов были армянами. Но когда это все началось в 1988 году, стало очень неприятно, тяжело. Однако мой папа до последнего дня не хотел уезжать. Он не верил, что что-то может случиться, что его могут выгнать с работы, могут что-то обидное ему сказать, избить, в конце концов. И отказывался уезжать из Баку.

Как-то – это был уже 1989 г., где-то в апреле, – ученики нашего класса, в основном азербайджанцы, провели собрание и решили, что это неправильно, что на протяжении девяти лет старостой класса в Азербайджане является армянка. 15-летние мальчишки и девчонки, которые у меня дома постоянно просили мою маму приготовить

им толму, вдруг решили, что я им в старосты больше не гоюсь. Это был мой последний день в школе, я не вернулась туда.

К тому времени мой папа занимал высокую должность. А на площади проводились митинги под лозунгом «смерть армянам», перечислялись имена, в том числе моего папы – Бориса Арутюнова и дяди – Ивана Тиграновича Джаграева. Друзья и сотрудники папы сделали ему удостоверение на имя Рухадзе Бориса Андреевича, хотя он был Арутюнов Борис Андроникович. И с этим удостоверением мой папа ходил как лицо грузинской национальности.

До нас тогда постоянно доходили слухи об избиениях и убийствах армян. На наших глазах избивали соседей. В районе, где был расположен завод им. Шмидта, работники – азербайджанцы, армяне – годами работали рука об руку, считались одной семьей, ходили друг другу в гости и делили хлеб-соль. Но в те дни многие азербайджанцы наводили погромщиков на друзей-армян. Среди наших соседей были наводчики на те армянские квартиры, где можно было чем-то пожить, украсть, взять. Один из наших знакомых по фамилии Петросов работал на заводе Шмидта. Его и жену сильно избили работники этого же завода, прямо во дворе дома. Очень жестоко избили нашего водопроводчика, дядю Беника. Это все происходило на моих глазах. Я видела, как мучили армян, издевались над ними, оскорбляли, плевали в лицо. У меня самой не было проблем, поскольку я владела азербайджанским языком, да и имя у меня такое – Сабина. А на лбу ведь не написано, что ты армянка... Я побаивалась, конечно, но в свои 15–16 лет знала, как выжить. Понимала, где что надо сказать по-азербайджански, где говорить по-русски, а где по-армянски. В 15 лет, когда девочки думают совершенно о другом, я вынуждена была думать о том, что мне надо умно вести себя, чтобы остаться живой.

Мама моя работала тогда в институте Кирова, большинство сотрудников которого были армяне. Как-то, это был 1989-й год, туда ворвалась банда Народного фронта и маму вместе с остальными армянами спрятали. Этот случай окончательно перечеркнул нашу надежду на то, что, может быть, все еще нормализуется. Я помню, как мама сказала, что должна увезти дочку отсюда. Брат в то время был в армии. И мы с мамой уехали в Армению. У нас нигде не было родственников, все они жили в Баку, ехать было

не к кому. Брат к тому времени вернулся домой, но отказывался уезжать, он играл в сборной Азербайджана по хоккею. Мама сказала ему, мол, просто проводи меня с Сабиной, а потом вернешься. Но, естественно, брат никуда не вернулся и остался с нами.

А папа сидел там до последнего... Он собирал вещи, пытался что-то сделать, не верил во всю эту ситуацию, пока погромщики не пришли к нам домой. Мы жили на улице Кадырбекова, это был угол улицы Шмидта, где начинались все эти митинги, демонстрации и все остальное. А весь район назывался Завокзальный, и там большинство жителей были армяне. Наш огромный восьмиблочный дом тоже процентов на 75 был заселен армянами. Две мамыны сестры были известными врачами. Одна эндокринолог, другая ларинголог. Она работала в 4-й поликлинике этого района. Когда погромщики ворвались к ней в кабинет, один из них сказал, что, мол, мы тебя за армянку не считаем, ты для нас наша, поэтому трогать не будем. А она ответила, что ей это чести не делает. Тем не менее, поскольку она на самом деле спасла много жизней и была очень известным врачом, ее просто проводили домой. Последней каплей для отца стал случай с моим дедушкой, его отцом. Азербайджанцы, приехавшие из Еревана – их называли еразы, – поймали дедушку в парадной его дома и спросили по-армянски: «Дед, ты армянин?» Он ответил, да, армянин. И они его избили, причем очень жестоко. На следующий день папа вместе с бабушкой, дедушкой и моей тетей на машине, которая перевозила мясо – рефрижераторы они назывались, – приехали к нам в Ереван. Ситуация в Армении после землетрясения была ужасная. Очень тяжело было жить – блокада, ни света, ни тепла, ничего. В школу я не ходила примерно три месяца. Потом все-таки закончила десятый класс в ереванской школе. Я считаю, что нашу семью спасло имя и положение родителей. Когда ситуация обострилась, папе сразу предложили место государственного тренера в Спорткомитете СССР в Москве. Но он сначала устроился на работу в Ереване, где его без проблем приняли, потому что знали, да и друзей было очень много. Но, к сожалению, он не говорил, не читал и не писал по-армянски, поэтому в Ереване работать ему было очень трудно.

Мои родители сейчас живут в Москве, постоянно приезжают к нам. Мама всегда говорила и говорит, что история повторяется и просто нужно вовремя уходить. На ошибках учатся, но видите, мы этого не умеем... Бабушка мамы обосновалась в Азер-

байджане после Геноцида в Турции. По сути дела, они тоже не извлекли уроки из истории и остались в Баку. Вот история и повторилась...

Нешвилл, штат Теннесси, США

23. 03. 2014 г.

**РОМАН ЛАВРЕНТЬЕВИЧ
САФАРОВ**

Родился в 1969 году.

***Проживал в Баку по адресу:
ул. Сурена Осипяна, 48.***

Я закончил в Баку школу, потом техникум и в 1988 году был призван в армию, служил в Москве. Вернулся в Баку в 1989 году и сразу попал

в передрагу. Меня сильно избили, причем в нашем же районе. Подробности вспомнить очень трудно, настолько это было ужасно, я давно выбросил это из своей памяти.

Мы возвращались домой, было часов 10 вечера. На улице остановили знакомые, которые знали, что я армянин. Нашли какой-то повод, чтобы придраться, ну и я, в соответствии со своим характером, не остался в долгу. Они избили меня. Я от них убежал, на остановке открыл заднюю дверь уходящего автобуса, влез туда. Я сам себя не видел, но, оказывается, был весь в крови. В автобусе все спрашивали, что со мной произошло. Откровенно ответил, что ничего, просто я армянин.

К тому времени я успел поработать в профилактории в Баку, и многие клиенты меня знали. Один из пассажиров автобуса оказался знакомым, и когда на следующей остановке я решил выйти, он пошел со мной. Отозвал меня в сторону, остановил такси и подвез до дома. Мама открыла дверь и упала в обморок. Пришлось наполнить ванну холодной водой и просидеть там пару часов, пока все это отходило.

Те, кто избил меня, на этом не успокоились, тем более что я успел зацепить парочку из них. И они пришли к нам домой, знали, где я живу. В этот момент дома были отец, мать и младшая сестра, я за них, конечно, боялся, поэтому пришлось все спустить на тормозах. Вышел в подъезд, поговорили, они вроде бы извинились, хотя понятно, что извинений в этом случае было недостаточно – я был на волосок от смерти. На следующее утро мы решили уехать. Взяли с собой только то, что поместилось в машину, двинулись в сторону Дагестана, так как многие наши родственники жили в Махачкале, в Дербенте. Оттуда уже в Армению переехали.

Отец мой был главным инженером Министерства нефтяной промышленности.

Ездил по всему бывшему Союзу, разрабатывал нефтескважины, открывал их. После Сумгаита, за год до нашего отъезда, его уволили с работы. Мама была преподавателем в музыкальной школе, проработала там почти 17 лет. Как-то директор вызвал ее и сказал, что придется уволиться по собственному желанию, и она написала заявление. Сестра в том же 1988 году поступила в азербайджанский госуниверситет, на математический факультет, но через три месяца после начала учебного года в университете царила такая ситуация, что посещать лекции было невозможно. Пришлось их с моей будущей супругой перевезти в Ереван, где они продолжили учебу. Вот такая обстановка была в Баку в те годы – невозможно было ни работать, ни учиться, ни жить нормально, даже просто передвигаться по городу было опасно.

После отъезда мы получали сведения о ситуации в Баку от бабушки с материнской стороны. Она говорила, что информация об армянских фамилиях выдавалась погромщикам в ЖЭКах. Бабушку тоже избили – 70-летнюю женщину. Группами по 10–15 человек они шли по конкретному адресу и избивали людей, грабили квартиры. Вот так и выживали потихоньку армян из города. Эта моя бабушка была родом из Кировабада. После переезда в Америку у нее обнаружили рак на почве нервных потрясений, спустя менее года она скончалась.

А с отцовской стороны наши корни из Западной Армении – моя бабушка была родом из Вана, откуда бежала с семьей в 1905 году. Скончалась она в 1971 году от рака крови, который «заработала» на строительстве Шолларского водопровода в Баку. Маленькой девочкой ходила туда и помогала строить, работала, стоя в воде... Так и получилось, что родственников наших разбросало по разным местам. Мои прадеды приехали в Баку и остались, потому что с работой здесь было проще.

Наш дом имел два адреса, поскольку был расположен на углу 9-й Свердловской, между улицей Сурена Осипяна и проспектом Ленина. Сейчас там находится американское посольство. Мы практически ничего с собой не взяли, единственное, что смогли, – сесть в машину и уехать. Квартира осталась, и соседи нам говорили, что ее не тронули. Поэтому в конце 1989-го мать моя рискнула вернуться в Баку в надежде что-то продать. Это было прямо перед январскими погромами, там еще оставалась наша бабушка. У мамы ничего, конечно, не получилось. Их вообще сра-

зу предупредили, что лучше поскорее уехать, потому что за ними была слежка. Она с бабушкой спаслись только благодаря хорошему другу отца – азербайджанцу. Я всегда помню об этом. Последние дни перед отъездом они жили у него, а 13 января, в день начала погромов армян в Баку, он, рискуя собой, вывез маму и бабушку на своей машине в аэропорт и посадил в самолет. Вот так они и спаслись. Я лично свидетелем насилия над другими не был. Но здесь, в Америке, в Сиэтле, живет наша бакинская соседка, Неля¹, фамилию сейчас не могу вспомнить, она жила на третьем этаже. Так вот, ее бросили в огонь, но ей удалось выбраться из костра и остаться в живых. Она сильно обгорела, но выжила.

Отец мой скончался в 2008 году уже в Америке, мать жива. Богатства он мне не оставил, зато завещал семейную историю. В стареньком отцовском дипломате, который я часто открываю, хранятся документы на их имущество в Западной Армении. Семья владела большими земельными участками у озера Ван. Не знаю, каким образом, но им удалось сохранить все эти документы. Отец взял их с собой в Америку, бережно хранил и завещал мне...

Нешвилл, штат Теннесси, США

22.03.2014 г.

1 Речь, скорее всего, идет о Нелли Телунц. См. рассказ Каринэ Торосян в настоящем сборнике.

ТИГРАН МОВСЕОВ

Супруга – НИНА ПОГОСЯН

Тигран:

23 года назад я приехал сюда. Приехал не потому, что в Армении плохо – просто судьба такая. Мы сами виноваты, сами допустили ошибки. Мы не верили, что такое может произойти при советской власти.

Когда случился «сумгаит», мы не думали, что это может повториться в Баку. До нас это не могло дойти, потому что мы родились совсем в другой системе, мы слишком доверяли нашей власти. Мы не могли поверить, что нас не защитят. Мы не знали, что у этих бедных солдат, которые стояли на вокзале, нет патронов. Люди из Народного фронта бросали в них камни, а они

не могли защищаться и нас защитить. Я сам видел, как у солдат слезы текли от беспомощности, от того, что ничего не могли сделать против бандитов.

Это были настоящие звери. Потому что люди не могут убивать булыжниками маленького ребенка, это невозможно! Мы уехали, но я вернулся в Баку, чтобы спасти отца жены и ее парализованную тетю. Отец не верил, не хотел двигаться с места, уезжать из Баку. И вот я как-то стоял на балконе и вдруг увидел – идет по улице ветеран войны, а за ним бежит толпа. Я тут же позвал тестя. Мы стояли вместе и смотрели, как молодые парни камнями забивали старика с медалями на груди. С медалями, как будто они могли его защитить...

Первая сволочь – это Горбачев. Он наш враг. Его судить надо было за преступления против армян Азербайджана, но его никто не судит. Если бы из Москвы сразу остановили этих зверей, погромы, возможно, прекратились бы.

Уже приехав в Москву, мы решили пойти в посольство США, потому что нас никто

не хотел слушать. В самой Армении – страшное землетрясение, республика остро нуждалась в помощи. Мы проводили в Москве акции, митинги... Но все было бесполезно. А когда мы обратились за помощью к американцам, нас, в том числе и меня, вызвали в КГБ и сказали: «Зачем вы предаете Родину? Мы вас обеспечим квартирами здесь, в Москве, вы же коммунисты!» Но было уже поздно – мы решили уехать, потому что никому не было до нас дела.

Нина:

Родилась я в Баку. Мы стали беженцами два раза. В первый раз это случилось в ноябре-декабре 1988 г. Мы потом называли этот день – 5 декабря – Кровавым воскресеньем.

В городе был введен комендантский час, всюду стояли солдаты. Мы решили уехать из города. Родители сказали нам: «Берите детей и уезжайте. Мы уже пожилые, а вы спасайте детей». Взяли билеты на поезд и пешком дошли до железнодорожного вокзала. Сели в поезд и благополучно доехали до Москвы. В постпредстве Армении нам предоставили номер в гостинице, где уже было очень много бакинских армян. Я помню, как работники азербайджанского постпредства приходили в гостиницу, просили у нас прощения, обещали, что все будет нормально. Уговаривали возвратиться. Ну, мы поверили и вернулись. А сестра моя, Нона, с детьми уехала в Ленинград.

Мы вернулись в Баку. Летом я снова пошла на работу, все было вроде нормально. Но недолго. Моя мама работала в Мардакянах зубным врачом. И вот как-то пришли к ней на работу и сказали по-азербайджански: «Армянка? Чтобы завтра тебя здесь не было!» Моя мама всегда была боевой женщиной, в 76 лет еще работала. А тут пришла домой как мышка, очень сильно напуганная. И говорит, мол, все, завтра на работу не пойду. Через несколько дней и ко мне на работу (я в музыкальной школе преподавала) пришли и потребовали не приходить больше. Меня уволили.

А мы в тот период постоянно ходили в обменное бюро, чтобы продать или обменять квартиру. И когда я как-то снова пошла туда, муж с ребенком вернулся домой и, узнав, где я, тоже пошел в это бюро. Меня уже там не было, а его окружила группа азербайджанцев, молодых ребят. Я уже научила 5-летнего сына, когда спрашивают имя, отвечать: «Агаронов». И его там спросили: как папу зовут? Он не отвечает. Спро-

сили, а как фамилия? Он сказал: «Огородников». Вместо «Агаронов». Мужа спрашивают: «Армянин?» Он ответил, что еврей. Они говорят: «Давай пойдем в кусты, проверим». А муж от страха за сына разозлился, начал кричать: «Ты кто такой, чтобы я тебе что-то показывал!» В этот момент подошел пожилой мужчина, хлопнул мужа по плечу и посоветовал в следующий раз, выходя на улицу, брать с собой паспорт. Их отпустили. Он пришел весь такой бледный... За ребенка перепугался.

Наступил январь 90-го – вот-вот погромы начнутся, и мой день рождения был в те дни. 11 января раздался звонок. Тетя у нас была парализованная, в инвалидном кресле передвигалась. Жили они на Гоголя, 15. Звонили ее соседи. Они рассказали, что зашли в тетину квартиру, закидали ее яйцами, спрашивали, кто с ней живет. Дочка испугалась, спряталась в кладовке. Пришлось моему мужу звонить товарищу-азербайджанцу. Он сказал, что заедет за мужем и поедут заберут их. Привезли ее, еле подняли на 5 этаж, искупали, привели в порядок... И тут раздался еще один звонок: «Чтобы завтра вас уже не было». Это было как предупреждение.

Мы снова кинулись звонить друзьям. Товарищ мужа жил в доме железнодорожного управления и пообещал достать билеты. Взял плацкартные места, еще и извинялся, что не купейные. Это было уже 12 января. Рано утром за нами прислали такой маленький автобус, алабаш их называли, с занавесками. Мы спускаемся вниз. Слышим – крики, шум вокруг. И когда подъезжали к железнодорожному управлению, увидели, как с балконов выбрасывали людей. Помню, женщину в комбинации черной выбросили... Мы через щелочку в занавеске смотрели. И слышим, как эти бандиты друг другу что-то кричат, выносят мебель из квартир, грабят всюю...

У вокзала остановились, сопровождавший нас парень пошел посмотреть, когда будет поезд, чтобы мы не ждали на перроне. Вернулся, говорит, что поезд уже ушел. Что делать? Едем обратно, с парализованной тетей тихонько поднимаемся снова в дом. Было нас восемь человек. Детей мы еще в ноябре отправили с братом моего мужа на Украину. А друзья-азербайджанцы, хоть и боялись, но спрятали нас у себя. И снова начали звонить насчет билетов. Достали нам билеты на места в двух купе. Опять утром подъезжает этот алабаш, на вокзале мы выходим (а там крики, шум, кого-то грабят, что-то тащат) и тихо-тихо идем, тетю на стульчике несут. Пришли на перрон. Семь ча-

сов. Подъехал московский поезд – и вдруг поднялся шум. Ребята побежали, посмотрели... Говорят, жгут. Людей, чемоданы – все-все горит. И мы чувствуем этот запах, видим дым... это было что-то ужасное. Солдаты там стояли с дубинками, оружия у них не было. На той стороне, где начало вокзала, было очень много народу, оттуда раздавались крики, шум. Они уже собирались напасть на нас, всех убить, не дать уехать. Но тут нас окружили солдаты, загородили собой. Холодно, стоим и мерзнем. И так часа 3 простояли. Наконец, в половине одиннадцатого подъезжает поезд на Украину. Нам не дают сесть. Муж сунул проводнику денег, чтобы тот впустил нас в вагон. А проводник не в курсе, что происходит, сказал только, чтобы тихо сидели. Мы зашли в купе, закрылись. Света нет. Минут через десять-пятнадцать приходит проводник и говорит: «Забирайте свои вещи и уходите, а то меня сожгут с вами вместе». Мой папа вышел, дал ему еще денег, сказал, что мы выключим свет, будем сидеть тихо, как будто нас нет. Уговорили. Деньги взял, успокоился.

В этот момент снова слышим крики. Потом мы узнали, что происходило на перроне. Там такое творилось! Мужчина в большом чемодане вез брата, которого убили и на куски разрубили. Он все туда положил и вез, чтобы похоронить. Мы сами видели это, он с нами разговаривал. Потом пришла женщина-проводница и сказала, чтобы мы не волновались, что там все нормально. Когда она узнала, что к чему, начала возмущаться: «Пусть только попробуют что-нибудь сделать! Это на нашей территории. Мы сейчас им покажем!» После того, как проехали Махачкалу, нам сказали, что все позади, не бойтесь.

Когда доехали, мой муж вышел из поезда и упал бы, если бы брат не подхватил его. Как мы все это перенесли, не знаю... Крики, запах паленого, горелого человеческого мяса – этого я никогда не забуду. Мы все время держали друг друга за руки, дрожали и думали, что это конец. Очень было страшно, очень...

Сан-Франциско, штат Калифорния, США

31.03.2014 г.

КАРИНЭ ТОРОСЯН

**Проживала в Баку по адресу:
пр. Нефтяников, 16, кв.12**

Осень 1989 г.

Моя бабушка, Телунц Сатеник Сергеевна, проживала в Баку по адресу: 4-я Свердловская, д. 15, кв. 2. Осенью 1989 года ее дочь и моя тетя Телунц Нелли Аваковна жила с ней. Однажды ночью в дверь к ним грубо постучались. Через щелку тетя увидела молодых азербайджанцев. Женщины придвинули стол к двери и перебежали во внутреннюю комнату. Там они забаррикадировали дверь мебелью. Нападавшие выломали входную дверь (дом был старый), перескочили через стол и стали ломиться во внутреннюю комнату. Бабуля и Нелли приставили к двери стулья и сами уперлись в нее. Один из погромщиков просунул нож в уже полуоткрытую дверь и ранил бабулю в руку. Она стала медленно скатываться по двери на пол, остановить кровотечение не удавалось. Женщины кричали, плакали, молились, уже ни на что не надеясь.

В этот момент со второго этажа спустился молодой азербайджанец. Он разогнал бандитов, помог женщинам, остановил кровотечение.

На следующий день утром Сатеник Сергеевна и тетя Нелли пришли к нам. Бабуля покинула дом, в котором прожила 70 лет.

13–14 января 1990 г.

Поздним вечером 13 января 1990-го в дверь нашей квартиры постучали. Люди за дверью громко кричали, требуя открыть. В это время в доме находились мои родители: папа – Торосян Аршалуйс Ваганович и мама – Торосян (Телунц) Седа Аваковна, а также бабушка Сатеник Сергеевна и тетя Нелли.

Папа отворил. В квартиру ворвались погромщики, члены Народного фронта Азербайджана, и разбежались по комнатам в поисках золота, драгоценностей, денег. Один из них радостно вскрикнул, найдя небольшую полированную коробочку, но потом со злостью швырнул ее: там были запасные иглы вязальной машины. Бандиты не нашли в доме ничего, кроме денег.

Родители, бабуля и тетя молча сидели на диване. Азербайджанцы, ругаясь, выве-

ли их всех в подъезд и начали сталкивать вниз по лестнице. Бабуле было 87 лет, она споткнулась. Это развеселило нападавших... Во дворе стоял автобус. Моим родным связали руки и втолкнули в него. Нападавшие вышли, а водитель, ухмыляясь, сказал: «Скоро вы будете в своей любимой Армении». Спустя некоторое время погромщики вернулись с большим тяжелым мешком. Позже выяснилось, что в нем было тело нашей соседки, Такуи Арутюновой. Автобус ехал долго, людей вывезли за город, кажется, в поселок Саруханы в 30 км от Баку. Мама спросила у папы: «Нас хотят убить?» Он промолчал.

Наконец в каком-то безлюдном месте их вывели из автобуса, подвели к яме и столкнули всех в нее. Азербайджанцы облили живых людей бензином и подожгли. Пламя вспыхнуло сразу.

Тетя Нелли сумела освободить руки. Один из азербайджанцев увидел это и швырнул в нее большим камнем. Удар был настолько сильным, что впадина на затылке осталась надолго. Тетя потеряла сознание. Когда она очнулась, никого наверху не было. Нелли помогла маме, они выбрались из ямы, оставив там сожженные тела самых родных и любимых людей. Впервые в нашей семье не хоронили скончавшихся (кроме дяди, Грачья Телунца, который пропал без вести на Великой Отечественной войне). Мама и Нелли чудом остались в живых.

Они вышли на дорогу. Было холодно, больно и страшно, но надо было каким-то образом добраться до города. Через некоторое время одна из проезжавших мимо машин остановилась (в то время помогать армянам было опасно даже азербайджанцам). Водитель довез их до Баку, в больницу около нашего дома. Молодой врач-азербайджанец оказал первую медпомощь двум немолодым женщинам в ожогах, в рваной одежде.

В ту страшную ночь папин друг, азербайджанец, искал нас повсюду. Нашел в больнице. Мама рассказала об ужасной смерти его друга. Он все повторял: «Я помогу...» Он и его жена позже помогли нам в другом.

Один из пациентов-азербайджанцев, узнав, что в больнице находятся армяне, потребовал выгнать женщин и со злостью швырнул в них чайник. По требованию администрации тетя написала записку, что они здоровы и никаких претензий не имеют.

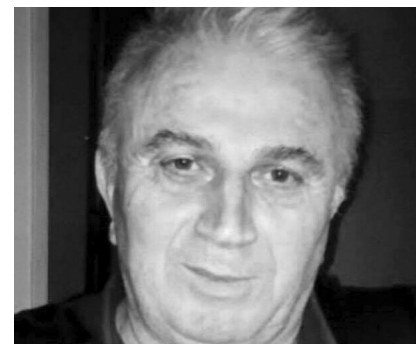
Женщины покинули больницу. На улице было темно и холодно. Решили пойти к тете, надеясь, что ее квартира еще не разгромлена. Прячась между деревьями, мама и тетя прошли пять-шесть автобусных остановок.

Тетя жила на четвертом этаже здания старой архитектуры, квартира была в самом углу и ее не тронули. Нелли открыла дверь, скинула матрац на пол, чтобы никто не увидел их в окно. Лежать было больно. Спустя какое-то время в дверь тихо постучали. Было страшно. Тетя подползла к двери. Соседка-азербайджанка шепотом сказала, что на улице солдаты собирают армян, чтобы вывезти их из города. Маме с тетей не оставалось иного выхода, как поверить ей, и они вышли.

Солдаты собирали армян и отвозили к берегу. Далее катер перевозил их на другой берег Каспия, в дагестанский город Каспийск. Там на машине скорой помощи маму и тетю привезли в больницу, подключили к системе. Позже их перевезли в Москву, в Институт имени Вишневского, где сделали операцию по пересадке кожи.

Май, 2013 г.

В настоящее время оставшиеся в живых члены семьи Торосян-Телунц проживают в одном из городов штата Калифорния, США. Свидетельство получено по электронной почте.

ВЛАДИМИР БАБАЯН

***Проживал в Баку в поселке
Мусабеково, ул. 3-я
Алатавинская.***

Я родился в Баку. Отец родом из Нагорного Карабаха, мать – из Зангезура.

Хочу рассказать случай, о котором до сих пор вспоминаю и каждый раз мне становится не по себе. Прошло столько времени, но я не могу забыть пережитый тогда страх и ужас.

Это было 27 или 28 февраля 1988 года, точно не помню дату. Примерно в пять-полшестого вечера ко мне зашел зять, муж сестры, и сказал, что надо ехать в Сумгаит за детской кашей. В Баку, говорит, она закончилась, а в Сумгаите вроде есть. Мы с отцом и зятем сели в свою машину и поехали. Едем и видим в небе очень много огней, прямо все вокруг красным было. Мы уже слышали, что в Сумгаите что-то происходит, но точно ничего не знали. И когда подъезжали к повороту при въезде в город, нас остановили какие-то люди в гражданской форме и в черных плащах. Двое мужчин и третий где-то сзади стоит.

Не выходя из машины, я открыл окно, и он мне говорит: «Ты армянин?» Я возмущенно отвечаю, мол, ну, армянин, дальше что? Он говорит: «Ты не можешь туда ехать». Я спрашиваю, почему не могу? А мы торопились, потому что магазины могли закрыться, до семи надо было успеть. Он отвечает: «Видишь, огни горят? Это машины армян». «Ничего, – говорю, – я им права не покажу». Он объясняет: «Тех, кто не показывает права, они арматурой бьют по голове сразу и сжигают машины. Прямо на месте».

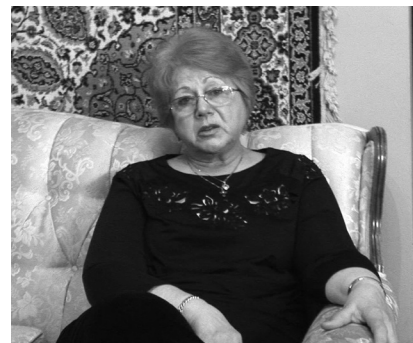
Мы вышли из машины. Никого и ничего – ни одной машины – рядом не было, какая-то тишина вокруг. Перекрыли дорогу заранее, что ли... Помню момент, когда они показали рукой, что пламя в ночное небо уходит. Темно было, зима... И я на всю жизнь запомнил, как бывает, когда машины горят. Армянские машины. Показываешь права,

видят, что армянин, — убивают и сжигают машину. Не показываешь — тоже убивают.

Развернулись и поехали обратно. Поняли, что то же самое может произойти с нами. Мы с отцом решили сразу уехать. Какая разница — сегодня Сумгаит, завтра то же самое в Баку. Это было неизбежно. Буквально через день я отправил жену и двух своих малышей в Армению. Мать тоже отправили. И говорил всем знакомым армянам, что “Сумгаит” обязательно повторится и в нашем большом городе. А они отвечали, что такого не может быть...

Сан-Франциско, штат Калифорния, США

30.03.2014 г.

ЖАННА ВИКТОРОВНА КОЦИШЕВСКАЯ

Наша семья проживала в Баку с 20-х годов прошлого века, и я тоже родилась в этом городе. Волею судьбы мне пришлось, к сожалению, стать свидетельницей кровавых событий в Азербайджане в конце 1980-х — начале 1990-х гг., ког-

да истреблялось армянское население города. Я работала в Институте нефти и химии, на кафедре высшей математики. Корпус, в котором располагалась наша кафедра, находился на проспекте Ленина, рядом с одноименной площадью, ставшей эпицентром демонстраций и массовых митингов, организованных Народным фронтом Азербайджана.

Я родилась и выросла в районе, где было достаточно мало азербайджанского населения, здесь главным образом жили офицеры Каспийской флотилии, в основном русские и армяне. Потом уже, с приходом к власти Гейдара Алиева, район стал потихоньку азербайджанизироваться. Тем не менее большинство азербайджанцев, которые долгие годы жили в этом районе, были русскоговорящими, с русским образованием, поэтому национального вопроса в нашем районе практически не возникало. Правда, при поступлении в институт, а потом и при распределении на работу некоторая дискриминация все-таки чувствовалась — приоритет отдавался азербайджанцам. Я, например, закончила школу с золотой медалью и институт с красным дипломом, однако меня распределили на работу в школу в Сумгаите, в то время, как студенты, которые учились намного хуже, получили распределение в Академию наук, в Институт математики и другие научные центры. Нам потом с помощью знакомых — как это обычно делалось в те годы — удалось добиться перераспределения, и я начала работать в бакинском Институте нефти и химии.

Отправной точкой всех этих событий, естественно, стала сумгаитская резня. Находясь буквально в 20–30 минутах езды от Сумгаита, мы ничего не знали о том, что там происходит, и только спустя какое-то время начали распространяться слухи, казавши-

еся чем-то невероятным, словно из фильмов ужасов. Сумгаитские армяне звонили и рассказывали своим родственникам в Баку о происшедшем, потому что практически все скрывалось. Только после того, как в город были введены войска, случившееся в определенной степени стало достоянием гласности.

Выяснилось, что один из студентов азербайджанского сектора нашего вуза находился среди погромщиков, участвовал в резне и был убит. Придя как-то утром на работу, я увидела в фойе портрет молодого парня, под которым было написано, что он невинная жертва, убит советскими солдатами в Сумгаите.

Через несколько дней после того, как о трагедии стало известно, я зашла в гастроном. В этот момент к продавщице-азербайджанке подошел молодой парень и начал весело рассказывать о том, какой, дескать, хороший урок получили армяне в Сумгаите. У меня, видимо, настолько расширились глаза от ужаса, услышав, с каким восторгом, взхлеб, он рассказывал об этом, что продавщица взглядом пыталась остановить его, но безуспешно.

После «сумгаита» во многих центральных газетах, журналах, по телевидению пошли публикации и передачи вроде как с осуждением этих событий. Даже в бакинской прессе, в таких газетах, как «Вышка», «Молодежь Азербайджана», «Бакинский рабочий» печатали передовицы, прославляющие того или иного рабочего-армянина, и так далее. Мы все были удивлены, потому что раньше такого практически не было. Видимо, чувство вины присутствовало все-таки, но с другой стороны, это была скорее показуха, дескать, такого не должно было произойти, там были единицы, это не носило массового характера... Тем не менее на многих предприятиях пытались собрать сотрудников-армян и заставить их подписать петицию, осуждающую карабахских армян. При этом наибольшую активность проявляли члены Народного фронта, который в то время только формировался.

По всей вероятности, у нас в институте тоже была ячейка НФА, потому что позже развернулась самая настоящая вакханалия. Например, были случаи, когда студенты – члены этой организации врываются в аудитории и пытались угрожать преподавателям-армянам. У нас на кафедре работал Георгий Самсонович Багдасаров, и ребята из азербайджанского сектора как-то ворвались во время занятий к нему в аудиторию. В

группе были в основном девочки. Его избили, даже намеревались выбросить из окна, но тут студентки стали визжать, кричать и фактически защитили своего преподавателя. Естественно, после этого Багдасаров перестал ходить на работу.

Ко мне тоже изменилось отношение, но это было не сразу после сумгаитской резни, а после истории с Топханой. Эта злополучная Топхана... Я помню, что все началось в середине ноября, когда был день рождения моего мужа. Именно в этот период началось какое-то движение на площади Ленина, там стала собираться небольшими группами молодежь, контролируемая, скорее всего, Народным фронтом. Они развешивали плакаты с надписями о том, что армяне якобы вырубают реликтовые леса в Топхане. Вот это было лишь началом событий.

Мои дети учились в 160-й школе, она находилась прямо на проспекте Ленина, напротив Дома правительства. Директором там была Хаханова, армянка, носившая фамилию мужа, и очень много было педагогов-евреев, русских или армян. Поэтому на эту школу часто нападали, били стекла, пытались ворваться. Естественно, мы все боялись за своих детей. Незадолго до введения в Баку советских войск и комендантского часа в институтскую аудиторию, где я вела занятие, ворвалась группа студентов азербайджанского сектора. Это было сделано по наущению одной из старших лаборанток нашей кафедры только потому, что муж мой армянин и у детей армянская фамилия. Они ворвались и стали угрожать мне: «Чтобы завтра ты на работу не выходила. Попробуй только прийти! Мы знаем, где учатся твои дети. Если ты этого не сделаешь, мы их тикя-тикя», – и показывают жестами, то есть на мелкие кусочки порежем. Мои студенты выдворили их из аудитории и начали меня успокаивать: «Жанна Викторовна, не бойтесь, мы вас в обиду не дадим, будем провожать до школы и до дома».

Я продолжала выходить на работу, но забрала детей из этой школы и устроила их в другую, не центральную школу. Договорилась с директором – украинкой Степаненко, потом, правда, оказалось, что у нее муж тоже был армянином. Она пошла нам навстречу и временно приняла детей под моей фамилией. Армянам отводить детей в школу было просто опасно: ты не знал, увидишь ли ребенка снова живым. И в целом, выходя из дома, человек не был уверен, что вернется невредимым. У моей мамы на работе время от времени вдруг раздавался клич-предупреждение: «Армяне, прячь-

тись!» И вот врачи, медсестры, санитарки армянского происхождения должны были залезать в поликлинике в шкафы, под столы, куда угодно, запирались в туалетах, в кладовках, потому что Народный фронт приходил проверять – есть ли еще армяне в данном учреждении.

Тем не менее мне не удалось полностью уберечь детей от нападений. В школе все-таки пронюхали, что они армяне, и тяжеленным портфелем ударили моего младшего сына по голове. Мальчику было очень плохо, он потерял сознание и меня вызвали в школу. Я привезла его домой и хотела вызвать педиатра – женщину, которая раньше очень часто приходила к нам домой, когда дети болели, и была в хороших отношениях с моей мамой. Я позвонила ей и сказала, что мне надо оформить больничный для ухода за ребенком. И тут она мне заявляет, что не может этого сделать, потому что, если Народный фронт узнает, что у ребенка армянская фамилия, ей не поздоровится. Пришлось позвонить заведующему кафедрой – азербайджанцу, который разрешил мне остаться дома. Кстати, этот человек проявил, на мой взгляд, гражданское мужество, когда на заседании кафедры попросил сотрудников не обижать коллег-армян. В тот сложный период он постоянно поддерживал меня. К сожалению, таких людей было немного, в целом в городе царил массовый психоз. И любое подозрение в армянском происхождении могло закончиться очень печально. Я сама была свидетельницей того, как толпа бросилась бежать за двумя молодыми девушками только потому, что кто-то показал на них и заявил, что это армянки.

В конце августа 1989 года в Баку была организована очень странная кампания. Сотрудники ЖЭКов ходили по домам и записывали имена еще остававшихся в городе жителей-армян. Когда один из них заявился к нам, я спросила, почему они записывают только армян. Он ответил, что, мол, это нужно для их защиты. На мой следующий вопрос – от кого именно защищать, он не ответил. Я не успокоилась и позвонила в ЦК партии, задав тот же вопрос: почему в нарушение конституции составляются списки людей по национальному признаку? Там ответили, что такого распоряжения не было и пообещали разобраться и сообщить. Естественно, никто мне потом не позвонил и ничего не сообщил.

Уже осенью, в начале ноября, муж вынужден был покинуть Баку. Это случилось

после того, как на работе за ним явились несколько представителей азербайджанского сектора, но сотрудникам удалось его спрятать. В тот день на домашнем совете мы решили, что он поедет в Москву искать работу и жилье, чтобы потом вся семья могла переехать. А я как лицо не армянской национальности должна была, так сказать, прикрывать тылы. Где-то месяц спустя мы все были на концерте сына в музыкальной школе, после чего зашли к моей маме. И узнали, что на нашу квартиру было совершено нападение. Дома в этот момент находилась моя свекровь, довольно пожилая женщина. Видимо, после составления списков армянских квартир они приступили к нападениям на них.

Дверь у нас была двойная. И когда они начали ломать ее, свекровь стала звонить в милицию. Но никто так и не пришел. Не сумев сломать первую, металлическую дверь, они разобрали стену и уже вторую, деревянную дверь им удалось сломать, проникнуть в квартиру и кое-что унести. Соседку, которая пыталась убедить их в том, что свекровь не армянка (она на самом деле была еврейкой), они не послушали, ответив, что им сказали, что это армянская квартира. Потом, правда, увидели ее паспорт и ушли, напоследок заявив: «Поймаем твоего сына – живым не уйдет!» В начале января мы проводили свекровь в Москву, она уехала к дочери. На вокзале творилось страшное: повсюду рыскали толпы молодчиков, называющих себя представителями Народного фронта, и выискивали армян. Найдя, в лучшем случае их только грабили, отнимая все ценное.

Случилось так, что свекровь моя, благополучно прибыв в Москву, забыла в купе, на самой верхней полке коробку, в которой я послала мужу зимние вещи. Поэтому я решила встретить тот же состав в Баку, чтобы найти и забрать коробку. Это было, конечно, глупостью с моей стороны. Пошла, правда, не одна, попросила мужа подруги – еврея по национальности – сопровождать меня, и старшего сына с собой взяла. На вокзале нам довелось стать свидетелями страшной картины. Мы увидели, как толпа молодых людей – лет 16–20 – гнала перед собой очень старую женщину, у которой на одной ноге была тапочка, а другая нога – босая. В руках у старушки был чайник, а на лице было написано искреннее удивление – за что?! И ее пинками и ударами в спину эта банда гнала по перрону, выкрикивая: «Давай, убирайся в свою Армению!»

Я буквально онемела, потекли слезы. Сперва хотела вмешаться, но муж подруги приложил палец к губам, приказав мне молчать. И шепнул – мол, ты же не хочешь, чтобы и тебя тут растерзали? Рядом со мной стояла пожилая азербайджанка, и у нее тоже слезы текли... Но никто не осмелился защитить старушку. До сих пор я иногда вижу ее лицо во сне.

В то время я уже не разрешала своим детям выходить одним – только со мной, потому что была слабая надежда, что, увидев в паспорте, что я не армянка, они не тронут детей. Я перестала пользоваться общественным транспортом и даже начала называть сыновей Михаила и Романа на азербайджанский лад – Микаелем и Рамизом. Так мы дожили до января 1990 года. 13-го или 14-го, не помню точно, числа я находилась в нашей второй квартире, на Баилово. Привела двух соседских детей-армян, чтобы порадовать их мультфильмом по редкому тогда цветному телевизору. И именно в это время у нас во дворе начались погромы армянских квартир. В дом, где жили эти дети, ворвались погромщики и начали орудовать. Их бабушку вывели во двор и стали избивать и волочить по асфальту, она потом скончалась от ран. Дети стояли у окна и кричали, я не могла их оттащить...

Мама моя кинулась к телефону, чтобы позвонить начальнику милиции, с которым была хорошо знакома. Тот пообещал прислать нам на помощь вооруженных милиционеров. Я тем временем позвонила в Каспийскую флотилию, где у меня были знакомые. Прислали помощь – примерно 20 матросов с автоматами под командованием капитана. Из милиции тоже прислали охрану, человек 7. Капитан велел нам собирать вещи, потому что оставаться в квартире было опасно. Я усадила в машину маму, своих и соседских детей, потому что их родителей забрал Народный фронт. Мы поехали в Каспийскую флотилию, разместили нас в красном уголке. Там было очень много армян, большинство в кошмарном состоянии: кто побитый, кто обожженный, кто изнасилованный...

Я не знала, что делать: у меня оказались чужие дети. Кинулась к одному офицеру, объясняю – так, мол, и так, родители этих ребят исчезли. Он отвечает, что многих армян бросили в камеры как заложников. Тут мама снова позвонила своему знакомому и назвала фамилию соседей. Оказалось, что они действительно находятся в милиции.

Мама договорилась с начальником, чтобы матросы поехали и забрали их. Так мы спасли своих соседей. Правда, они были в ужасном состоянии – мужа облили кипятком, жену ударили то ли мясорубкой, то ли еще чем-то, у нее была окровавлена голова, бабушка вся искалечена... Но они были живы!

Вскоре возникла проблема еды. Я вернулась домой, набила сумку продуктами. Но нести ее в руках было опасно – повсюду ходили банды вооруженных погромщиков. И я взяла старый шарф, обвязала вокруг талии, напихала туда продукты, превратившись в «беременную» женщину, сверху одела просторную дубленку и поехала обратно. Естественно, еды хватило только моим мальчикам, а отовсюду смотрели голодные глаза других детей. Я пошла домой и таким же образом во второй раз принесла продукты.

В третий раз я тоже пошла. Но вернуться уже не смогла, потому что началась жуткая стрельба, вопли на улице. Там была перестрелка между представителями Народного фронта и вооруженными матросами, и я просто испугалась, что могу попасть под выстрелы. И четко представила себе, каково будет моей маме, если со мной что-то случится, как ей будет больно потерять единственного ребенка. Поэтому я решила переждать и постараться пробраться туда на следующий день.

Но, к сожалению, мои планы не осуществились. Скоро раздался телефонный звонок, кто-то коротко сказал в трубку: «Мы эвакуируемся», и на этом разговор прервался. Потом я узнала, что моя мама, пытаясь как-то предупредить меня, организовала этот звонок из Каспийской флотилии. Возможно, все тщательно скрывалось потому, что Народный фронт мобилизовал погромщиков, они уже пытались захватить оружие. Ситуация накалилась до предела.

Представьте мое состояние: в городе творится кошмар, погромы, идут перестрелки, штурм Каспийской флотилии, а я не знаю, куда отправили мою семью, моих детей – они практически исчезли в неизвестном направлении... Я, конечно, была в панике. Потом вспомнила, что, когда вывозила соседей из районного отделения милиции, капитан первого ранга записал мне свой номер телефона и сказал: «Если вдруг вы почувствуете опасность, звоните по этому телефону, попробую прислать кого-то на помощь». Начала звонить по этому номеру, но мне так ничего и не ответили. Меня колодила дрожь, какой-то жуткий озноб, который я не могла остановить.

На следующий день случилось нечто курьезное... Звонок в дверь, открываю – на пороге стоит моя соседка-азербайджанка со своей подругой-татаркой. Этой соседке очень помогало все армянское население нашего двора, и к нам она приходила, я частенько ее дочку кормила вместе со своими детьми. И вот она говорит мне: «Я привела Римму (подругу), ей нужен диван». Я недоуменно смотрю: какой диван в такое время... А у мамы был импортный гарнитур, включая раскладывающийся диван. Женщины без приглашения заходят в комнату и соседка показывает: «Римма, вот этот диван». А та заявляет, что за десять рублей у меня его купит. У меня от удивления буквально челюсть отвисла. Я спрашиваю, с чего это они говорят о нашем диване. Соседка отвечает: «Ты разве не знаешь, что в городе творится? Вообще она может его забрать бесплатно, скажи спасибо, что 10 рублей предлагает». Я недоуменно смотрю на них и объясняю, что это мамин диван. А она удивилась тому, что я думаю, что мама с детьми еще вернется в этот город. И рассказала, что на Кубинке видела, как армянку жарили на костре и приговаривали: «Какой кебаб будет!» Я решительно ответила, что никакими диванами не торгую и выпроводила их, вытолкнула из квартиры. Она еще пригрозила, что все равно придут другие и заберут диван просто так.

И когда 20 января войска и танки под командованием Лебеда вошли в Баку, когда в городе шла страшная стрельба, раздавались жуткие крики, визги и гибли люди, эта соседка снова позвонила мне по телефону: «Ты диван пожалела? Вот я сейчас к тебе погромщиков пошлю». Я бросила: «Присылай» – и положила трубку. Но никто ко мне так и не пришел.

Мне по-прежнему не было ничего известно о судьбе детей. Муж в Москве по своим каналам пытался что-то узнать. И через каких-то знакомых, через Министерство обороны удалось выяснить, что их посадили на учебные корабли и направляют по Каспию куда-то в Россию. Из-за нервного перенапряжения у меня пропал голос, я не могла говорить, даже хрипеть не могла. И вдруг, уже не помню на какой день после этих событий, раздался звонок. Я поднимаю трубку и слышу голос Миши: «Мама, мама!» И у меня тут же прорезался голос. Кричу: «Где вы?» Он рассказал, что они приплыли в Махачкалу, задержались, потому что был жуткий шторм, у всех была страшная рвота, кроме нашей бабушки, которая спокойно перенесла качку. Миша также сказал, что

им удалось сохранить чемоданчик с ценными вещами – деньги, серебро и все мои украшения, – который я им дала на случай, если мы расстанемся и детям нужны будут деньги на жизнь. Кстати, эта соседка Набат в тот день опять позвонила в дверь и сказала, мол, «у меня есть укромное место, ты все свои украшения дай мне, я спрячу». И я очень ее разочаровала, ответив, что мама все увезла с собой. Надо было видеть разочарование у нее на лице...

После этих событий я еще целый год оставалась в Баку. Армян уже, конечно, в городе не было, ввели комендантский час. Но все равно людям иной национальности могли в любое время суток звонить по телефону и угрожать: «Вы еще не уехали?» Мне, например, очень часто звонили. Я установила сигнализацию на все двери и окна и включала ее, когда ложилась спать.

Потом приехала большая группа следователей, почему-то с Урала, из Челябинска, они собирали показания. Насколько я поняла, они хотели получить объективную картину. Не знаю, насколько действительно это их интересовало, но какое-то расследование, по всей вероятности, все же было инициировано. Как очевидец могу констатировать одно: для меня все произошедшее в Баку – типичный пример настоящего Геноцида, осуществленного против лиц армянской национальности.

Сан-Франциско, штат Калифорния, США

31.03.2014 г.

ЮРИЙ САФАРОВ

Я родился в Нагорном Карабахе, в селе Старый Тахлар Гадрутского района тогдашней Нагорно-Карабахской Автономной области. До семи лет прожил в Карабахе. Мы урожденные Алтуняны, Сафаровыми стали после того, как мой дед взял для фамилии имя своего отца Сафара. В Баку я родился, вырос, закончил школу

и институт. В 1964 г. уехал в Москву, поступил в аспирантуру, через некоторое время вызвал жену и мы прожили там более тридцати лет, до 1994 года, когда переехали всей семьей в США. Мне к тому времени было уже 56 лет. Английский был слабый и работать по профессии я уже никак не мог. Окончил колледж по специальности «компьютерные науки», стал преподавать в этом же колледже, а потом и в Бруклин-колледже. Сейчас преподаю в католической школе.

В 1988 году я работал в Москве в научно-исследовательском институте и мне предстояла командировка в Баку. Я еще не отдавал себе отчета в том, что там уже создалась напряженная ситуация, и согласился поехать. Это было как раз в дни «сумгаита» – 27 февраля 1988 года. Мама моя жила в Баку, а сестра – в Сумгаите. Я навестил маму и потом уже поехал на машиностроительный завод, взял там чертежи, документацию и еще так называемую червячную фрезу. Еду обратно на поезде, проезжаем станцию Баладжары, и вдруг открывается дверь купе, врывается азербайджанец и спрашивает, есть ли тут армяне. Я ехал с тремя азербайджанцами, они ответили, что армян здесь нет. А этот показывает на меня и спрашивает, мол, это кто? Один из моих попутчиков, уже зная, что я не азербайджанец, отвечает: «Ну, разве ты не видишь, что это еврей? Он сидит и изучает там свою документацию». И вот в этот момент я почувствовал какое-то напряжение. Я тогда подумал, что это просто чья-то хулиганская выходка. Но потом, в метро, на меня напали. Их было человек примерно шесть – это я еще смог сосчитать, потому что дальше уже не мог понять, сколько их было. Они обратили внимание на то, что я смотрел на сидевшего напротив мальчика, и по-азербайджански спросили,

небось, хотел бы убить его? Я удивленно ответил: «Нет, конечно, зачем мне это надо». Но они уже двинулись на меня, намереваясь, по-видимому, что-то сделать. Я раскрыл сумку и вытащил оттуда червячную фрезу – это такой длинный инструмент, золотистый, на бомбу похож. Они испугались, отошли, и я уже (моя станция была) вышел, пошел на завод. Оставил там все эти документы, которые привез с собой, червячную фрезу и вернулся домой, на этот раз без приключений. И тут мама мне говорит, давай, мол, поедem в Сумгаит навестить сестру. Я не стал ей ничего говорить, просто сказал, что устал и лучше поехать завтра. А в 2 часа ночи звонит сестра моя, Ася. И со слезами в голосе говорит, что позвонила попрощаться, потому что в городе ужас что творится и их, наверное, убьют. Я говорю: «Асенька, о чем ты говоришь? Мы сейчас приедем к тебе и все будет в порядке». Она повесила трубку, а я начал обзванивать бакинский ЦК партии. Никто не отвечает. Звоню в горком. Берет трубку молодой человек и говорит: «Мы все знаем, принимаем меры, и я надеюсь, что скоро все уладится». Но сестра продолжает звонить и рассказывать ужасы. Я позвонил в Москву своему товарищу Володе Арутюняну, попросил его дозвониться до ЦК партии и сообщить, что в Сумгаите убивают армян. А сам с мамой вышел на улицу, чтобы найти такси и поехать туда. Но таксисты, видимо, уже все знали, и ни один из них не согласился отвезти нас. Только в пять утра один горский еврей сказал, что поедет до тех пор, пока возможно будет проехать. Трасса вся уже была оккупирована военными, но в город они еще не вошли, а стояли вдоль дороги. И мы спокойно проехали в Сумгаит, подъехали к дому сестры. Но их уже не было. Двери были открыты, квартира совершенно пустая – все три комнаты пустые, ничего нет. Одна тумбочка в углу стояла. Я ее открыл и увидел тапочки зятя и бутылку Рижского бальзама, ее почему-то не тронули. Потом мы узнали, что семью сестры спрятали и спасли азербайджанцы. Мы их нашли и собрались вернуться в Баку. Уже выезжали из города, и вдруг такое началось... Опять появились беснующиеся толпы и стали забрасывать людей камнями. Они перекрывали пути, по-видимому, намечались какие-то действия, потому что в город стали уже въезжать танки, тяжелая техника. Но, к счастью, нам удалось прорваться. Отмечу, что, когда на рассвете мы въехали в город, повсюду были видны последствия погромов – следы костров, разбитые витрины магазинов и ларьков, выброшенные вещи во дворах... А когда уезжали, это все убрали!

То есть уже утром 28 февраля со дворов и улиц они уничтожили самые заметные следы погромов за предыдущий день. Конечно, остались следы пожаров, разгромленные и опустошенные квартиры, но уже не было видно, что в городе бушевали погромы. Насколько хорошо все было организовано изначально, что они заранее знали, когда это буйство остановится, чтобы сразу начать замечать следы.

Мы приехали в Баку, и сестра с детьми и мужем обосновалась у мамы в квартире. Я наивно предполагал, что продолжения не будет, думал, что советская власть каким-то образом разберется и наведет порядок. Увы, я был просто близорук! И они продолжали жить в Баку. Потом сестра уехала, а мама оставалась буквально до январских событий. Когда в те дни мне сказали, что в Баку идут погромы, я позвонил домой, к маме. Трубку взяла наша соседка Аша-хала. Я на плохом азербайджанском (она не говорила по-русски) спрашиваю: «Что вы делаете в нашей квартире?» Она ответила, что им уже разрешили жить в нашем доме. Там в принципе, ничего особенного не было, только фотографии деда, отца, матери висели на стене. Я наивно спросил, как, мол, она зашла в чужую квартиру? Она опять ответила, что им разрешили. Что тут скажешь – простая женщина, которая каким-то образом получила возможность решить свой квартирный вопрос. А мама за несколько дней до погромов улетела в Ереван вместе с моим дядей – своим братом. Для нее это был сильнейший психологический удар. Более того, мама лишилась своего жилья, потому что вынуждена была жить в Армении у брата, в нелегких условиях многодетной семьи. Я не считаю, что в Баку были погромы. Это был настоящий геноцид, который очень планомерно и последовательно организовывали. На протяжении многих лет, ежегодно приезжая в Азербайджан, я видел, что армянам все сложнее и сложнее жить в Баку. Более того, я знал, что из Карабаха постепенно уезжают армяне, потому что экономические условия в НКАО были такие, что оставаться и работать там было очень трудно. Вместо резни и убийства просто социально-экономическими методами заставляли армян покидать свою родину. Нет сомнений, что Карабах ждала судьба Нахиджевана.

Нью-Йорк, США

25.03.2014 г.

СЕРЖ АЙРАПЕТОВ

Я жил в Баку до 1965 года, поступил там в институт, но потом перевелся на учебу в Москву. Закончил институт и проработал 25 лет в подмосковной Балашихе на разных должностях. Уехал оттуда в США с должности заместителя генерального директора крупного научно-производственного объединения. Отец мне много рассказывал о Геноциде, о том, что случилось в тот период с их семьей, что им пришлось пережить. Они родом из Ордубадского района, это Нахиджеванская автономная область на границе с Ираном. Их было шестеро детей. Старшие уже были достаточно взрослые, они раньше уехали, а родителям пришлось очень тяжело, они вынуждены были бежать, потеряли двоих младших детей. Остались отец и его сестра. По дороге родители тоже замерзли, умерла и родная сестра моего папы, Воски. Ему самому было тогда 4–5 лет. Папа рассказывал, что, проходя через какие-то деревни уже с другими родственниками, он постучался в дом к азербайджанцам попросить хлеба. Так они на него собак натравили. У отца на ногах на всю жизнь остались шрамы, он мне показывал – следы на икрах, откуда были откушены куски мяса. Каким-то чудом родственникам удалось привезти его в Баку. Там он вырос, закончил институт, стал врачом, крупным хирургом. Мама моя тоже была врачом. Уехав в Москву, я постоянно поддерживал с ними связь и ездил в Баку на каникулы, а потом и в отпуск. Где-то в 1989 году я говорил с ними по телефону и вдруг отец говорит: «Слышишь выстрелы?»

Я прислушался и действительно услышал в трубке звуки выстрелов. Родители рассказали, что в городе стало опасно, стреляют. Я ответил, что сейчас же беру билет и выезжаю за ними. В соседней с ними квартире жили азербайджанцы. Мама их постоянно лечила – детей, жену, а муж работал заведующим кафедрой в Институте народного хозяйства. И вот этот азербайджанец сказал нашим, что наступают очень

опасные времена и надо уезжать из Баку. Родители долго не хотели ехать, не верили, что что-то может быть, говорили, что азербайджанцы всю жизнь очень хорошо к ним относились. Но, видимо, стало уже совсем тяжело, раз они меня позвали.

Приехал я в Баку. Но как их вывезти? Надо билет покупать, а к кассам не пробьешься: все, кто уже понял, что нельзя оставаться, старались взять билеты и уехать. Я пошел в комендатуру, которая располагалась в крепости, там начальником был полковник, русский. А я в то время был секретарем горкома комсомола Балашихи и членом Московского обкома комсомола. Показал ему документы, представился и попросил помочь вывезти родителей. Он кому-то поручил поехать купить билеты. Купили только родителям, я пока решил остаться, потому что надо было еще двоюродную сестру вывозить. Полковник выделил родителям машину и охрану. Приехали в аэропорт, я их отправил в Москву. Помню, в те дни часто можно было видеть собравшихся кучками то там, то здесь азербайджанцев. Они, видимо, и вылавливали армян. Как-то вышел я из дома – мы жили на 8-м километре – иду по центру города, по улице Телефонной. Подходят четверо молодых ребят и спрашивают: «Ты армянин?» Я на чистом азербайджанском языке ответил, что нет. Они потребовали документы. На мое счастье, у меня с собой не было документов. Они начали обыскивать меня – документов нет. Тогда они потребовали: «Скажи фундук». У них это вроде как пароль был такой. Я говорю: «Фундых». Многие говорили «Пндых», а это уже все, это ты точно армянин. Они заявили, что я неправильно произношу, а я ответил, что вот уже 27 лет живу в Москве. И тут они спрашивают, мол, а фамилия у тебя какая. Я вдруг все азербайджанские фамилии забыл, но вспомнил, что моя двоюродная сестра была замужем за азербайджанцем Алекпербековым. А как звать? Я говорю, Володя. Они отвечают, дескать, Володя не азербайджанское имя. Говорю, меня называли так в честь Ленина. Они опять пристали, мол, документы нужны. Я уже отчаянно блефовал – говорю, в гостинице мои документы. А там недалеко от Дома правительства гостиница какая-то интуристовская была. Они говорят: «Идем в гостиницу». И вот я в сопровождении этих четырех иду в гостиницу, а сам мечтаю, чтобы швейцаром был не азербайджанец. На мое счастье это был татарин. Я ему так подмигиваю и говорю: «Хочу пойти в номер документы взять». Он мне открывает

дверь – проходи. Эти тоже хотят пройти, но швейцар останавливает: «Нет, только ему можно». Я говорю: «Ребята, постойте, я сейчас принесу документы». Татарин закрыл дверь, выпустил меня через другой выход, и так мне удалось сбежать. В те же дни к сестре моей двоюродной в дом ворвались, но не тронули, просто приказали освободить квартиру. Фактически выгнали, с одним маленьким чемоданчиком она ушла из своего дома ко мне. И вот в тот день, когда мне удалось сбежать от бандитов, мы на машине соседа поехали опять в комендатуру, и я снова попросил полковника помочь нам уехать. Они купили билеты, и мы вылетели в Москву. Через несколько дней звонит брат моей жены, который еще оставался с семьей в Баку, и просит помочь им выехать из города. Я говорю: «Ваган, я еле оттуда вырвался». А ему надо жену и ребенка вывезти. Пришлось мне снова ехать в Баку, это было уже лето 1989 года. Я вернулся и сразу пошел в комендатуру. Комендант поручил отвезти меня в аэропорт, а за ними отправил своих людей. Их тоже привезли в аэропорт и отправили нас всех в Москву. Таким образом мы спаслись. Я успел и родителей вывезти до самых жестоких событий, и сам еле ноги унес. Но в Баку остались могилы наших родных. Я хотел в последний момент пойти туда, но не смог, надо было спастись. Этого кладбища, на Монтино, уже нет. У меня там живет друг, он мне рассказал и фотографии прислал. Все там снесли. Он успел своих бабушку и дедушку перезахоронить в другом месте, а на месте наших могил уже дома строят. На костях...

Хартфорд, штат Коннектикут, США

25.03.2014г.

САРО ОСИПЯН

**Проживал в Баку в поселке
Монтино, ул. Юсиф-заде.**

Я родился в Баку, родители мои – выходцы из Карабаха. Отец после армии приехал в столицу и стал там работать, это было примерно в 1957 году.

Когда начались карабахские события, мне было 27 лет. Я работал тогда на заводе ВЭМ. Хорошо помню, как в конце февраля 88-го начали ходить слухи о том, что происходит в Сумгаите, рассказывали кошмарные, страшные вещи. Конечно, мы были потрясены и не могли понять, что происходит. Потом власти Азербайджана пытались как-то сгладить это, сменили руководителя республики. Был Багиров, а стал Везиров, кстати, выпускник института Азнефтехим, в котором я учился. Я в то время уже заканчивал институт, и Везиров организовал встречу в актовом зале. Он много жил среди армян и ему, видимо, хотелось как-то смягчить возникшее напряжение. И у нас действительно притупилась бдительность, мы стали вроде успокаиваться. Это оказалось большой ошибкой, потому что сразу после Сумгаита нам, армянам, надо было думать о том, как бы уехать из Азербайджана. Но многие, в том числе и наша семья, оставались в Баку.

Честно скажу, с теми азербайджанцами, с которыми я общался, у меня проблем не было. Помню, госэкзамен по научному коммунизму я сдавал одному педагогу (забыл фамилию), который впоследствии стал депутатом от Азербайджана и на съезде в Москве с пеной у рта выступал против армян. Во время экзамена у него на столе лежала газета «Правда» с первой после Сумгаита статьей по Карабаху – «Эмоции и разум». Я смотрю на эту газету и думаю, как же мне ему сдавать экзамен? Потом узнал, что все студенты-армяне получили в этот день двойки. Я получил тройку и был очень этому рад.

Ситуация в Баку постоянно ухудшалась и мы уже думали об отъезде. Я постоянно ходил в обменное бюро, которое находилось на пересечении проспекта Кирова и 28 Апреля. И вот однажды, когда я выходил оттуда, на меня напали. Это случилось среди бела дня, прямо на улице. Сзади напали и начали избивать. Я упал, ударился о бордюр, хлынула кровь. К счастью, мне удалось убежать. Если бы я не поднялся, они меня до-

били бы. Место тупиковое было: с одной стороны ларек какой-то, с другой – стена. Они меня окружили, но я собрался с силами и бросился на одного. Почувствовал еще один удар в голову, но вырвался и убежал. Потом понял, что весь в крови. Остановил машину, «Запорожец». Водитель, русский, говорит: «Ты весь в крови, я боюсь тебя сажать». Но я злой был, залез в машину и захлопнул дверь. Выше автовокзала останавливался 154-й автобус, который ехал в аэропорт мимо нашего дома. Шофер автобуса тоже удивился, увидев кровь. Когда я достал деньги, чтобы заплатить, он не хотел брать. Но я бросил деньги прямо в него, злой был уже на всех. В таком виде появляться дома и пугать родителей мне не хотелось, и я сам пошел в «скорую». Там швы наложили и только после этого я вернулся домой. В милицию не обращался – какая милиция? А нападавшие, кстати, потом маме звонили, спрашивали, как сын.

Мой отец в то время в воинской части работал, и начальство к нему хорошо относилось. Его даже в тот период на машине возили на работу и обратно. Майор там был один, азербайджанец, он все отца успокаивал, мол, не переживай, все обойдется. А отец отвечал, что, мол, сколько можно, не будешь же ты всю жизнь меня возить... Мама работала в школе. Она сначала спокойно относилась ко всему – до тех пор, пока на улице одна женщина не спросила ее, почему она до сих пор здесь. Тут мать испугалась, ей плохо стало. И мы уже четко поняли, что надо уезжать. Но никак не удавалось обменять квартиру. Я даже сменил работу, перешел работать в организацию московского подчинения.

В конце концов пришлось улететь самолетом. Несколько дней мы буквально оккупировали аэрокассы. Я с утра до вечера стоял в очереди, чтобы купить билеты, все эти дни мы передвигались только на такси – так было безопаснее. Рядом с авиакассами была площадь, это центр города. И за эти дни нам много чего довелось услышать. Помню, как-то они толпой проходили и кричали, что армянам нет места в Баку, чтобы армяне убирались прочь. Когда эта толпа мимо проходила, солдаты из стоявших рядом воинских частей загородили вход в аэрокассы, потому что армян там было очень много.

На четвертый день мне удалось купить билеты. И мы вылетели. Если не ошибаюсь, ленинградский экипаж был. У меня сын маленький, жена пеленала его, а стюар-

десса говорит: «Побыстрее, пожалуйста, мы должны обратно лететь, еще людей надо брать». То есть они летали как бы charterными рейсами, в основном в Ереван.

Мы уехали в начале 1989 года, но в конце года вернулись – надо было что-то делать с квартирой. В этот период было небольшое потепление. А потом события снова начали развиваться в самую худшую сторону.

Сан-Франциско, штат Калифорния, США

30.03.2014 г.

**ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
ХАДЖИБЕКОВА
(ХАДЖИБЕКЯН)**

**Проживала в Баку по адресу: ул.
Свердловская, дом 5.**

Я родилась в Баку, как и вся моя семья. Мой отец был очень уважаемым человеком, преподавал математику и английский язык. Мама преподавала английский. В 1988 году я работала в объединении «Бакэлектробытприбор».

Как мы узнали о Сумгаите? Наш знакомый Амин Амирджанов работал в милиции. Как-то в конце февраля рано утром он в шоке прибежал к своему двоюродному брату – нашему соседу Роберту – и сказал, чтобы тот не выезжал на работу в Сумгаит, потому что там происходят страшные события. А его сестра работала на «скорой помощи» в Баку. Она нам потом многое рассказала, какие ужасные случаи были во время вызовов, как люди прыгали с крыш, взявшись за руки, и их привозили в больницу с переломами конечностей, какие там были трагедии. Тетя моей двоюродной сестры, ее звали Валентина, работала заведующей отделением гинекологии в больнице в Сумгаите и вынуждена была спуститься в подвал, где прятались армяне, потому что кроме нее некому было принимать роды. Она тоже нам рассказала, что там творится с людьми и в каком они состоянии. Вот так мы узнали о сумгаитских погромах.

После этой трагедии, надо сказать, многие азербайджанцы – приличные, интеллигентные люди – были практически в шоке, им было стыдно за то, что случилось. Были такие, что просили прощения. Но поскольку наказания не последовало, все продолжилось и дальше. Оскорбления, унижения, ругань – это было постоянно. Опасно было на улице и очень опасно – в метро. Помню, однажды сестра с мамой вышли куда-то. Отец сидел и слушал радио, доклад Горбачева, потому не слышал, что происходит. У нас был частный двор, железные ворота, там жили все наши родственники, но они в это время уже почти все переехали. И когда я услышала доносящийся с улицы звук –

как будто палкой выбивают матрасы, очень испугалась. Я не поверила, что молодые ребята могут прямо на улице палками избивать пожилых людей. На Кавказе это немыслимо – чтобы трогали пожилых, неважно, какой национальности. У меня от страха отнялись ноги. С тех пор, как только я начинаю нервничать, у меня отдает в ноги, и я даже недавно получила здесь инвалидность. Мой отец, к счастью, ничего не слышал, он человек горячий, не сдержался бы и вмешался.

После Сумгаита мы уехали в Ереван. Правда, папа не хотел уезжать. Он все время говорил: «Я хочу посмотреть в глаза тому человеку, кто мне скажет «уезжайте». Он этот город любил, у него были ученики-азербайджанцы, которые звали его к себе. Но отец понимал, что долго мы тут не выдержим. После того как мы уехали, на слово «Баку» и бакинскую тему у нас дома было наложено табу, потому что папе было очень тяжело это вспоминать.

В Ереване нас очень хорошо приняли. Но потом случилось землетрясение, и в Армении были просто не в состоянии нас всех принять и устроить. Мы, советские люди, тогда еще верили обещаниям Горбачева и наивно вняли призывам Везирова возвращаться. К тому же нам позвонила соседка и сказала, что мама заболела и мне лучше вернуться в Баку. И я вернулась. Сестра моя была уже в Москве, папу мы оставили в Ереване. Маму надо было уложить в больницу, и мы вынужденно поменяли ей фамилию с Хаджибемян на девичью – Панина. И только под этой фамилией мы смогли ее поместить в госпиталь, потому что с армянской это было категорически невозможно.

Маму и папу мы похоронили год назад. Они, конечно, очень страдали, потеряли родину, дом, все имущество, друзей, работу, молодость...

Очень скоро я поняла, что в Баку нас ничего хорошего не ждет. Армяне в массовом порядке уезжали, и было ясно, что оставаться нельзя. Но что делать, куда ехать? Не все ведь имели возможность купить сразу восемь билетов и уехать неизвестно куда. Уже ввели войска, в воздухе витал страх, и ситуация постоянно нагнеталась. И тут я услышала, что Америка принимает беженцев. Выбила командировку в Москву у своего начальника, Константина Нанасова (Нанасянца), и поехала. Очередь в посольство США была в два раза длиннее, чем в Мавзолей. Заполнила анкеты, сдала и вернулась в Баку, не могла ждать в Москве. Мы в душе не верили, что нас могут принять, но я

надеялась. Нам сказали, что ответ придет по тому адресу, который указан в анкете. А в Баку было уже невыносимо. Звонили по телефону – поднимаешь трубку и слышишь ругань: «Ах вы, такие-сякие, вы еще здесь живете?» Заходили, проверяли, постоянно заполняли анкеты, где живут армяне. К тому времени в Баку оставались только я и мама, которая выписалась из госпиталя.

13 января – мой день рождения. И сейчас я по-настоящему считаю этот день моим вторым рождением. Был старый Новый год, мы кое-что приготовили, пришли гости, и мама с моей тетей тоже пришли и остались. Они уже уснули, как вдруг приходит перепуганная соседка, 19-летняя девушка, она и спасла меня от этой толпы... Потом прибежала еще одна соседка - азербайджанка с другого двора, и говорит: «Лена, я тебя умоляю, возьми вот этот шприц и ампулу с пенициллином, идем к нам домой, мы скажем, что ты наша медсестра. Мы так за тебя боимся, я сама их боюсь». А я делала ее детям уколы, они меня знали. Дай Бог ей здоровья! Она начала рассказывать, что они засовывают людей в диван и поджигают. Эта женщина сама была в ужасном состоянии от страха, но прибежала предупредить меня и помочь...

А потом за мной пришла толпа. Им кто-то сообщил, что в этом доме осталась молодая женщина-армянка. И эта 19-летняя девушка вышла к толпе – к мужчинам с разъяренными лицами, с арматурами в руках, – и сказала, что купила этот дом и армян здесь нет. Мол, они были, но убежали. Мама с тетей этого не слышали, они спали. Я стояла, забившись в угол, рядом ванная, там окно. Дом был на первом этаже, за окнами двор. То есть стоило мне сделать шаг влево или вправо – они бы увидели мою тень. Меня охватил дикий страх. Я понимала, что если что-нибудь случится, не знаю, что со мной будет. Эта девочка меня спасла. Она сделала это не задумываясь, молодая была еще. Я бы ей передала свою огромную благодарность, но не знаю, как ее найти. Она была из Евлаха, звали Вафа. Мы к ней всегда хорошо относились. Дай Бог ей всего хорошего!

Нападавшие сказали, что придут через два часа и проверят, есть ли тут армяне. Они подумали, что меня спрятали соседи. У ворот во дворе стоял милиционер, но не вмешивался. И они ушли. Эту девочку трясло от страха, она вся побледнела. Я, вместо того чтобы себя спасти, начала ее успокаивать. Потом прибежала знакомая и сказала маме, что надо Лену спасать. Она рассказывала страшные вещи, говорила, что люди,

взявшись за руки, вместе с детьми, бросаются с крыш, с балконов, чтобы не попасть в руки погромщикам. Мама кое-как пришла в себя, я взяла пальто, сумку, куда бросила халат с документами. Мы ничего не взяли, ничего. И когда я уходила, эта девочка мне сказала: «Лена, одень свои новые сапоги, теплые, может быть, ты уже никогда сюда не вернешься». Она ведь видела эти лица...

Я вышла из дому в страхе, вместе с мамой и тетей. Кругом костры горели. Мама говорит: «Давай возьмем машину». А я боюсь, хочу на метро. Но мы остановили машину, водитель повернулся и спрашивает: «Вы армяне?» – «Нет, нет, нет, мы русские!» – ответила тетя. Он посадил нас и повез к метро. Мы спустились в подземку, сели в вагон. Это такой был страх! Как они смотрели в метро на людей! Мы вышли, меня отвезли куда-то в Ахмедлы и спрятали в квартире моей двоюродной сестры Лидии Зелинской, которая была в Москве в это время. Я осталась там, а мама с тетей уехали обратно.

В этой квартире я наконец поняла, что в городе действительно творится что-то ужасное. Оказывается, по лестницам бегал булочник (так тетя сказала) и показывал, где армяне живут. Все это было слышно. Я даже газ включила тихонько, спрятавшись. Боялась, они узнают, что меня здесь прячут, и ворвутся. И вдруг слышу, как этот мужчина говорит, мол, это русская квартира, идемте, я покажу, где армянская. И они поднялись наверх. А там, оказывается, была очень богатая квартира, полная всякого добра. Они стали дверь автогеном открывать. Все это происходило над моей головой, отличная слышимость была. Они вытаскивали вещи, потом унитаза стали выколачивать, все это погрузили в грузовик и увезли. Хозяев не было, наверное, уехали. Я выключила все, сидела в холоде, в темноте, в страхе. От страха начала молиться. Я никогда в жизни не молилась и не крестилась, но тут я начала креститься и просить Бога помочь мне.

Утром приехали мама с тетей на машине. Когда они вошли в подъезд и увидели разбросанную домашнюю утварь, подушки, одежду, пришли в ужас, решив, что напали на меня. Мама сказала, что они приехали со знакомым шофером, азербайджанцем. Вначале он предложил повезти меня в порт и отправить на пароме, но мы отказались. Соседка моей сестры, в квартире которой я пряталась, была осетинка. Ее сын вызвался помочь, мы заплатили ему. Он взял паспорт своей матери и мой и

переклеил фотографии. Потом я узнала, что в те дни такое часто делали. И я стала как бы осетинкой. Потом нам удалось купить билет на поезд у русской кассирши. Я хотела уехать не в Москву, а в Саратов, там жила моя двоюродная сестра, ее муж Боря Бабаян преподавал в летном военном училище. Но пришлось взять билет на Москву. Надо было еще добраться до вокзала. Решили, что мы поедем с этим парнем как брат с сестрой. Мама с тетей сами пришли на вокзал, принесли какие-то вещи. Сумочку небольшую, потому что с чемоданом меня бы остановили и начали расспрашивать, кто мы такие и куда едем. Все это время нас не оставлял дикий страх... Но все обошлось.

В Москве меня встретили двоюродная сестра и ее родственница, Мила Саркисова, она сейчас живет в Швейцарии. Я приехала разбитая, в ужасном состоянии. Потом болела долго. Первое время вообще не спала, мне всю ночь снились кошмары.

Когда в Америку не так давно приехал Михаил Горбачев, его пригласили на передачу русского канала «Наши почетные гости в Нью-Йорке». И стали в прямом эфире задавать вопросы. Вдруг одна армянка спрашивает: «Скажите пожалуйста, как так получилось, что нас не защитили в Баку?» Я поразились смелости этой женщины. Он ответил, как всегда, по-горбачевски: очень долго, но не говоря ничего по существу. Я только помню четко, как он сказал: «А я позвонил к своим знакомым в Баку и спросил, как там дела. Мне ответили, что все нормально».

Мы никогда не думали, что будем жить в Америке. Я за эту страну молюсь, потому что мы очень благодарны за то, что нам здесь протянули руку помощи.

Сиэтл, штат Вашингтон, США

29.03.2014 г.

СЕРГЕЙ БАГДАСАРОВ
Проживал в Баку по адресу:
ул. Гоголя, 1/2.

Родился я в Баку в 1981 году. Мои мама и папа тоже родились в этом городе. Мама происходит из древнего дворянского рода, моего прадеда звали Аристаке Мелик-Дадаян. У меня сохранились фотографии предков, у дяди даже есть документ, подтверждающий наше дворянское происхождение. Но во времена революции дед вынужден был сменить фамилию и бежать.

Основным языком у нас дома был русский. Но бабушка хорошо владела литературным армянским и с детства учила меня, поэтому я более-менее связно говорил на армянском и даже мог немного читать и писать. И, конечно же, всегда знал, что я армянин, знал свою историю – настолько, насколько может знать ее ребенок в семь лет от бабушек и дедушек. Сколько себя помню, я знал и гордился нашей древней армянской фамилией, у меня было четкое осознание того, что мы принадлежим к великой нации.

Когда начались события, перевернувшие всю нашу жизнь, мне было всего семь лет, но я удивительно точно и четко помню все, вплоть до мелочей. Иногда мне кажется, что Бог допустил это в моей жизни, чтобы я все запомнил и смог передать своим детям, потомкам, будущим поколениям. После всех этих событий мы оказались рассеяны по всему миру – все мои родные, мои братья – двоюродные, троюродные, четвероюродные, с которыми мы жили в Баку дружно, как одна большая семья. Сейчас кто-то из них живет на Украине, кто-то в России, где-то еще...

Я слышал разговоры родителей, взрослых и чувствовал, что вокруг происходит что-то странное. Взгляды, отношение соседей к нам стали какими-то непонятными, не такими, как раньше. У моих родителей был друг – милиционер-азербайджанец, кажется, Бюль-бюль его звали, безобидный, молодой парень. Он приходил к нам и все время предупреждал маму: «Татьяна, уходите, убегайте, уезжайте». Но его никто

не слушал, все смеялись, никто не мог поверить, что что-то плохое может произойти в наше время, в нашей стране. Мы смеялись, жили беззаботно и никто не мог даже представить себе, что та-кое может произойти с нами.

Хорошо помню, как однажды ночью, когда мы уже крепко спали, внезапно раздался звон разбитого стекла. Я вскочил с кровати, и никто еще не успел опомниться, как уже был у окна, откуда раздался шум. И смотрю – пол весь усыпан битым стеклом и валяется камень, обернутый в бумажку. Я разворачиваю эту записку и читаю: «Армяне, убирайтесь, эта квартира наша». Помню свое состояние страха, панического страха. Окно разбито, дома только бабушка и мама, отца не было в тот момент. Я прибежал к маме и показал ей записку, она прочла и заплакала. А у нас чемоданы стояли приготовленные, мы уже были готовы бросить все и бежать с этими тремя сумками. Это был конец 1988-го – начало 1989-го.

Потом в Баку были введены войска. События разворачивались очень быстро, родители как-то резко собрались и решили бежать к родственникам в Минводы. По дороге в аэропорт повсюду были блокпосты и на одном из них нас чуть не убили. Отец вышел из машины с другом-азербайджанцем, который вывез нас из города. Они дали деньги, чтобы нас пропустили через этот блокпост. Мы вообще чудом проехали, спаслись только потому, что дали большие деньги. Я смотрел в заднее стекло автомобиля и видел, как мама вся тряслась от страха, плакала, видел, как мужчины кричали, ругались, жестикулировали, потом отец с другом вернулись, сели в машину и мы поехали.

Жили несколько дней в Минводах, потом уехали в Черкесск, оттуда в Москву... Так и скитались, пока не оказались здесь, в Америке.

А бабушка наша осталась в Баку. Она хотела каким-то образом продать имущество и квартиру и вывезти кое-какие вещи из дядиной мастерской, потому что дядя был известным чеканщиком и ювелиром. Она осталась, чтобы помочь организовать вывоз его мастерской, где у дяди было очень много драгоценных металлов, камней. Они планировали вывезти все паромом в Туркмению. Бабушка выжила чудом, ей удалось попасть на паром. Эту историю я помню смутно, по ее рассказам, потому что меня там уже не было.

Бабушка – ее зовут Нина Павловна Саркисян – оставалась в Баку до января, видела самые страшные события. Она рассказывала такие жуткие вещи, что даже язык не поворачивается повторить. Говорила, например, что на ее глазах людей сжигали заживо, много чего другого... Ей пришлось многим пожертвовать, отдать очень много денег, драгоценностей, чтобы вырваться из города. Кое-что удалось вывезти, отправить то ли паромом, то ли машиной. И вот уже в дни погромов она пошла в порт, чтобы попытаться попасть на паром. В январский холод она оказалась на пароме в одном ситцевом платье, потому что вещи пропали. Долго стояла на ветру, на морозе в легком платье... Сейчас, уже много лет спустя, у нее до сих пор проявляются какие-то болезни как следствие нервного срыва и всех этих переживаний.

Мою бабушку спасло, наверное, то, что внешне она не ярко выраженная армянка. Благодаря этому ей удалось миновать толпы, которые много раз встречались ей на пути в порт. Она рассказывала, как они шли, то ли обкуренные, то ли пьяные, крушили все подряд, словно звери, причем не обязательно армянское, а все, что попадалось по дороге.

На пароме тоже требовали взятку, чтобы оставить людей, вплоть до того, что сбрасывали в море тех, у кого не было денег. А бабушку то ли капитан, то ли боцман спрятал где-то в трюме, она там прижалась к стене в углу за коробками и только так выжила.

Мне сейчас 33 года. Как следствие детских переживаний осталось заикание, которое иногда проявляется. Как сейчас, когда я вспоминаю об этом. В 21 год мне поставили диагноз: рак мозга III степени. Врачи утверждали, что мне осталось жить буквально несколько недель. А во мне после всего, что произошло в нашей жизни, после Баку и мытарств в России, страха не было. В больнице сказали, что нужно срочно делать операцию, потому что опухоль в правом полушарии огромная, размером с куриное яйцо. Но на сердце у меня было спокойно. В ночь перед операцией я встал на колени и произнес простую молитву: «Боже, я знаю, что ты есть, что ты хранил и оберегал нас все эти годы в Баку, в России, и обещаю тебе, что если сохранишь мою жизнь, я буду жить для тебя, я буду жить для людей».

Утром пошел на операцию, которая длилась 7 часов. На следующий день встал и

поехал домой. И не принял ни одной болеутоляющей таблетки. Врачи были в шоке. Это был 2003 год, в следующем году я сыграл свадьбу с моей женой Ириной. В 2005-м у нас родился сын, Леон (Левон), а в 2008-м – дочка. С тех пор прошло почти 12 лет. Я отказался от химиотерапии, хотя мне сказали, что это необходимо. Стараюсь по мере возможностей заниматься благотворительностью. Мы поддерживаем детские дома, тюрьмы, социальные фонды, в том числе в Армении и Карабахе. И каждый день жизни – чудо после того, как мне сказали, что я не жилец на этом свете...

Сиэтл, штат Вашингтон, США

29.03.2014 г.

**СВЕТЛАНА МАРКОСОВА
(АГАДЖАНИЯН)
ИГОРЬ МАРКОСОВ – муж**

Светлана:

Я родилась и выросла в Баку, в поселке Говсаны. Мои родители – выходцы из Карабаха. Папа переехал в столицу в 1950 году, когда жить в деревне стало очень тяжело. Дедушка и бабушка с обеих сторон карабахские, из села Хндзористан. Мы проводили там все лето, все наши братья и сестры ездили отдыхать туда. Бабушка с маминой стороны – Тамам – всегда, до последнего дня носила армянский национальный костюм и была похоронена в нем.

Впервые о стычках между армянами и азербайджанцами я услышала от бабушки. Мы часто расспрашивали ее о прошлом, потому что она очень интересно рассказывала. И много раз бабушка упоминала о том, что «вот когда нашу деревню сжигали, когда на нас нападали, мы убегали и пережидали это все в лесу, а потом возвращались назад». И мы постоянно спрашивали: «Бабушка, зачем вы все время возвращались назад?» А она просто и наивно отвечала: «Куда же мы должны были возвращаться? Там же наш дом». Тогда мы были детьми, подростками, и не придавали ее воспоминаниям особого значения. Для нас это была далекая история.

А первые серьезные личные воспоминания – это события в Сумгаите. До этого мы всегда себя считали бакинцами, все говорили на русском, но дома мы говорили на армянском, потому что у нас были бабушка и дедушка. И в деревне с родственниками общались на армянском. А так – школа, институт, работа – все было на русском языке. Мы немного владели азербайджанским, потому что у нас были друзья, соседи. У моего брата и папы было очень много знакомых, мы все нормально жили, как тогда считалось, в нормальной советской стране, в одном поселке. Никто ни о каких национальностях не думал и не делил людей по этому принципу, все праздники мы встречали вместе. И, наверное, именно поэтому был сильный шок, когда все стало резко меняться. Люди вдруг переставали с тобой здороваться, обходили стороной,

переходили улицу, чтобы не встречаться, делали вид, что не замечают. Мы не могли понять что это, откуда? Моя мама работала в детском садике, где нянечки в основном были армянки. Она говорила: «Я не могу понять – соседка со мной не здоровается!» Это было еще до Сумгаита.

Когда уже события начали стремительно развиваться, эти эпизоды стали всплывать в памяти. Мы работали в большом военном институте с многонациональным составом. К нам приезжали работать специалисты из разных городов. В последние годы, когда уже Алиев был у власти, приходило очень много ребят из деревень, которые плохо владели русским. И вот как-то к нам в лабораторию зашли молодые ребята, завязалась беседа. Они стали говорить: «Вот кто у нас начальник лаборатории? Еврей. Кто начальник группы? Армянин. Вы – армяне». Я говорю: «А в чем дело?» Он говорит: «Вот я азербайджанец, закончил институт, приехал работать. Молодой специалист, живу в конуре, а у вас дома и квартиры». Я говорю: «Не поняла, к чему ты это говоришь?» И показала через большое окно в лаборатории: «Вон, смотри, все эти дома строил мой папа с группой товарищей-армян с 50-го года. На каждом из домов есть вывеска с указанием года – 1951, 1952, и я могу тебе сказать, кем именно они были построены. Во-вторых, я родилась здесь, в этом поселке. Это моя родина. Закончила политехнический, работаю здесь. Все, что я за эти годы отдавала, я отдавала своей стране. А ты? Приехал из деревни, закончил институт... И если ты такой патриот – езжай назад и поднимай свою деревню. Почему ты претендуешь на мою квартиру, на мою должность?» Вот такие разговоры уже шли на больших предприятиях, потому что молодежь там считала, что все должно быть национализировано, все должно принадлежать народу. И раз мы живем в Азербайджане, то должно принадлежать азербайджанцам.

Это был уже 1988 год, первые события, Сумгаит, – все были в шоке и не знали, что творится. Помню, родственник наших близких друзей, Леня, жил в Баку, а работал в Сумгаите. И вот он рассказывал, что не мог поехать в город – дороги были перекрыты, и он не знал, что делать. Ведь в первые дни информация не доходила вообще, никто ничего не знал. А потом моя тетя Женя – не знаю, откуда она узнала, – говорила, что надо туда поехать, искать тела, узнать что случилось, кого убили, кто жив... Очень дол-

го невозможно было узнать правду о том, что происходило в Сумгаите. Но уже тогда многие армяне задумались о том, что пора уезжать. И брат нашей невестки сразу уехал искать жилье в России. Но многие все-таки верили, что ничего не будет. Особенно свекровь моя, она была такая бакинская патриотка и говорила, что в столице такого случиться не может. Мол, есть власть, поэтому даже не думайте. Мы пытались ей объяснить, что пора переезжать в Армению или куда-нибудь еще, но она не хотела уезжать. Сказала, что не уйдет из своего дома. Дескать, власть меня защитит – живем-то в столице.

Уже начинались стычки в автобусах, ходили разные слухи – то там, то здесь что-то случалось. Мы тогда ездили на работу на служебных автобусах. И вот в дни, когда на площади Ленина народ уже собирался на демонстрации – их тогда «мирными» называли – какие-то молодые люди остановили наш автобус. А водители наши были все азербайджанцы. И парень спрашивает водителя – куда, мол, едете. Тот отвечает: «На работу везу людей, в Говсаны». А тот говорит: «А ты разве не знаешь, что все порядочные люди должны быть на площади Ленина?» Шофер наш быстро выкрутился, отвечает: «Было указание сначала приехать на работу, а потом нас пересадят на другие автобусы и оттуда мы приедем». Мы сидели замерев, никто не мог понять, что происходит, зачем мы должны ехать на площадь. Никогда не забуду этот день. Приехали, значит, на работу. У входа в институт такая вертушка была, мы должны были показывать пропуска и проходить. И вот я смотрю – не все проходят. А в стороне собирается азербайджанская молодежь. Я подошла к стоявшей там замдиректора, азербайджанка была она, Ява Набиевна, и спрашиваю: «Что происходит?» Она говорит: «Мы выделяем группу людей на демонстрацию. Это по желанию». Вот таким было начало, когда они выходили на митинги: сначала сотни, потом тысячи. Собирались на площади Ленина и произносили речи – за демократию, против коррупции, против власти русских. Но со временем там такая толпа уже собиралась – просто кошмар. Несколько раз наших сотрудников тоже отправляли с работы автобусами туда на демонстрацию.

Потом меня вызвал начальник отдела и сказал, что всех армян отправляют в отпуск, хотя в нашем институте было очень спокойно. Мы удивились: «Как, сейчас, в ноябре?» А он говорит: «Желательно всем уехать». Мы впопыхах забрали свекровь и уехали в

Одессу. Там начали интересоваться возможностью обмена жилья, но цены уже поднялись, потому что люди поумнее стали уезжать гораздо раньше – сразу после Сумгаита. Ведь начали-то они с демократических речей, но очень скоро перешли к антиармянским и антихристианским лозунгам.

И конечно, не только к лозунгам, но и к действиям. Хорошо помню, как начальник измерительной лаборатории – в нашем институте многие лаборатории возглавляли армяне – как-то не пришел на работу. Начали звонить ему. Оказалось, его вытолкнули из автобуса и он разбился – лицо все было побитое. В городском транспорте мы уже боялись ездить, старались ехать, опустив глаза, не одевали колец, других украшений. Утром я очень рано выходила на работу, было еще темно, надо было выйти из подъезда и пройти несколько кварталов до того места, где нас забирал автобус. И было страшно идти по улице, потому что могли остановить и проверить паспорт, могло случиться все, что угодно. Потом пошли мерзкие разговоры на работе: «Ой, там, в Армении что-то сделали с моим братом-азербайджанцем». Сотрудники начали нас обходить, люди стали кучковаться, то есть обстановка на работе накалялась.

Моя очень близкая подруга Виолетта – у нее мама была русская, а папа азербайджанец – перестала здороваться, обходила меня. Я была просто шокирована и никак не могла понять причину такой перемены. К тому времени уже начались разговоры о Карабахе, о том, что это, мол, наша земля и мы ее не отдадим. И как-то, забыв, видимо, о том, что я родом из Карабаха, она сказала мне про карабахцев: «И так давали им столько свободы, в институте были льготы для людей из районов, а они вот так с нами!»

Постепенно жить становилось опасно, просто невозможно. Когда на улицах все кричат «Баку – только для мусульман», ты поневоле задумаешься – а что это означает? Нас ведь, армян, в городе было много, что они могут сделать? Никому не хотелось думать о плохом. Но когда подруга звонит и кричит: «Не выходи из дому», когда страшно даже к врачу пойти, то понимаешь, что здесь жить невозможно. Люди уезжали, хотя это было совсем непросто: прописка, жилье, работа – все это надо было искать. Но когда уже и на работе всем армянам сказали – уезжайте, мол, в отпуск, мы поняли, что обстановка накалилась до предела. От властей абсолютно никакой помощи не

было, и мы понимали, что надеяться не на кого...

Игорь:

Мне на работе по-дружески сказали: «Знаешь что, не приходи на работу, побудь дома. Нежелательно тебе приходить». Потом я сам все узнал. Например, о том, что все армяне в ЖЭКах были под учетом, они отлично знали – где, по каким адресам живут армяне.

Я как-то поехал в магазин для военнослужащих – отец у меня был ветераном, прошел всю войну – и мне там ничего не дали. Сказали, что армянам ничего не дают. Женщина, которая хорошо знала нашу семью – ее муж служил с моим отцом, – подошла ко мне и говорит: «Игорь, все. Тебе ничего не дадут. Ваша карточка выброшена». Пошел в гастроном, где меня все продавщицы знали, азербайджанки, конечно. А в Баку в кассе в те годы могли не добавить сдачу – 10, 15, 20 копеек. А в этот раз кассирша мне все полностью отдала, заявила, что, мол, не хочу быть в долгу перед армянами, и швырнула мне деньги.

Возвращаюсь домой – и вдруг получаю удар большим камнем в переносицу, до сих пор шрам остался. Оглянулся – никого. Хлынула кровь, я иду и думаю, как же так дома показаться, испугаются наши. И пошел к другу, он полуазербайджанец-полурусский. Это случилось уже в нашем районе, где все меня знали. В метро как-то ехали домой, смотрим – стоит шантрапа. Молодые ребята лет 17–18. И один распахнул плащ и другому показывает – смотри, я все приготовил. А там у него заостренная арматура.

А как я уезжал из Баку – это другая история. Очень тяжелая.

Светлана:

Мы тогда поехали в Одессу, чтобы посмотреть, есть ли шанс там зацепиться. Гера – старший брат Игоря, сказал, что обменять квартиру нам не удастся, потому что все знают о накаленной обстановке в Баку. Мы хотели маму Игоря оставить жить там – у сына, у дочери. Но Маргарита Гавриловна сказала, что поедет назад, потому что ничего плохого в нашей стране быть не может. И мы все вернулись в Баку, где обстановка все ухудшалась.

Я была тогда беременна, на работу не ходила. Взяла декретный отпуск на два месяца раньше. Не ходила к врачам – боялась, потому что первого ребенка мы потеряли,

а врачом в поликлинике была азербайджанка. Надо было уезжать из города, чтобы нормально родить, и мы стали звонить в Москву, выяснять, куда можно выехать.

22 апреля я улетела рожать в Москву. Из Баку мне чуть ли не каждый день писали и говорили по телефону, что в городе становится все хуже, обстановка все опаснее, дескать, даже не думай возвращаться. С приезжающими в Москву командировочными мне присылали вещи, одежду. Игорь говорил, что вряд ли мне придется возвращаться домой.

Игорь:

Я остался в Баку, потому что нужно было продать квартиру. Это был уже конец 89-го – начало 90-го, январь. Надеялся, что хоть какие-то деньги получу за нее и смогу купить жилье в Пензе, куда мы решили переехать. Договорились с одним парнем на 15 тысяч, но в итоге я продал ее за десять, потому что брат покупателя как-то пришел ко мне домой и очень грубо, по-хамски повел себя. Он подошел к брату, с которым мы разговаривали, и говорит ему на азербайджанском, мол, ты что, с ума сошел? Ты за чем ему 15 тысяч даешь, они же все равно уедут. 10 тысяч дай и пусть радуется. А тот порядочный был – говорит, понимаешь, я уже договорился. Но брат его убедил все-таки. Десять тысяч эти несчастные я получил.

Я уже один оставался в Баку, маму забрала старшая сестра в Аштарак, где ее муж получил должность в институте физики и им предоставили жилье. Я продал квартиру, отправил мебель и вещи в Пензу. Доверил шоферу – дал адрес и он повез. У меня билет на самолет и я уже в предвкушении того, как поеду в аэропорт и вылечу. А погромы уже начались. Но тут случилось настоящее чудо, которое помогло мне избежать смерти. Я встретил знакомого парня, армянина, мы работали с ним на одном предприятии. Разговорились, я рассказал ему, что продал квартиру, взял сертификат на эти 10 тысяч, чтобы не брать наличными, так удобней. Он спросил, когда улетаю. Говорю, послезавтра. И этот парень сказал: «Даже и не думай ехать в аэропорт, не смей появляться там». Я, говорит, сейчас еду за своими – если хочешь – присоединяйся к нам. Но я сказал, что у меня еще тетя осталась, папина сестра с мужем – мы на одной площадке жили. Я должен был их предупредить. Он опять повторил, чтобы я даже не думал ехать в аэропорт. Сказал, что армяне просто

исчезают там. Проверяют, ловят армян – и все, уводят их куда-то с концами. И еще он сказал мне, что официально погромы начнутся завтра. А локально, по районам уже они идут. Оказалось, что по каждому району была своя дата начала погромов.

Я сразу пошел к тете и рассказал им все. А у нее муж украинец, Алеша Бойко. Он выслушал меня и говорит: «Перестань паниковать». Я говорю, не знаю, паникер я или нет, но давайте этот период переживем у вашей дочери, которая живет в военном городке Гюнешли. А там видно будет. Каких трудов мне стоило их уговорить! Наконец, согласились. И теперь думаем, как туда ехать. Городским транспортом – опасно. Брать такси – тоже не знаешь на кого нарвешься.

Рано утром я постучал в дверь к своему соседу, азербайджанцу Олегу Рзаеву. Мама у него была русская. Говорю, выручай. А мы росли вместе, в одном дворе, учились в одной школе. Он говорит, о чем речь, конечно, помогу. И помог. Мы все вместе благополучно приехали на такси в Гюнешли. И там мы прожили несколько дней как под домашним арестом.

Но моя тетя Ася упорно хотела вернуться в свою квартиру. Уговорила дочь Иру, мою двоюродную сестру. Ира блондинка, внешне на армянку не похожа, поэтому они с мужем решили поехать с матерью. Их долго не было, я нервничал. Вернулись. На Ире лица нет, тетя вся дрожит. Оказывается, именно тогда, когда они там появились, в наших домах начались погромы. Ира видела, как нашу соседку, пожилую армянку по фамилии Месропова гнал по улице молодой парень и бил ее, погонял как скотину. Ира подошла к нему, говорит, ты что делаешь, перестань женщину бить! А парень обругал ее, говорит, не вмешивайся, пока сама жива. Они еще рассказывали, как ворвались в дом других соседей, они в другом подъезде жили, изнасиловали жену и избили мужа. Погромы страшные были...

Светлана:

Когда потом Ира приезжала к нам в Пензу, постоянно рассказывала об этом, о том, как напали на автобус, в котором они ехали, и стали раскачивать. За рулем сидел перепуганный солдат, всюду огонь, крики о помощи... Она сидела и молилась, даже не надеясь, что они смогут вырваться. Каким-то чудом им удалось выехать со двора. Ире потом этот кошмар все время снился. А мы ждали Игоря уже в Пензе, не знали, что он

так и не поехал в аэропорт.

Игорь:

В этом же доме в военном городке жил сотрудник КГБ. Ира спустилась к нему, чтобы узнать, какая обстановка в Баку. Возвращается и говорит, что положение не просто плохое, а очень плохое. Народный фронт решает, что делать с армянами, которые остались в Баку. Одни предлагают уничтожить всех физически, другие говорят, пусть, мол, убираются из нашей страны. Мне так обидно стало, что я в такую ситуацию попал. Дочь родилась – я ее не видел еще, жена там одна, а моя жизнь под вопросом. Что делать, как выбираться отсюда? Впервые в жизни я стал молиться. Просто подошел к стене и прошептал: «Господи, помоги». Помог...

Они все-таки решили отправить армян паромами. В порт я добрался на военной машине. Там, в этом городке, оказывается, очень много армян собралось. Вот нас всех рано утром собрали в этот пазик и повезли. И никто не знал, что с нами будет. Шли разговоры, что обстреливали эти пазики, которые собирали армян, некоторые говорили, что даже парома топили. Когда мы приехали на бакинский причал, там стояло два парома. Большие, где-то по 800 человек помещалось. Мы сели на один из них. И хотя сами погромы я не видел, но встретил в порту столько покалеченных людей, которые без конца шли и шли на паром... Это был просто ужас! В основном пожилые люди, хотя молодые мужчины тоже были. Все сомневались, что паром благополучно дойдет до Красноводска. Люди гадали – или нас будут бить по пути, или еще чего случится.

Это было уже 16 января. А 17-го мы прибыли в Красноводск, всю ночь плыли. Никто, конечно, не спал, все в тревоге. В Красноводске нас зарегистрировали и предложили билеты по двум направлениям, бесплатно. Самолетом – или в Ереван, или в Москву. Я полетел в Ереван, потому что мама моя там была.

Светлана:

Мы знали, что Игорь должен был прилететь в Москву 16-го. Связи никакой не было целую неделю, а по программе «Время» сообщали, что в Баку происходят «небольшие волнения». Но я-то понимаю, что это такое. Телефонов нет. Мне приходилось очередь занимать на почте, чтобы попробовать связаться по телефону. Утром грудного ребенка оставляла и бежала к открытию почты. Но никакой связи не было.

В аэропорт встречать самолет, на котором должен был прилететь Игорь, поехали его двоюродная сестра Нина и Коля, тоже бакинец. Мороз стоял сорокоградусный. Ждем – нет их. Я тогда грудью кормила ребенка. Короче, потеряла молоко от волнения. Звонок, открываю дверь – стоит Нина, на ней лица нет. Я потеряла сознание. Они меня привели в чувство и рассказали, что на самолете почти никого не было, всего три-четыре женщины в халатах, взъерошенные, испуганные, с документами. Игоря нет. Что делать, как искать, что с ним?

Только на пятый или шестой день я дозвонилась до дяди Алеши. Он поднял трубку, я в крик: «Дядя Алеша, где Игорь?» Он говорит, не волнуйся, он жив, жив. Спрятаны все. И все – связь прервалась. Потом я узнала, что он просто заезжал, проверял квартиры, и я случайно его поймала.

28 января Игорь приехал наконец в Пензу. Я поехала его встречать. Когда муж из поезда вышел – о Господи! – это был не Игорь, это была полностью седая голова. Мы с Ниной смотрели и не могли его узнать – таким он приехал в Пензу...

Расскажу еще о своих родителях. Когда все стали уезжать, мама с папой тоже начали собираться, приводили дом в порядок, чтобы лучше продать. А у нас целый коттедж был, с большим огородом. Мой папа был очень добрым, наивным человеком. Покупатели приходят, смотрят, выясняют, есть в доме люди или нет. Папа по наивности всем все показывал. И как-то его в соседском дворе связали и стали уговаривать, чтобы он подписал документ, что отдает им свой дом бесплатно. Они его оставили связанным на ночь, сказали, до утра подумай. И водку ему в рот заливали – мучили... Это была родня наших азербайджанских соседей, которая перебралась из каких-то азербайджанских сел Армении. Хотели все бесплатно получить. И папа думал, что все, жизнь кончилась – под утро они придут его убивать или еще что-то делать.

Поселок наш был смешанный, а папина сапожная будка превратилась в такой мужской клуб: все собирались, играли в нарды. И ночью один сосед, лезгин, пришел, развязал его и в багажнике машины увез в город на вокзал. Вот так папа спасся. Это был уже конец 1989 года.

Игорь:

Когда мы приехали в Америку, вначале все было все нормально, но потом сказа-

лось пережитое, я заболел. Нервы сильно напряжены, мы были на пределе. Я ведь думал, что никогда больше не увижу свою семью... Трудно выразить словами, как мне было плохо. Но слава Богу, пережил и это.

Светлана:

Это невозможно забыть. Когда мы собираемся бакинцами, всегда вспоминаем. И наши дети много страшных историй слышат. Недавно я на работе должна была рассказать, как и почему поменяла жизнь. Мы все говорим, что это наша вторая жизнь, потому что есть люди, которые не выжили. Скончались от стресса, от страха, от пережитого ужаса...

Тетю Игоря мы так и не нашли. Она была одинокая женщина, ее из Баку вывезли куда-то в Армению. Мы пытались ее найти, но не смогли. Не знаем даже, где она похоронена.

Сиэтл, штат Вашингтон, США

30.03.2014 г.

РОЗАЛИЯ АРЗУМАНОВА
Проживала в Баку по адресу:
Ленинградский проспект, 136,
кв. 5.

Я выехала из Баку за год до начала этих событий и ничего не видела. Но мои родные остались там, и я по их рассказам знаю, что с ними произошло.

Дом наш был окружен, все родственники находились там. Мой брат собрал всю родню, человек сорок, потому что оставаться в домах им было невозможно, очень опасно. Один из соседей был военным и снабдил моего брата гранатами и прочим оружием, чтобы они могли защищаться, пока не подъедет БТР, чтобы забрать их и отвезти на вокзал. Окружившие дом толпы скандировали дикие антиармянские лозунги. Это было страшно. Люди не знали, что делать. Мама, 70-летняя женщина, ходила с гранатой в руках по комнате. С ними были дети, причем маленькие. И толпа, представляете, кричала: «Отдайте нам своих девочек от 3 лет и старше!»

Так они и оставались в доме, каждую минуту опасаясь нападения, пока не подъехал БТР и автобус, на котором их привезли на вокзал, чтобы посадить на поезд. Шесть дней они были в дороге, с новорожденным – шестидневным! – ребенком. Когда они приехали, я пошла их навестить. Увидела своих родственников, других бакинцев – и мне стало не по себе: я не узнала людей, которые были мне близки. То, что они рассказывали, было страшно.

Я вышла от них и пошла на остановку, чтобы уехать домой. И тут ко мне подошла женщина с безумными глазами и говорит: «Вы знаете, почему у меня такой голос? Я не простужена. Мой сосед, азербайджанец, был зубным врачом. Он избил моего сына, повалил его на пол, а потом повалил меня и стал клещами вытаскивать золотые зубы». Вот какую жуткую историю она мне рассказала. А многие люди просто не хотели говорить, просто не могли – половина словно обезумела. Буквально через год-два 14 из тех, кого я знала, не выдержали, скончались, причем среди них были и пожилые люди,

и сравнительно молодые.

У них с собой не было ровным счетом ничего – ни одежды, ни посуды... Они радовались каждой солонке. Их надо было каждый день подбадривать, помогать. Потом потихоньку они стали приходить в себя. Даже мои родные начали оживать – мама, которой довелось многое пережить. Она рассказывала, как людей выбрасывали из окон, с балконов. Что сказать... Царствие небесное всем тем, кто погиб. И позор, позор, позор тем, кто это совершил!

Сиэтл, штат Вашингтон, США

29.03.2014 г.

ЛИЛИЯ СААКОВА

**Проживала в Баку по адресу:
ул. 11-я Нагорная, кв. 114.**

История и судьба Лилии Сааковой трагична и уникальна. Когда мы встретились с ней, она находилась в медицинском центре, прикованная к кровати страшной болезнью, ставшей следствием

пережитого. В силу особых обстоятельств разговор с ней изложен в форме интервью.

– Вы родились в Баку?

– Да. И мои родители тоже. Отец моей мамы был родом из Шуши. Во время первых погромов, в начале XX века, он потерял первую семью. Вернулся домой, видит – дом горит, а жену и сына увезли турки. Мы как-то встретили имя – Александр Тер-Ионни-сян, профессор из Ирана. Возможно, это и есть его сын, просто все связи потеряны. Второй раз в нашем роду моя бабушка со стороны отца, тогда еще она была ребенком, стала беженкой вместе со всей семьей. И вот в третий раз беженцами стали уже мы.

– Вы в Баку жили с родителями?

– Да, с родителями, с мамой и папой.

– Сколько вам лет было в 1988 году?

– Я родилась в 1957 году. У меня в то время уже был сын, он родился в 1979 году. Его зовут Армен.

– Он сейчас здесь?

– Да.

– Скажите пожалуйста, помните ли вы события 1988 года в Сумгаите? Что изменилось в Баку после этой трагедии? Как изменилась обстановка, как вы почувствовали это?

– Да, мы почувствовали эти изменения. Они стали интересоваться списками в ЖЭКах, искали – где армяне живут, начались постоянные митинги, демонстрации по нашей улице, когда мой сын был еще маленький. Он стоял на балконе и смотрел, а они

шли толпой, как озверелые. С теми, кто попадался по пути, заговаривали по-азербайджански, и если кто-то отвечал неправильно, тут же начиналось избиение. Особенно жестоко били мужчин.

Сама я работала медсестрой в больнице нефтяников. И как-то ночью, во время дежурства, меня изнасиловали. Они знали, что я армянка. Я пошла делать уколы и один из больных (у него была отдельная палата, он работал управляющим «Азнефтью», в общем, был «большой» человек), набросился на меня и изнасиловал. Это был 1989 год.

– Вы пытались кому-либо сообщить об этом?

– Я сообщила. Старший врач рассказал главврачу, они этого типа якобы выписали, но на следующий день он обратно вернулся. Пришел просить прощения, принес цветы, но это не искупало его вины.

– То есть его не наказали?

– Нет, конечно.

– Как дальше развивались события?

– Мы слышали антиармянские выступления на митингах. Потом армян стали увольнять с работы, сокращали им часы или поручали более грязную работу, например, медсестрам. Если ты хорошо владел их языком, то еще имел какие-то шансы получить нормальную работу, а без этого никак. Но особенно зверствовали женщины-азербайджанки. Мне и еще одной медсестре-армянке наши коллеги несколько раз говорили, что с большим удовольствием убили бы нас, зарезали бы ножом. Все это продолжалось до января 1990 года.

– То есть вы прожили в Баку в таких условиях до кульминации погромов. И все это время вы работали или вас уволили?

– Нет, я уже не работала. Я с работы ушла, но уехать не могла. Из-за отца – он работал на очень высокой должности в Баку и на него охотился Народный фронт, его хотели убить. А у меня было много знакомых среди работников МВД – бывших пациентов, и я хотела помочь ему выехать. Поэтому и осталась в Баку до черного января. Однажды, сразу после Нового года, я рано утром вышла на улицу и увидела кругом трупы...

– Вас никто не предупреждал о погромах?

– Нет. Как-то в декабре я была у себя дома, в дверь постучали. Посмотрела в глазок – за дверью огромная толпа. Они спросили: «Вы армянка?» – и назвали мою фамилию. В это время раздался телефонный звонок одного моего друга, работника МВД, благодаря которому я и спаслась в тот день. Они ведь пришли в мою квартиру, зная, что здесь живут армяне, у них адреса были на руках. Я им ответила, что нет, я не армянка. Они спросили, а где армяне, я ответила: «Йох» («Нет». – **прим. ред.**). Я пыталась тянуть время, пока очень быстро не приехал мой друг. Разговаривая по-азербайджански, он вывел меня из квартиры, а там уже ждала машина. Мне просто очень повезло, потому что ко всем нашим соседям-армянам, которые еще оставались в городе, они врываются в дом, устраивали погромы, грабили, выбрасывали вещи на улицу.

– Вы видели конкретные случаи нападения?

– Да, видела с балкона, как выкидывали во двор вещи, чемоданы, слышала женский крик «Помогите, меня насилуют!»

– Кто-то конкретно из ваших соседей, друзей-армян в те дни погиб, подвергся насилию?

– Насилию подверглись многие, но я не могу сейчас вспомнить имена. А мой муж пропал без вести. Я до сих пор не знаю, что с ним случилось. Он поехал через Карабах в Ереван. Это было в 1988 году, после Сумгаита. Поехал, чтобы купить квартиру и вывезти нас из Баку. Но не доехал. Машину его нашли сожженной, а тела я так и не видела. Свидетельство о смерти выдали уже в России. Мы искали его через суды, но безуспешно. Он считается без вести пропавшим. Его звали Николай Григорян. Я все надеялась, что муж жив. Может, он объявится после того, как вы напишете про меня.

– Что было потом?

– Несколько дней жила у друзей, потом меня вывезли в порт, чтобы отправить на пароме, как и других остававшихся в Баку армян. Но парому они выехать не дали. Это было 21 января, я хорошо помню, потому что это день моего рождения.

– А до 21 января вы из дома выходили?

– Нет. Я только с балкона видела эту озверевшую толпу, которая все вокруг громила, кричала «Смерть армянам!», «Армяне, убирайтесь!».

– Что же случилось в порту?

– Паром в тот день не выпустили, и они оставили нас в этом помещении ждать, когда дадут разрешение на выезд. Люди были в ужасном состоянии, дети плакали, нечего было есть. Очень много было смешанных семей, где жена была армянка, а муж азербайджанец, или наоборот. Поскольку я хорошо говорила на азербайджанском, пошла в буфет и потребовала еды. Там мне ответили, мол, вы думаете, мы не люди? Мы тоже хотим дать поесть детям, но не имеем права. Народный фронт тут стоит. Нас расстреляют, если мы поможем вам. Так и сидели голодные... Потом нас увезли из порта в неизвестном направлении.

– Не сказали, куда везут?

– Ничего не говорили. Это были молодые ребята из Народного фронта.

– Они были вооружены?

– Да. У них были автоматы. И, если что-то им не нравилось, они стреляли.

– Кого-то убили?

– На моих глазах нет.

– С вами были дети?

– Да. Там были не только армяне, но и русские – военнослужащие с семьями. Нас держали в каком-то помещении типа сарая. Каждый день они приходили и говорили одной из женщин: «Сегодня ты». Уводили и насиловали.

– Вот так вот, систематически, каждый день?

– Да. Они все обкуренные были. Насиловали всех, независимо от возраста, в том числе пожилых – лет по 50–60, хотя предпочитали, конечно, молодых. Там были 12–13-летние девочки, дочери русских военнослужащих. Их тоже не жалели. Однажды они связали родителей и на их глазах жестоко изнасиловали девочку-подростка. Мать лишилась рассудка, а отец умер от разрыва сердца на месте.

– Вас кормили?

– Давали воду, какие-то булки приносили... Условия были кошмарные, вместо кроватей – вонючее сено. Два года я даже купаться не могла, потому что мыться можно было только в реке, на виду у всех, а стоило им увидеть хотя бы частично обнаженное тело – тут же начиналось. Два года в одной одежде, в одной юбке, в одном нижнем белье...

– Сколько людей там было?

– Примерно человек 25. Русские семьи, армяне из смешанных семей – те, кто хотел выехать на пароме. Нас постоянно держали под дулом автомата. И мы скоро поняли, что если хотим жить, то лучше молчать.

– А они не говорили, что с вами хотят сделать?

– Они хотели обменять на своих, тех, кто был задержан в Нагорном Карабахе.

– Вас били?

– Били, конечно. Я потеряла там практически все зубы. Когда вернулась – волосы падали клочьями, зубы выпадали.

– Как вам удалось вырваться из этого ада?

– Два года я провела фактически в заложничестве, а потом мне, можно сказать, повезло. Приехал как-то представитель Народного фронта, уже довольно взрослый человек. Почему-то он меня заметил. Я ведь тогда была молодой и красивой, не такой, как сейчас. И он захотел жениться на мне. Сказал этим охранникам, мол, что вы с ней сделали? Не трогайте ее, я заберу эту женщину.

Он оказался довольно-таки приличным человеком, действительно забрал меня оттуда и привез в свой дом. У него уже были три жены, это еще тогда у них практиковалось. И мать его там жила. Это была очень верующая семья. Приняли они меня хорошо, не трогали, поили, кормили, одевали. Я была как бы его жена, но с ним не жила, потому что видела его трех жен, которые могли меня убить в любой момент. Сказала им, что мне он не нужен, просила помочь мне убежать. Я спала с ними в одной комнате, с этими женщинами.

Вы знаете, у него дома я как-то видела фильм, снятый в Сумгаите. Это был ужас. Точнее, не фильм, а видеозапись. Там были кадры, как врываются в армянские квартиры, убивали, насиловали. Помню даже, показали автомобиль, «Волга-21», и девушку – раздетую, изнасилованную, всю в крови посадили впереди машины как куклу свадебную... Они с друзьями из Народного фронта смотрели видеокассету, и я начала смотреть, но потом мне стало дурно и я ушла. Он понял, даже не позвал меня. Это было страшно...

– В семье знали, что вы армянка?

– Да. Все знали, вся семья, у него было пять братьев и десять сестер. Это было примерно лето 1992 года. Его жены увидели, что я не проявляю никакого интереса к нему, и стали со мной дружить. Он собирался привести шейха, чтобы я смилила религию и он мог жениться на мне. И тут я решила чисто по-женски схитрить. Попросила его дать мне возможность попрощаться с сыном. И он отправил меня в Россию в надежде, что я вернусь. Но я не вернулась. Позвонила ему, честно сказала, что не могу. Он ответил, что если такова воля Бога, значит, так тому и быть.

Я поехала сначала к отцу в Кострому, оттуда в Москву, к тете. Мои родные долго искали меня и думали, что я умерла. Сыну моему было тогда 10–11 лет. И когда я их всех увидела, когда поняла, что я уже свободна, у меня случился коллапс.

– Вы знаете, что стало с теми людьми, которые оставались заложниками?

– Я думаю, их убили. Или обменяли... хотя вряд ли, потому что не так уж и много у них было связей. Люди жили в ужасных условиях и долго так протянуть не могли.

– В Москве вы ощущали последствия этих двух лет, связанные со здоровьем, физическим состоянием?

– Мне постоянно было страшно, появилось очень много фобий, например, я не выносила, если кто-то, проходя мимо, случайно касался меня... Тетя работала в Кремлевской больнице и показала меня врачам. Они прописали полгода изоляции от людей, потому что я просто страшно боялась всего. Мне все время чудилось, что кто-то стоит за занавеской, за дверью, при звуках подъехавшей машины у меня начиналась истерика, казалось, что пришли за мной. Все это было ужасно, конечно...

Но когда в 1993 году я с папой и сыном приехала в Америку, казалось, все прошло. Сперва все вроде было в порядке. Начала работать, у меня был свой салон красоты. Но в один прекрасный день я не смогла встать с кровати. Потом меня всю перекосило, отнялись ноги, руки и спина, поясница. Врачи считают, что это похоже на ревматоидный артрит, но по анализам я физически абсолютно здорова. Просто... они меня швыряли на землю, когда насиловали, наверное, поэтому позвоночник в конце концов отказал... И вот уже семь лет я вот так неподвижно лежу. Держусь на стероидах, поэтому вся опухла.

– То есть вы считаете, что это следствие того, что вы пережили?

– Да, это связано с теми годами. У меня продолжают ночные кошмары, со мной до сих пор работают психиатры. Я не могу смотреть фильмы, в которых есть сцены насилия, убийства, стрельба, женские крики... До сих пор вижу какие-то непонятные и страшные сны, и ни один психиатр не может мне помочь...

– Ваши родные здесь, с вами?

– Да. Армен, мой сын, женился на Оксане, она тоже из Баку. Мы раньше были соседями. Они с детства дружили, вместе гуляли, я с ее мамой была знакома. Потом мы потеряли друг друга, и Армен ее долго искал. Нашел через Интернет, она жила в Москве. Я тогда уже была больная, он поехал за ней, они встретились в Ереване и обручились. Сейчас у них две дочери, мои внучки. Часто навещают меня.

– Расскажите, какое имущество вы оставили в Баку?

– Две хорошие квартиры оставили и все имущество полностью, ничего не взяли.

– Вы потом поддерживали связь со своим спасителем?

– Я по телефону с ним иногда говорила. Он приезжал один раз в Москву, мы встретились. Он хотел у меня купить квартиру для своего сына. Я отказывалась брать деньги, хотела ему подарить квартиру за свое спасение, но он сказал, что не возьмет, потому что Бог накажет. Купил и уехал. Потом я звонила ему отсюда, когда узнала, что он заболел. Ему нужны были лекарства, подгузники... Тогда ведь всего этого не было в Баку. Ну и я через тех, кто летел в Москву, ему передавала. Помогала, как могла, так что я перед Богом чиста.

...Я часто думаю о том, что в определенный отрезок столетия случается с нами, армянами, такое, но никто не хочет этого признавать...

Сиэтл, штат Вашингтон, США

29. 03.2014 г.

АРЕГАК БАГИРЯН

**Проживала в Баку по адресу:
ул. 11-я Нагорная, дом 37.**

Я родилась в Баку, в доме, который находился за кинотеатром «Мир». А убежать оттуда нам удалось 3 декабря 1988 года – за считанные дни до Спитакского землетрясения.

Отец мой родом из Карабаха, из деревни Ухтадзор. А мамин род по отцовской линии – из Карса, откуда семья бежала, спасаясь от резни. Маму назвали Нвард в честь тети, которая осталась в Турции и погибла в годы Геноцида. Моя мама слушала Саят-Нову и плакала... Потому что ее папа пережил Геноцид, а потом она сама бежала. Как бы повторяется история армянская. Вспоминая маму, я всегда плачу, потому что цепь такая депрессивная получается в нашей семье. Дедушку я почти не видела. Спасаясь от Геноцида, они приехали, бедные, в Баку, родственники – в другие места, кто куда смог. Потом уже мой папа должен был бежать из Баку с тремя дочками, младшей из которой было пятнадцать лет... Чего только мы не слышали в те дни о том, что делали азербайджанцы!

Я хорошо помню день, когда проходила демонстрация перед Домом правительства. Это было примерно за месяц до нашего отъезда из Баку, в ноябре 1988 г. Огромная демонстрация была перед Домом правительства. И все кричат – и на площади, и по телевизору: «Армян выгоняйте, никакого Карабаха им!» И вдруг вся эта разъяренная толпа – а там тысяч пятьдесят было как минимум – начинает скандировать: «Мы идем в Арменикенд!» Арменикенд – это район, где жили армяне. Потом они пошли по проспекту Ленина, группами заворачивая на пересекающиеся улицы в поисках армян.

Вся семья была дома, в том числе и мы, три молодые сестры, никто не замужем, и один брат. И мы понимаем, что они идут. Все кричат, все плачут. Соседи не знают, куда нас спрятать. Брат вне себя от злости кричит, мол, пусть меня убьют, потом войдут в дом. И наполняет бутылки бензином из бензобака машины. Мама пытается отговорить его: «Не делай этого, они тебя убьют, отойди от ворот!» А он: «Я семью

не отдам, дом не отдам, пусть меня убьют!» Достал шампуры для шашлыка, все расставил, приготовил... Шум стоит неимоверный, все кричат. А папа так боялся за своих девочек!

У нас был чердак, очень темный. Там никто не жил. И вот мой папа поднял туда дочек – я старшая – и дал нам три одеяла, три бутылки воды и три ножа... И сказал: «Не знаю, сколько вам тут придется побыть, по ночам холодно, укройте одеялами, сидите тихо, молчите, молчите... вниз не спускайтесь, сидите, пока я не приду». И ножи нам дал – защищаться, если вдруг они решат чердак проверить. Если, говорит, я приду – вы мой голос знаете, я ваши имена знаю. Но если кто-то другой дверь откроет в темноте – защищайтесь. Меня не будет – значит, уже убили внизу.

И ушел. Я помню, сестра моя младшая – пятнадцать лет! – ничего не понимает, ее надо успокаивать, а мы должны молчать, рука у нее дрожит, нож в руке, и она говорит: «Вдруг кто-то дверь откроет...» Я говорю: «Я первая пойду!» Это был ужасный, ужасный, ужасный момент. Через что мы прошли в эту ночь!!! Сидеть там часами и не знать, родители живы или нет, брат живой или нет... И страх, что они доберутся до тебя. Шум такой, гул в городе стоял, и вместе с тем какая-то мертвая тишина. Но нам повезло – в эту ночь в город вошли войска. Они стояли рядом с нашим зданием, на углу...

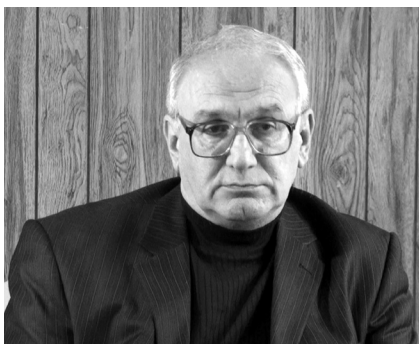
После этого папа все время пытался найти способ выехать. Хотел сначала на машине, но ему сказали, что все большие трассы перекрыты, на дорогах проверяют документы и если находят армян, заливают машину бензином и сжигают заживо всю семью. Когда наступило некоторое затишье, мы поехали в аэропорт. Нам уже было неважно куда бежать – лишь бы спастись. Но папа говорил, что он всегда жил среди мусульман и если удастся вырваться, то хочет прожить остаток жизни в Армении. Мы, девочки, выехали первыми, как только удалось найти билеты. Потом снова достали билеты – и так выезжали по двое. Нас было девять человек. Брат уже был женат и беременную невестку мы раньше всех, сразу после сумгаитских событий, отправили в Армению.

Мы оставили в Баку все свое имущество. Пытались продать огромный дом, хотя бы за бесценок, но многие соседи-армяне тоже продавали свои дома и азербайджанцы

говорили, мол, зачем нам покупать, все равно вы все убежите и это останется нам. Из нашей семьи, слава Богу, никто не пострадал. Но все равно невозможно вспоминать все это без слез. Мои родители прожили после этого всего 9 лет, но могли бы и дольше, если бы не тот стресс, который они пережили, боясь, как бы детей не зарезали, не сожгли, не изнасиловали...

Сан-Франциско, штат Калифорния, США

30.03.2014 г.

ОЛЕГ ПЕТРОСЯН

Проживал в Баку вначале в Монтино, затем в поселке Ахмедлы.

В Баку я жил с 58-го года. Отец мой был офицером и после демобилизации приехал туда, где жили родители мамы. Я учился в школе №200 на улице Инглаб, недалеко от армянского кладбища. С проблемами национального характера в период учебы в школе никогда не сталкивался, у нас учились дети разных национальностей. Поэтому, когда произошли события в Сумгаите, это был шок. Причем шок обоюдный, не только для армян.

Узнал я об этих событиях на работе. Я работал в опытно-экспериментальном цехе Бакинского производственного объединения «Радиостроение» (в народе называли «Радиозавод»). Мое рабочее место было у стеклянной перегородки, отделяющей кабинет начальника цеха. Один из инженеров-технологов, Бабаев Яшар, жил в Сумгаите. В тот день он опоздал на работу, а когда явился, три мастера и начальник цеха вдруг закрылись в этой самой комнатке и что-то там бурно обсуждали. И я все слышал. Бабаев рассказывал о том, что творилось в Сумгаите. Говорил об убийствах, погромах, грабежах, о том, как одних зарубили топором, других сожгли. Это был шок... Не верилось, не укладывалось в голове даже у азербайджанцев. Потом пошли сообщения по радио, каждые десять минут передавали выступление Первого секретаря ЦК, который вроде пытался успокоить людей.

Но жизнь наша с этого момента разделилась на до и после. Правда, вначале азербайджанцы – соседи, сослуживцы, просто знакомые – испытывали определенное чувство вины, это факт. Но потом все изменилось. И сигнал к событиям в Баку был дан 18 июня 1988 года, на заседании Верховного Совета СССР, когда Горбачев, грубо перебив выступающего Генриха Игитяна, заявил: «А вы вообще знаете, что такое Геноцид?» И добавил: «А вы подумали, что может случиться с двумястами тысячами

жителей Баку армянской национальности?»

Но до этого кое-что уже произошло. Мой бывший сослуживец (раньше я работал на сталелитейном заводе начальником отдела кадров) неожиданно позвонил и стал требовать, настаивать, чтобы мы всей семьей поехали к нему в гости. Он чуть дальше Баку жил. Поехали. Они накрыли стол, мы сели и он говорит: «Я не знаю, что будет решено завтра (а все ждали этого заседания 18 июня, азербайджанцы были готовы даже к тому, что вопрос Карабаха будет решен в пользу армян), но сегодня хочу сказать тебе, что мы, вот лично я, относимся к вам с пониманием». Были и другие азербайджанцы, которые мне это говорили. Но после 18 июня, после этих слов Горбачева они все подняли головы и начали говорить совсем другое: «А что происходило в Сумгаите? В Сумгаите армяне резали армян». Потом появилась какая-то Топхана, о которой они раньше понятия не имели, а тут вдруг это место стало азербайджанской «святыней». Одна ложь следовала за другой... В цех приходили люди, которые кричали, якобы «эшелон пришел на вокзал с трупами, кресты вырезаны на лбу... без носов, без ушей...» «Ты сам видел?» – спрашивают его. «Нет, не видел, но говорят». Естественно, все это бурно обсуждается, распространяется, обрастает новыми «подробностями». Я как-то спросил работавшего со мной интеллигентного хорошего парня: «Ишад, а ты бы меня убил?» Он честно ответил: «Олег, ну вот так вот – ни за что, но если окажусь в толпе – не знаю, что буду делать». То есть даже у нормальных людей какой-то сдвиг произошел в сознании.

А потом начались митинги и демонстрации на площади. Они как сели, так и сидели там два месяца, если не больше. Их подпитывала вся эта истерия с лозунгами «Карабах наш!», «Земля добывается только кровью!». В городе ощущалось сильнейшее напряжение. Я конкретно столкнулся с этим 2 декабря 1988 года, когда работать уже стало практически невозможно. Нас, армян, пригласили в партбюро и предложили уйти в отпуск, сказав, что все это, видимо, скоро закончится. Жена работала в Доме офицеров флота и должна была у себя оформить отпуск, нашего маленького ребенка она взяла с собой на работу. И я, уйдя чуть пораньше с этого радиозавода, поехал за ними. Приехал в центр города, смотрю – у Железнодорожного управления людей пруд пруди. Все туда-сюда бегают, автобусы не ходят, небольшие частные автобусы

(алабаши) набиваются битком. Я кое-как сел, чувствую уже, что нужна конспирация. Доехали до Баилова. Разговоры только об одном: «Вот мы скоро всех выгоним, все квартиры будут наши», и так далее.

Забрал их. Около восьми часов вечера я, жена и сын семи лет доехали до горсовета, спустились в метро. Столпотворение страшное, поезда ходят с огромными перерывами. Кое-как дождались состава, сели. Жена с сыном сели у крайней двери, я стою перед ними, у окна. Рядом сидел взрослый мужчина лет пятидесяти вполне интеллигентного вида. Вагон битком забит. И вдруг на станции Лиманово в самую первую, дальнюю от нас дверь ворвалась группа молодчиков с криками: «Вот вы, бакинцы, здесь сидите, а там нас режут». Руками показывают на себе, как, мол, режут, а потом говорят: «Готовьте паспорта, посмотрим, кто здесь армяне». Замкнутое пространство, куда деваться? В это время поезд остановился на станции «Нариманово». Я стою лицом к стеклу и смотрю на перрон. Из той же передней двери внезапно вырывается молодой человек и очень быстрым шагом идет вдоль поезда в мою сторону... Уже 26 лет прошло, а это лицо стоит у меня перед глазами – молодой красивый парень, чем-то похожий на молодого Хорена Абраамяна из фильма «Песня первой любви». В модном плаще – сером, удлиненном. Он идет быстро-быстро, почти бегом, за ним – клубок тел, человек двадцать минимум. Нагоняют его прямо перед моими глазами, окружают. Голова парня исчезает, и они начинают топтать его. Дальше – как кинохроника: объявление, двери закрываются и наш поезд трогается, в это же время раздается гудок прибывающего на другую сторону поезда. И будто по команде толпа мгновенно срывается на противоположную сторону, прямо к краю перрона... Думаю, этого молодого армянина просто бросили под поезд. И одна мысль уже столько лет мучает меня: он не вернулся домой в тот вечер. И родные, возможно, даже и не знают, что с ним стало, может быть, даже надеются, что он просто пропал... Я стоял оглушенный, под впечатлением от увиденного (жена сидела спиной к окну и не видела ничего) и лихорадочно думал, что делать. Поезд тронулся, расстояние между станциями было длинное и ехали чуть дольше, чем обычно. Эти люди двигаются по вагону, проверяют паспорта, ищут армян. Приближаются к нам.

Я не знал, что мне делать. Единственное, что пришло в голову, – надо выходить. А

они уже в трех шагах от нас, вагон переполненный. Поезд приближается к остановке, я говорю «выходим», пропускаю вперед ребенка, за ним жену, протискиваться приходится через толпу пассажиров. Эти люди уже в метре от меня. И тут русская женщина, пожилая, обращается к ним: «Сынки, что вы делаете? Чего хотите?» Они ей: «Закрой рот, мамаша, тебя никто не трогает». Остановка, двери открылись, мы уже в полуметре от выхода и вдруг этот сидевший рядом с женой «интеллигент» кричит: «Армяне, бейте!» Мгновенно сработал инстинкт толпы и психологического момента того времени, этой массовой шизофрении. На наши головы посыпались удары. Двери вагона открылись, но толпа плотно стоит на нашем пути – куда деваться? Так просто не выйдешь. При чем станция «Улдуз» находилась в рабочем районе (и это нас спасло), там только заводы, район нежилой. Девятый час вечера, люди после работы хотят домой. Так вот, двери открываются, толпа хочет вломиться в вагон, со всех сторон бьют, очки вдребезги, шапка куда-то улетела... Я ногой упираюсь куда-то назад, в чей-то, может быть, живот, потом вторая нога моя уходит туда же, и как поршень, раздвигая толпу, я выталкиваю жену к двери. Ее с сыном выпустили – женщина все-таки и маленький мальчик. А я падаю, потому что точки опоры у меня больше нет.

Удары продолжают сыпаться. Если бы я стоял вертикально, я бы оттуда не вышел. Оказавшись на полу между ног, где пространства чуть больше, чем наверху, я просто карабкаюсь между ног, выползаю на перрон... И ни один из тех, кто избивал и преследовал нас, не смог выйти вслед за мной. Двери закрылись, поезд отъезжает, а мы втроем сразу за колонны спрятались. Я им говорю, мол, стойте, не дышите, не двигайтесь, ни звука... Счастье, что наш сын за все время даже не заплакал. Затаились. Два офицера русских стоят недалеко, метрах в четырех-пяти. Жена говорит: «Я пойду к ним...» Я: «Стой, не привлекай внимание». Там еще оставались несколько человек. Она не послушала, пошла, говорит: «Помогите нам, пожалуйста, нас чуть не убили». А они ей – поднимитесь по лестнице, там пункт милиции находится. Мы, естественно, никуда не пошли, минут тридцать стояли у этой колонны, пока проехали несколько поездов и более-менее пустые составы пошли. Мы тихонько вошли в вагон, доехали до нашей станции, оттуда на маршрутке добрались до дома. Все, больше мы не выходили, пока отец и его друзья не достали билеты на поезд – на 7 декабря 1988

года...

За это время нам по телефону постоянно рассказывали о сожженных машинах, избитых людях... Всего не перечислить, но мы были уже в каком-то отключенном состоянии, в параличе, потому что сами прошли через что-то. 7 декабря мой товарищ приехал за нами, довез до вокзала. Вокзал был оцеплен, никого кроме армян на перрон не впускали, друг мой пытался пройти со мной, милиция остановила, но он сказал, пока не посажу их в купе, не уйду. Прорвался, посадил нас, в вагоне были солдаты советской армии. И таким вот образом нас вывезли в Ереван...

А в 1989 году я вернулся в Баку, в те же дни. Год прошел, подумали, что вроде там затишье, надо что-то делать с вещами, с квартирой. Прилетел, начал возиться по всем этим делам. Телевизор включал, смотрел. Толпы беснующихся, Везиров выступал, пытался успокоить, говорил, что, мол, съезд (имеется в виду съезд Совета народных депутатов СССР в Москве. — прим. ред.) скоро должен начаться, с каким лицом я на съезд поеду. Словом, ситуация по-прежнему была кошмарная, и я думаю, что то, что произошло в январе 90-го, могло случиться уже в декабре 89-го, но страх перед тем, что сразу после погромов надо ехать в Москву на съезд, сдерживал их. Но, как выяснилось, недолго.

В этот второй раз нас опять привезли в аэропорт, и только там мы узнали, что здесь уже третьи сутки идут погромы. Встретил в аэропорту свою двоюродную сестру. Прямо в зале аэропорта были кучки пепла на месте костров — говорили, что здесь избивали армян, отбирали у них вещи и сжигали. Эти следы от пожарищ я видел своими глазами... Но мы все равно вынужденно сидели и ждали самолетов, хотя надежд выбраться было мало. Просто возвращаться уже было некуда. Ждать пришлось десять часов, потом вдруг вернули рейс, кажется, в Свердловск, специально, чтобы забрать армян. Командир судна буквально вогнал в самолет так много людей, что мы летели, как в автобусе, тесно стоя над головами тех, кто сидел. Вот так мне во второй раз удалось бежать из Баку.

Нашу семью — то ли в шутку, то ли с горечью — я называю потомственными беженцами. Мои дедушка и бабушка и с папиной, и с маминой стороны — выходцы из Карса, в годы Геноцида, в 1915–1916 гг., им пришлось бежать оттуда. Мамины

родители осели в Майкопе, папины — в Краснодаре. В 1950 году папину семью выслали из Краснодара. Ему было тогда всего 16 лет. Их сослали в Кустанай, в Казахстан, где они жили в каком-то глухом поселке, пока в 1946-м разрешили вернуться в Ереван. Так и получилось, что все мы беженцы: бабушка — в первом поколении, отец — во втором, я — в третьем, а мои дети, получается, беженцы уже в четвертом поколении. Конечно, такое не могло пройти бесследно для здоровья. Папа скончался в 1992 году, а через год умерла мама.

Сан-Франциско, штат Калифорния, США

31.03.2014 г.

КАРЕН АЛЛАХВЕРДЯН
*Проживал в городе Баку по
адресу: пр. Нефти, 5а, кв. 22.*
**ЛИЗА АЛЛАХВЕРДЯН –
супруга**

Карен:

Мы с Лизой – коренные бакинцы, родились и выросли в этом городе, наши дети тоже родились там. Отец мой родом из Карабаха, жил в Баку с 1935 года, мать из Кировабада. Работали мы с женой в поселке Говсаны, на военном заводе. Поженились в 1985 году, практически накануне всех этих событий.

Еще до Сумгаита мы чувствовали, что постепенно что-то назревает. Это ощущалось по отношению к нам, армянам, по настроениям, ну и, конечно, по событиям, в частности, начинавшимся в городе демонстрациям. Интересно, что вначале демонстрации носили непонятный характер. Однажды я вышел из метро на улицу 28 Апреля, смотрю, собрались приблизительно человек 30–40, причем разных национальностей. Я спрашиваю, что случилось? Они ответили, что, мол, мы идем выступать, ты что, не знаешь, что происходит в стране? Это был, наверное, 1986-й или 87-й год. Но по-настоящему все началось, конечно, после Сумгаита. Сумгаитские события стали для нас страшным ударом.

Хорошо помню, как пришел как-то к Маркосовым¹. Это были дни, когда в Сумгаите началась резня. Пришел один их родственник и говорит: «Я только что был в общежитии, видел там одного парня, азербайджанца, у него были такие красные воспаленные глаза! Я сразу понял, что он был в Сумгаите, наверное один из тех, кто... Он скрывался в этом общежитии».

Сумгаит все перевернул в нашей жизни. Нормальные азербайджанцы после этого опускали глаза, стараясь не смотреть нам в лицо, быстро проходили мимо. Но были и другие – те, которые стали вести себя нагло и показывать, что, мол, времена меняются и вам, армянам, здесь уже не место. Физического насилия пока еще не было, но

уже чувствовалась большая разница в отношении.

Лиза:

Было страшно, особенно когда ввели комендантский час. Повсюду стояли танки. Я не могла даже выйти продукты купить. Идешь на базар, как обычно, и вдруг все вокруг начинают угрожающе кричать: «Эрмени, эрмени!» И я с ребенком тут же бегом домой. Ситуация постепенно накалялась. Мы с соседями собирались в нашей квартире, говорили о том, что нам делать, как жить дальше в этом городе, куда убегать, если станет совсем невмоготу.

Потом начались выступления по телевизору с призывами выгонять армян из города. Это говорили какие-то азербайджанцы – хорошо помню одного из них, он какую-то должность занимал, был членом Союза писателей. Как агрессивно он агитировал против армян! Буквально кричал: «Армян надо выгонять, армян надо резать!» А мы сидим у себя дома ошеломленные и слушаем все это. Они страшные вещи говорили по телевизору. Такая шла антиармянская агитация, что мы, сидя в своей квартире, от страха крепко закрывали все двери и окна. Я с детьми сидела дома и боялась выйти, мне каждую ночь снились кошмары про то, как врываются к нам в дом. И без того в городе царила напряженная обстановка, а тут еще эти выступления по телевизору...

Карен:

Уже тогда у меня возникали ассоциации с тем, о чем рассказывали нам наши старшие. Они при этом постоянно произносили фразу: «Турки идут». Мы раньше относились к их рассказам и к этим словам несерьезно, очень скептически, думали, ну пожилой человек, говорит что-то... Не то что не верили, но нас это как бы не касалось, потому что это было давно, и мы были уверены, что с нами такого не произойдет. Но после сумгаитских событий стали об этом задумываться...

Лиза:

Жить действительно стало очень опасно. Ведь эта антиармянская кампания шла на официальном уровне, по телевидению, ежедневно, с криками, с воплями... Например, говорили такое: «Наши азербайджанцы женятся на этих армянках, как не стыдно! Вообще надо от армян избавляться, этот город должен быть нашим!» Это была настоящая истерия.

Люди стали подумывать об отъезде. Все говорили: «Надо уезжать, иначе мы тут не выживем!» Некоторые, правда, думали, что это не так, но большинство, кто реально смотрел на вещи, кто видел беженцев из Сумгаита, видел избитых и изнасилованных соседей, старались вывезти куда-нибудь к родственникам детей и жен, упаковывали и отправляли имущество, а потом пытались выехать сами. И тогда Карен меня с детьми отправил в Армению.

Карен:

Лиза уезжала два раза. В первый раз – в Ереван, а когда 7 декабря случилось землетрясение, уехала в Москву. Это была первая волна, когда очень много армян выехали из Азербайджана. Потом по телевизору стали всех успокаивать, уговаривали вернуться, говорили, мол, все нормально, вспомните, как хорошо мы жили, не бойтесь... И многие, поверив, вернулись. Я очень хорошо помню этот период – 20 дней я сидел дома безвылазно. В запасе было 20 яиц и 2 буханки хлеба. Я ел по одному яйцу в день, потому что не знал, сколько эта ситуация продлится. Выходить не мог, потому что не знал, какое положение в городе. Это был ноябрь 1988 года, когда всем нам фактически велели уезжать.

Через семь дней у меня закончился хлеб. Я решил попробовать выйти. Вышел на улицу, дошел до магазина – благо, очень близко было, – зашел. Продащица знала, что я армянин. Она косо на меня посмотрела, но все-таки продала мне хлеб. Но после этого много раз случалось, что, когда я приходил в магазин за продуктами, мне просто не продавали. Это в лучшем случае. В худшем – могли послать куда подальше и даже ударить. Вот это был первый период.

Потом все немного успокоилось, моя семья вернулась в Баку. Вроде все шло на улучшение, в городе стояли танки, был комендантский час. Но это относительное спокойствие длилось недолго, уже в начале 1989-го ситуация опять стала резко меняться, и в феврале Лиза с детьми уехала в Ставрополь. Через пару месяцев я позвонил ей и сказал, что они сюда больше не вернутся. Я оставался в Баку до 13 января. Хотел продать квартиру и получить за нее хоть какие-то деньги, а еще у меня был один профессиональный заказ, который надо было завершить, чтобы получить деньги и на что-то жить. 13 января в шесть часов утра я вылетел из Баку. Вылетел последним самолетом...

Накануне, 12 января, я был в кругу своих друзей – русских, азербайджанцев, естественно, армян среди них уже не было. И тут товарищ мой, азербайджанец Айдын, говорит: «Карен, я знаю, что ты завтра уезжаешь. Но домой тебе ехать не надо». Я тогда подумал, а зачем он мне это говорит? Мы ведь ничего не знали, телевизор не смотрели – там была одна истерия и никакой информации, с радио и газетами была та же ситуация. Люди между собой очень мало общались, потому что боялись. Все сидели, запершись, у себя дома. Я даже не отвечал на телефонные звонки – просто не поднимал трубку. Причин было две: чтобы за дверью не слышали, что я разговариваю, и чтобы не знали, что я дома. Всего один раз за это время я поговорил с Игорем, но мы ничего не знали, чтобы обменяться информацией.

И вот в тот день – 12 января, днем мы пошли куда-то посидеть, пообедать. Как сейчас помню, шли по Торговой, два моих друга-азербайджанца за мной, один русский слева, еще один азербайджанец – справа. Идут, как бы меня охраняя. И вдруг я слышу крик. Хочу голову повернуть – они говорят: «Не надо, не поворачивайся, зачем?» Они уже знали, что происходит, знали, что я на следующий день уезжаю, и пытались сильно меня не пугать. Идем дальше – и опять крики. Это было на Торговой, возле военторга – с пятого этажа что-то вылетело. Я услышал звук от падения на землю и понял, что это что-то мягкое. Это было тело. Тело женщины. Потом я узнал, что ее действительно выбросили с пятого этажа. Пожилую женщину. И случилось это в двух-трех метрах от меня. А ребята буквально взяли меня под руки и мы спустились в какой-то ресторан. Я все спрашивал, что там было – они отвечали: «Да ничего, не обращай внимания». То есть, как могли, защищали, чтобы не было для меня лишнего стресса.

В тот вечер я пошел к Айдыну, мать у него была русская. Остался у них. Все думали, как быть завтра. Он сказал: «Ничего, в пять часов утра возьмем такси и поедем». Рано утром встали, вызвали такси, сели, поехали. Подъезжаем к моему дому, я поднимаюсь. А квартиру уже забрал себе азербайджанец, которому я ее продал, он сказал мне, что придет туда через день. У меня еще оставались ключи, я забрал свой чемодан (маленький чемоданчик, ничего особенного там не было), и мы поехали в аэропорт. Когда садились в такси, Айдын говорит: «Чтобы я в такси ни одного слова от тебя не слышал, вообще ничего не говорил». Он сел спереди, я сзади. Едем. И вдруг води-

тель-азербайджанец говорит Айдыну: «Знаешь, что сегодня будет?» Тот спрашивает: «А что будет?» – «Ну как, не знаешь? Мы сегодня начинаем всех их резать». Азербайджанский на таком бытовом уровне я знал, так что все понял. А Айдын так спокойно отвечает: «А, хорошо, ну наконец-то мы с ними разберемся, чтобы знали свое место!» Едем дальше, и я неожиданно по-русски что-то сказал. Шофер повернулся, как-то косо на меня посмотрел, но мой знакомый быстро отвлек его, тему поменял, кажется, стал про деньги что-то говорить... То есть он его заинтересовал, чтобы отвести от меня его внимание.

И тут я увидел, что на трассе, ведущей в аэропорт, что-то происходит. Какие-то толпы ходят взад-вперед, кто-то от кого-то убегает... А я никак не могу понять, в чем дело. Добрались до аэропорта, я захожу в здание и тут только начинаю понимать. Бегают по всему помещению толпы азербайджанцев и проверяют паспорта. Ясно, что ищут армян. У одних в руках арматура, у других еще что-то... И я понял наконец, что они буквально вылавливают армян. Отдал свой паспорт сотруднице аэропорта, русской, чтобы проверила, поставила печать и вернула. Она берет паспорта, потом называет фамилию, чтобы вернуть его владельцу. И вдруг девушка произнесла армянскую фамилию, а парень из толпы откликнулся, мол, я это. Его тут же вытащили из толпы, и уже не видно было, что произошло дальше. Я начал думать – как мне быть. И вдруг она выкрикивает: «Аллахвердян». Я молчу. Она снова: «Аллахвердян». И тут я говорю «Аллахвердов». Это похоже на азербайджанскую фамилию, девушка сразу поняла, говорит, да-да, Аллахвердов. Они все так на меня посмотрели, но в этот момент что-то там происходило в стороне, за кем-то побежали, и они отвлеклись от меня...

Это последнее, что я помню. Схватил паспорт и побежал на посадку.

Так мне удалось попасть в самолет и улететь в Москву – последним рейсом, 13 января. После этого аэропорт закрыли. Кстати, 24 декабря, когда я брал билеты, меня спросили, на какое число нужен билет. Я хотел на 14-е, но кассирша сказала, что есть на 13-е и на 15-е. Я подумал, что чем раньше я закончу дела и уеду отсюда, тем лучше.

Воспоминаний о тех днях в Баку сохранилось много. К примеру, как-то я стоял в метро на станции Азизбекова, ехал на работу. Вдруг откуда ни возьмись – толпа, один на меня смотрит и говорит: «По-моему, он армянин». Другой спрашивает: «Откуда ты

знаешь?» Первый отвечает, мол, все очень просто, разденем и поймем. Как я убежал от них, не помню. Меня гнал жуткий страх. Еще один случай. В нашем дворе избили педагога, открыто, у всех на виду. Он физкультуру преподавал. Вышел из метро, за ним проследили, наверное, кто-то подсказал, что армянин. И во дворе его жестоко избили. Жена его вышла и буквально на руках занесла домой. Он выжил, потом в Москве жил.

Интересный случай произошел с сестрой жены моего брата, Ирой Агамовой. Она работала в военном госпитале. Когда все эти события начались (она тоже сидела там до последнего, думала, что в военном госпитале ее защитят), военные стали ее скрывать. Но кто-то все равно пронюхал, что в госпитале скрывается армянка. Вывезти Иру не могли, поэтому отвезли домой к кому-то из военных. В подвале этого дома она провела несколько дней. Как-то в дом вошли азербайджанцы, и хозяин, военный, дал ей гранату, завернутую в ковер. Ира просидела с этой гранатой несколько часов, пока незваные гости не ушли, причем она даже слышала их разговор. Потом военные притворились, что вывозят мебель, и ее, завернутую в ковер, тоже вынесли.

Лиза:

Расскажу о семье своей подруги Лоры. Они жили в армянском поселке. Когда туда ворвались толпы разъяренных азербайджанцев, ее отец велел жене и двум дочерям – Лоре и младшей Марине – залезть на чердак и затаиться. Они сидели на чердаке, а когда Марина увидела этих погромщиков, услышала их крики, она сильно испугалась. Ей было всего 17 лет, и от стресса у нее подорвалось здоровье. Семье удалось спастись, но через несколько месяцев после приезда в Ереван девушка скончалась.

Карен:

Мои знакомые жили на улице Чапаева. Парня звали Слава, он жил с матерью, бабушкой и двумя сестрами. Сам Слава находился в то время в Москве. Бандиты ворвались к ним, изнасиловали всех четверых женщин, даже бабушку, просто зверски изнасиловали. Естественно, в доме все разгромили, разграбили. Это была, конечно, страшная трагедия.

Сиэтл, штат Вашингтон, США

30.03.2014 г.

АННА АСТВАЦАТУРЯН-ТЕРКОТ
Проживала в Баку по адресу:
2-я ул. Ахундова, 2, кв 3.

Я родилась в Баку в марте 1978 года, а уехала в конце сентября 1989 года, мне было 11 с половиной лет, брату – семь. Сначала наша семья жила на Монтино, потом переехала в Черный город. Я училась в 27-й школе, рядом с домом, там же работала моя мама. В моем детстве все как будто было нормально, учителя у меня были и армяне, и азербайджанцы, и русские, ученики тоже знали, кто какой национальности. Но это не влияло на отношения людей.

Историю своей семьи я толком не знала. Мне было известно только, что дедушка родом из Зангезура – из Хндзореска, и оттуда переехал в Баку. Но что с ними случилось и почему ему пришлось покинуть Армению, мне не рассказывали. Папа со своими родителями говорил по-армянски, но нам постоянно объясняли, что надо говорить по-русски, так нам будет легче в жизни. Мы говорили по-армянски только дома, чтобы никто не слышал. И про Геноцид я тоже не знала ничего до тех пор, пока не приехала в Ереван.

Все изменилось в феврале 1988 года. В Баку начались демонстрации. Мы жили очень близко к бульвару и слышали крики митингующих. Я все спрашивала у мамы: «Это какой-то праздник?» Она отвечала: «Никакого праздника, они просто вышли на демонстрацию. Хотят, чтобы мы уехали отсюда». В школе атмосфера тоже изменилась, мы четко ощущали, если можно так выразиться, некий холод. Потом, когда стало еще хуже, папа велел мне на вопрос о национальности отвечать, что я гречанка, а еще лучше – вообще не говорить ни с кем на эту тему. Помню, у меня даже инстинкт появился в те годы: прятать лицо на улице. И когда в 2013 году я в первый раз за 25 лет снова услышала азербайджанскую речь – это случилось в Вашингтоне, в Конгрессе – у меня была такая же реакция... Муж очень удивился: я, гражданка свободной страны, американка, спрятала свое лицо из страха! Наверное, это у меня уже в генах.

После ноябрьских событий в Кировабаде я уже в школу одна не ходила, только с бабулей – она у меня русская. Папа не разрешал мне ходить на занятия по волейболу. Иногда без его ведома я убегала, но это было опасно. Во время демонстраций мы прятались в квартире, окна закрывали, двери. Потом в город вводили танки, войска, все вроде бы успокаивалось, но потом опять начиналось.

Родители постоянно были в большом напряжении, и я боялась у них что-то спрашивать, да они и не отвечали, говорили, что мне не надо этого знать. И я все время расспрашивала бабулю, мы с ней очень много разговаривали об этом. Она мне сказала, что Карабах – армянская земля, которую Сталин отдал Азербайджану, рассказала историю Карабаха, про Армению. Во мне появилось чувство обиды за несправедливость: почему на нас вдруг стали так смотреть, почему я должна прятаться и бояться, ведь я не сделала ничего плохого? Причем изменилось отношение не только азербайджанских друзей по школе, но и русских. Когда в Армении случилось землетрясение, один мальчик, Денис, сказал, что, мол, Бог дал армянам то, что они заслужили. Я говорю: «Что они заслужили?» А он отвечает: «Из-за Карабаха».

Ничего плохого не могу сказать про наших учителей: они всегда защищали всех школьников, независимо от национальности. У меня постоянно было ощущение, что все это закончится, у родителей тоже была такая надежда... Когда мы уезжали, они сказали нам, детям, что мы обязательно вернемся обратно. Но когда в 1990 году случились январские события в Баку – мы к тому времени уже 3–4 месяца жили в Ереване – всем стало понятно, что возвращения не будет никогда. Правда, я еще долго после этого писала письма бакинским друзьям.

Во время отъезда у меня было чувство избавления. Ведь нам постоянно приходилось прятаться, во дворе азербайджанские дети постоянно на нас фыркали... Была даже какая-то гордость, что мы отсюда уезжаем, потому что полтора года сидеть дома и прятаться – для ребенка это ужасно. До последнего дня, 18 сентября, я ходила в школу. Порой было опасно, иногда бабуля приходила за мной, с ней было легко идти по улице. Когда появлялись танки, мы пробирались между ними. На волейбол я не ходила – занятия были вечером, потому выходить было очень опасно. В школе тоже кое-что изменилось, но только на словесном уровне – многое приходилось слышать и

от азербайджанцев, и от русских, но физического насилия не было. Правда, это была школа с английским уклоном, где учились дети многих национальностей. А вот во дворе мы сразу почувствовали перемены: со мной перестали разговаривать и играть соседские дети.

Как начиналась моя книга «Изгнание. В никуда»? Это все моя бабушка «виновата». Я так много говорила обо всем этом, что она как-то сказала: «Тебе надо все записывать». Бабуля считала, что ведение дневника мне поможет психологически. С этого все и началось – я стала записывать все в дневник и писала до конца: и в Баку, и в Армении, и уже будучи в Америке. Когда мы приехали в США, в штат Северная Дакота, я увидела, что американцы не знают, откуда родом их дедушки и бабушки. Для меня это был шок. И я испугалась того, что мои будущие дети не будут знать, откуда родом их бабушка и дедушка и что с нашей семьей случилось. Поэтому стала переводить дневник на английский. Потом начала описывать свои более давние воспоминания, наших родственников, сад в Ереване... Так получилась книга.

Когда она вышла в свет, мне было 35 лет и у меня было двое детей. Моей маме тоже было 35 и у нее тоже было двое детей в период бакинских событий. Мне, уже американке, сложно представить, каково это, когда разваливается вся привычная жизнь: работа, школа, дом, родственники, когда устоявшийся быт в одночасье исчезает и нужно срочно все бросать и уезжать в другую страну – сначала в Армению, потом в Америку. В Баку тогда любили говорить, мол, бакинцы – это нация. Но как только эти события начались, мы перестали быть бакинцами, мы были только армянами.

Мы, дети, всегда знали, что мы армяне. И в классе знали, кто русский, кто армянин, кто горный еврей. Но громко говорить об этом было опасно. Папа регулярно ездил в Армению, но я там никогда раньше не была. Армения в моем детском воображении была раем, все люди там были хорошие. Вот такое у меня было идеальное представление о родине. И я всегда ждала, когда же поеду туда. Сначала я была рада приехать наконец в Армению. Но потом начались проблемы. Приходилось все время доказывать, что я армянка. Были люди и даже учителя, которые негативно относились к бакинцам, но, конечно, не все. Многие помогали нам, другие игнорировали. Но мне в любом случае было больно и трудно. Язык давался с трудом, а учительница

говорила, что я, дескать, не хочу учить армянский. В Ереване у меня была всего одна близкая подруга.

Как только мы в Америке начали зарабатывать деньги, стали посылать их в Армению, помогать родным и друзьям. Потом я стала взрослой, получила образование, вышла замуж... Политически никогда не была активна, но после рождения сына и дочери я почувствовала себя уверенно: семья, хорошая работа, в жизни все сложилось... Стала больше читать про Армению и Арцах, про политическую ситуацию в регионе. И вот в этот период уже чисто по-матерински начала думать о том, что дети в Нагорном Карабахе живут, опасаясь, что азербайджанцы могут сделать с ними то, что сделали с нами. Друзья говорили мне, что мой дневник-книгу надо обязательно издать.

В 2012 году книга наконец вышла в свет. Я думала, сделаю это – и вернусь обратно в свою привычную жизнь. Но случилось наоборот: чем больше людей читали книгу, чем чаще меня приглашали выступать, тем сильнее я ощущала, что должна продолжать это дело. Ведь людям возраста моего папы трудно вспоминать и рассказывать об этих страшных событиях, а вот моему поколению легче, потому что родители старались как-то изолировать нас от происходящего.

Многие бакинцы моего поколения записывают истории своих родителей, но не показывают никому. Я езжу по всей Америке и при встрече убеждаю их, что надо записывать эти свидетельства, надо говорить об этом, распространять эту правду. А еще я увидела, что не только армяне реагируют на мою книгу, но и американцы, которые даже не знают, что такое Нагорный Карабах и никогда не слышали о конфликте. У них сразу появляется желание помочь. Американцы любят свою свободу и понимают, что Арцаху нужна свобода и что у арцахцев есть право на эту свободу.

Когда в Вашингтоне я впервые должна была выступить на Капитолийском холме, мне сказали, что министр по делам религии Азербайджана будет выступать на тему религиозной свободы в своей стране и в целом о ситуации там. И спросили – не хочу ли я его послушать. Вначале я наотрез отказалась. Но потом пересилила себя и пошла послушать его. Села прямо в первый ряд. И тут случилось то, о чем я уже сказала выше: при звуках азербайджанской речи мне вдруг стало страшно и появилось желание спрятать лицо – как в те страшные годы в Баку. Но потом моя американская свобода

победила и я нашла в себе силы высоко поднять голову и посмотреть ему прямо в глаза. Я наконец победила свой страх. А когда пришло время задавать вопросы, спокойно улыбнулась ему, и он мне первой дал эту возможность. Я задала ему два вопроса. Во-первых, как он может рассказывать про такую идеальную ситуацию с толерантностью в Азербайджане, когда я, армянка из Баку, не могу жить в этой стране? И второй: я сказала, что в Азербайджане у меня есть подруга-армянка, но ей пришлось изменить фамилию на русскую, чтобы жить там.

Тут он пригласил меня поехать в Баку, заявив, что там, мол, живет 30 тысяч армян. А у меня как раз был с собой документ от Госдепа, в котором сказано, что я могу, конечно, поехать в Азербайджан, однако это не рекомендуется, поскольку Америка не может гарантировать мою безопасность. Эта бумага выдается на сайте Госдепа как предупреждение американским армянам. Я ему показала эту бумагу, но он и слушать меня не стал. Цель у него была совсем другая: рассказать американцам, какие они, азербайджанцы, толерантные. Министр только заявил, что в Баку есть армянская церковь, я в ответ сказала, что она закрыта. Он ответил, что если армяне захотят, то ее откроют.

Многие бакинцы, насколько я знаю, действительно мечтают поехать в Баку и вновь увидеть родные места. Я видела фотографии нашего дома, он такой же, как тогда, когда мы жили там. Но все это давно чужое, у меня нет там ни родственников, ни друзей, ни знакомых. Зато во мне живут кошмарные воспоминания. Поколение моих родителей и люди постарше помнят Баку таким, каким он был в хорошие времена. И их боль связана именно с добрыми воспоминаниями. А у меня остались об этом городе самые ужасные воспоминания.

Анна Аствацатурян-Теркот в настоящее время живет в городе Портленд, штат Мэн, США. Интервью записано в сентябре 2014 года в Ереване.

АРЕВИК МАКАСЧЯН
***Проживала в Баку по адресу:
ул. 11-я Нагорная.***

Я родилась в Баку. В 1988 году мы всей семьей вынуждены были покинуть Азербайджан и уехали сначала в Ереван, а потом, спустя годы,

в Сан-Франциско.

Мой дедушка с маминой стороны родом из Карса, он бежал из Турции в период Геноцида. Как он оказался в Баку, я точно не знаю. А дедушка и бабушка со стороны папы из Карабаха. Папа переехал в Азербайджан в 1930-х годах. Они с мамой, уроженкой Баку, поженились, я – их младшая дочь.

Мне было 16 лет, когда произошли все эти события, я училась в 10-м классе. Ситуация была очень напряженной. Все началось в феврале 1988 года. В тот день мой двоюродный брат, проживавший в Сумгаите, был у нас в гостях. Он поехал домой, но через полтора часа вернулся и сказал, что в Сумгаите идут погромы армян. Рассказал, что в автобусах у всех спрашивают фамилию и армян высаживают, не разрешают ехать дальше. Он бежал и пешком пришел к нам домой. Его мама в это же время возвращалась домой из Карабаха (ездила навещать своего брата), тоже не доехала и приехала к нам.

После Сумгаита мы перестали ходить в школу. Училась я в 47-й русской школе, в которой около 70% учеников были армяне, остальные – азербайджанцы и русские. Мы жили как на вулкане, это очень неприятные воспоминания. Помню, как учитель физики говорил: «Я очень хорошо вас понимаю, и если вы не будете ходить в школу, я не выставлю вам никаких оценок».

Митинги в Баку начались в феврале-марте 88-го. В мае, когда я заканчивала школу, на проспекте Ленина шли уже постоянные демонстрации. Мы жили в ста метрах оттуда, поэтому все видели. Огромная толпа шла по проспекту Ленина и орала: «Армяне, уезжайте или мы вас убьем!», «Сумгаит повторится в Баку!». Это я слышала, можно

сказать, десятки тысяч раз. Наш район назывался Арменикенд, там в основном жили армяне. Пошли разговоры о том, что нужно бежать из Баку, и люди действительно начали уезжать кто куда мог. Родители все думали, в каком направлении бежать. Отец четко сказал, что он переедет только в Армению, потому что больше не хочет, чтобы семья страдала. Маму к тому времени выставили с работы, просто сказали, что для армян работы больше нет. Она 35 лет проработала на большом нефтяном заводе и фактически ее так «отблагодарили». Папа был строитель, и у них тоже стало опасно работать. Кроме того, что не было работы, в Баку было уже просто страшно жить. Мы слышали много историй о том, что женщин и девушек насилуют, детям отрезают головы, людей выбрасывают с верхних этажей... Все это в Сумгаите уже произошло, и мы были уверены, что скоро повторится и в Баку. У нас была машина, но родители боялись выезжать на ней, опасаясь нападений в дороге, на трассе.

С огромным трудом, отстояв большую очередь, папа купил билеты в Ереван. На наше счастье, армянское руководство послало дополнительные самолеты, чтобы вывезти армян. Так нам удалось вылететь из Азербайджана в Армению. Папа остался в Баку еще на пару месяцев, чтобы попытаться продать дом. У нас был очень хороший собственный дом, который мы в итоге оставили, потому что его было невозможно продать. Нам говорили, что никто не купит, потому что мы все равно вынуждены будем уехать и оставить имущество, в противном случае нас просто зарежут. Наши непосредственные соседи, правда, не угрожали, но приходили якобы покупатели и говорили: «Вы же все равно уедете, зачем же нам покупать дом?» В Армению мы переехали в ноябре 1988 года, а 7 декабря случилось страшное землетрясение. Мы вывезли из Баку только личные вещи, больше ничего. Нас поселили в интернате, дали на шесть человек маленькую комнатку. Мои родители приехали в Ереван в возрасте 60 лет, им нужно было заново становиться на ноги. Потом нам выделили маленький участок в Давиташене (район Еревана, в те годы малозаселенный. – ред.) и отец начал строить дом.

Позже я и две мои сестры переехали в Америку как беженцы, и только здесь потихоньку начали приходить в себя. За эти годы я ни разу не видела никого из родственников, уехавших из Баку в разные стороны – кто в Россию, кто в Москву, кто в Америку.

Мы потеряли какую-либо связь со своими близкими. 25 лет я не виделась с родными тетями и дядями. Нам удалось избежать резни, но мы уничтожены морально. В 16 лет вполне достаточно просто увидеть такое, поэтому меня уже не нужно было убивать...

Мир должен знать обо всем, что произошло с нами, потому что когда история забывается, она повторяется. Неужели это никогда не прекратится? Как только турки находят возможность, они нас истребляют...

Сан-Франциско, штат Калифорния, США

31.03.2014г.

НОРИК АСТВАЦАТУРОВ

Моя настоящая фамилия Аствацатурян, но отец предпочел стать Аствацатуровым, потому что окончание «ян» сразу выдает армянина. Мои предки родом из Зангезура – отец, бабушка. Отец родился в Хндзoresке, но семья вынуж-

дена была переехать в Баку, потому что там развита промышленность и была работа. В 1918 году, когда в Баку вошли турки и началась резня армян, их по морю переправили в Туркмению. Отец даже помнил рассказы бабушки о том, как они плыли на каком-то пароходе (скорее всего, русском) и турецкие корабли останавливали их, спрашивая, есть ли на борту армяне. А капитан говорил, мол, нет армян.

Потом, когда все вроде наладилось, они вернулись обратно в Баку. Отец решил поехать в Армению и получить там образование. Проучился два года, но семье было тяжело и бабушка велела ему вернуться, чтобы работать. И я помню, как она мне говорила: «Ты можешь верить туркам или не верить, но как только будет удобный момент, они отвернутся от тебя». Так бабушка отвечала, когда я рассказывал, что у меня есть друзья-азербайджанцы. Это я запомнил и потом не раз убеждался в ее правоте.

Однако в 1970-х все как будто утряслось и появилось ощущение, что они стали не-много цивилизованнее. Но впечатление это оказалось ложным. Мы, армяне, народ доверчивый и всегда хотим верить, что все люди вокруг порядочные. Даже находясь там, в Баку, мы надеялись, что ничего больше не случится.

Я родился на улице Солнцева, 44. Армяне тогда были рассеяны по всему городу, а в нескольких районах Баку жили компактно. Но потом правительство Азербайджана начало думать о том, чтобы расселить их. В результате наш дом, где во всех 57 квартирах жили армяне, пошел на снос. То же самое происходило в Арменикенде, в Завокзальном, в других местах компактного проживания армян. И делалось это специально: когда в конце 80-х начались эти события, мы были уже разобщены, разбросаны по разным районам. Потому и оказались не в состоянии защищаться: что может сделать

семья, окруженная соседями-азербайджанцами? Мы даже не знали, что происходит в другом районе города.

Когда случился «сумгаит» и мы узнали обо всех ужасах, что там творились, все думали о том, как же наше советское государство допустило такое. Это был, конечно, шок. Но потом по телевизору и на бытовом уровне стали говорить, что все, мол, прошло, все успокоилось. Даже сумгаитских армян заставляли так говорить: я встретил парторга химического завода, армянина, и он признался, что его заставили выступить по телевизору и сказать, что все нормально. Потом он сразу уехал, потому что оставаться в Азербайджане ему было уже небезопасно. А еще мы думали, что то, что случилось в Сумгаите, никогда не повторится в Баку, потому что в нашем цивилизованном городе такое невозможно...

Я тогда работал в организации «Азпропреклама», потом в «Азбытрекламе». Квартиру нам дали на Монтино, но к моменту начала событий я жил в месте, которое называлось Черный город, это прямо у Черногородского моста, где жила мать моей жены Ирины. Когда все это началось, я стал говорить, что надо уезжать из Баку, но жена верила, что ситуация наладится. А становилось, наоборот, хуже: митинги и демонстрации уже не прекращались, азербайджанцы ходили по всему городу с черными повязками на голове. И все это происходило рядом, под нашими окнами. Мне нужно было ежедневно, по дороге на работу и домой, проходить через их ряды, и я в кармане держал такую же черную повязку, чтобы, проходя мимо митингующих, надевать ее на голову. Как-то я увидел, как в толпе избивали двух армянок – их буквально швыряли на стеклянные витрины магазина...

Когда мимо дома проходили демонстрации, мы закрывали окна, выключали свет и сидели в темноте. Я еще нож держал в руках на всякий случай. Часто мы слышали, как ломают стекла у наших соседей, как-то раз видели, как женщины-азербайджанки сумками ломают окна армянских квартир. У нас двери старинные были, толстые, и ставни на окнах были. Я говорил своим: «Что бы ни случилось – не выходите». Знал, что если нападут на меня – я хоть двоих-троих с собой возьму. Другого выхода просто не было.

Мать нашей соседки, армянку, избили так, что на нее страшно было смотреть. Очень красивая женщина была, с мужем давно в разводе. Они ворвались к ним, нача-

ли ее бить, колоть разными предметами прямо на глазах сына. Детей не били, потому что у них отец азербайджанец. А мать мучили страшно, и у дочери не выдержало сердце... Она умерла, а мать жива осталась. Моя жена в школе работала, и у них там вначале ничего особенного не происходило. Работники интеллигентные были, отношения немного иные. И когда толпа пыталась ворваться в школу в поисках армян, педагоги становились стеной, чтобы защитить детей. Дочь рассказывала, как учитель физкультуры стоял на коленях и умолял погромщиков, чтобы не заходили и детей не трогали. Не помню уже, кто он был по национальности, но не армянин и не азербайджанец. Его сильно избили, все лицо в синяках было...

Когда такое случается со взрослыми людьми, это еще можно пережить. Но когда касается детей... Еще 10–12 лет после того, как мы уехали оттуда и жили уже в Америке, я почти каждую ночь просыпался в ужасе, мне снилось, что я не могу увезти своих детей из Баку... Потом как будто стал забывать. Но когда начал читать Анину книгу¹, кошмары опять вернулись. И я понял очень важную для себя истину: мы, взрослые, тогда думали только о безопасности своих детей, но не понимали, что творится в их душах, о чем они думают. Я читал эту книгу и видел свою дочь опять в этом возрасте, слышал ее голос... (плачет). Дети ведь все видели и понимали. А вот взрослые часто не понимают, что нельзя, недопустимо создавать такие ситуации для детей, это же грех не только перед своим, но и перед чужим богом.

Одна из наших соседок (у нее муж где-то в государственном учреждении работал), как мы думаем, рассказывала всем, что здесь армяне живут, навела на армянские квартиры погромщиков. А вот другая соседка просила, умоляла их уйти, говорила, что армян нет. Тоже азербайджанка. Она была религиозна и боялась своего бога.

Был короткий период, когда ситуация немного успокоилась, они перестали резко проявлять неприязнь к армянам. Но я помню, как министром бытового обслуживания сделали русского и для того, чтобы показать, что все нормально, меня представили к званию «Заслуженный работник торговли». И когда мою фамилию назвали и я пошел получать этот значок, увидел в глазах работников-азербайджанцев какую-то звериную ненависть. И подумал, что нужно побыстрее уносить ноги оттуда.

¹ Книга дочери Н. Аствацатурова Анны Аствацатурян-Теркот «Изгнание. В никуда» издана в США в 2012 году.

Митинги к тому времени шли уже без остановки, поэтому я попросил своего начальника отвозить меня на работу и домой на машине – на автобусе было опасно. Он знал, что мне надо побыстрее закончить заказ и после этого я уеду. Нехотя согласился. Но при этом специально проезжал именно там, где проходили эти митинги, словно хотел, чтобы все происходящее на меня психологически еще сильнее давило.

Когда случилось Спитакское землетрясение, мы поняли, что в Армении уже совсем тяжелая ситуация. Жена плакала у телевизора, услышав, сколько детей погибло, я понимал, что это кошмар. А в Азербайджане в этот день во многих учреждениях, в общешкольных, домах люди пели, танцевали, кричали от радости...

Все это время, более полутора лет после Сумгаита и до отъезда осенью 1989 года, мы прожили в «чемоданном» настроении. Не сразу решили уехать – долго жили надеждой, что все еще утрясется. Но все шло к тому, что придется покинуть Баку. А ведь это был Советский Союз, где переезд в другой город был очень сложным процессом. После землетрясения я поехал в Россию в поисках места, куда можно вывезти семью. Приехал в Ржев, меня направили в райком партии. Я пришел – сидят там холеные коммунистические лидеры. Говорю, я армянин, сбежал. Они подумали, что из Гюмри, после землетрясения. И когда я объяснил, что я беженец из Баку, у женщины, которая слушала меня, лицо стало будто каменным. Она отвернулась и ушла. Беженцев в Советском Союзе не было и не могло быть...

Весь 1989 год мы искали, куда можно переехать. Я ездил по России, тратил последние деньги, чтобы найти жилье и каким-то образом зацепиться. Ситуация была такая, что оставаться дальше было невозможно. После того, как и в школе несколько раз были случаи с детьми, жена испугалась. И мы решили, что она увезет детей, а я пока останусь – надо было кое-какую заказную работу доделать, очень нужны были деньги. Жена сама купила билеты и сказала: «Я уезжаю с детьми в Армению». Было это в августе 1989-го. Тогда еще из Баку можно было уехать, продавались билеты на самолет. Но постоянно крутились слухи, что после января «будет хуже». Я считаю, что это было не случайно и шло сверху. Они знали, что будет что-то, даже дату называли – середина января.

Я отправил семью, а сам остался. Работал по вечерам, даже по ночам. Один раз в

окно постучали — у меня сердце заколотилось. Взял огромные металлические ножницы, открыл окно, смотрю — двое мальчишек стоят, подвыпившие. По-азербайджански говорят что-то. Я говорю, по-русски скажите, не понимаю. Они: «Нам нужна водка». Я ответил, что не продаю, наверху живет лезгин, он и продает. И они вдруг так подозрительно спрашивают: «А ты кто?» Я ответил, что аварец.

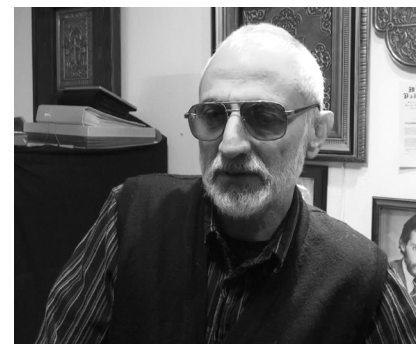
Закончил работу в ноябре и сразу уехал к своим. А моя сестра застряла в Баку. Она была заведующей складом на Шмидтовском заводе и ей трудовую не давали, не отпускали. Говорили, якобы там чего-то не хватает, что она это украла. Хотели, наверное, на армянку все списать. Во время январских событий ее подруга прятала. Сестра до марта там оставалась, ждала, чтобы ситуация немножко успокоилась и можно было уехать. Когда русские уже контролировали аэропорт, она рискнула поехать туда. Военные проверили паспорт и сказали, что она, наверное, последняя армянка, которая оставалась в Баку.

Потом мы узнали, что избили брата моей жены. Он жил в Ахмедлах, его хотели выгнать из квартиры, избили, но, слава Богу, ему удалось сбежать, жив остался. Остальные родственники тоже успели выехать более-менее благополучно. Уже после отъезда у многих мужчин случился инфаркт, в том числе у молодых.

В заключение скажу так: несмотря ни на что, несмотря на боль и на трудности, армянин везде пробьется. И мы пробились. Народ наш трудолюбивый, и здесь, в Америке, все нормально живут, детей рожают и образование им дают... Испытания делают нас еще крепче. Пусть азербайджанцы думают о своей шкуре, баранами были, баранами и останутся.

Норик Аствацатуров с супругой Ириной в настоящее время живет в штате Северная Дакота, США.

Интервью состоялось в сентябре 2014 г. в Ереване.

ГАРИК ДАДЯН

Я коренной бакинец, родился в Баку, мои родители тоже родились в Баку. Дедушка приехал сюда из Гориса еще в 1920-е годы, бабушка родом из Мадраса, это село в Азербайджане, в ста километрах от столицы. Мой отец был известным строителем в Азербайджане, строил гостиницы «Интурист», здание МВД, возглавлял строительство аэропорта «Бина». Звали его Эдуард Артурович Дадян.

В Баку все эти события начались в 1988 году. Начну с того, что в городе стояла Тульская дивизия, и я совершенно случайно познакомился с ее замполитом (заместитель по политической части. — **ред.**) Владимиром Манюком. Он интересовался искусством, и на этой почве мы с ним подружились. Манюк часто стал приходить ко мне в мастерскую, бывал у нас дома.

Это было уже где-то в конце 1988-го, ближе к 1989-му. То есть Сумгаит уже случился, а в Баку были периодические вспышки насилия. Я точно знаю, что боевые группы, которые были организованы по всему Азербайджану и, в частности, действовали в Баку, имели списки с адресами всех квартир армян. И они шли вооруженные по конкретным адресам. Это происходило не ночью, не скрытно, они шли среди бела дня, в открытую, на глазах у милиции, и открыто резали и мучили людей. Мне удалось уцелеть совершенно случайно.

Это случилось так. Мы сидели у себя дома, понимая, что нападение неизбежно, мы просто не знали, когда это будет, когда подойдет очередь нашей семьи. И когда этот день настал, к нам пришел (и это, наверное, было просто чудо) мой друг, подполковник Володя Манюк. Просто зашел на чай, как обычно приходил пообщаться. Буквально через минуту после его прихода на нас напали боевики. Они не сразу ворвались, для начала как бы разведку устроили. Двое из них постучали в дверь, и когда мы им открыли (не открыть было невозможно), они увидели, что у нас в квартире сидит военный. Манюк, конечно, был в форме, при оружии, они все тогда ходили в форме.

Когда нападавшие увидели, что у меня в доме военный, причем не рядовой, а подполковник, они вышли. Но, как потом рассказывали мне соседи, не ушли. У нас был очень большой двор, а их пришло человек 30–40. И остальные ждали во дворе, пока эти двое зашли на разведку.

Слава Богу, дома был телефон. Володя тут же позвонил в штаб, который находился рядом, в горкоме партии. И к нам сразу отправили помощь – четырех солдат с автоматами. Володя сказал, что единственное, что он может сделать, – оставить солдат до тех пор, пока я не соберу вещи, потом они проводят нас на паром. Вот эти солдаты нас и спасли, боевики уже не осмелились напасть и убрались со двора. Но позже, думая, что военные ушли, погромщики пришли опять. Машина, которая должна была отвезти нас в порт, стояла метрах в трех от дома и я грузил вещи. Они увидели это и подошли. Солдаты тут же вышли во двор. Тут погромщики разозлились, что не могут нас убить и ограбить (а у меня была очень богатая квартира, дорогая мебель, и они знали об этом). Они ведь отлично знали, куда идут, знали, что тут есть что взять. Злые от неудачи, они набрались такой наглости, что один из них достал нож, замахал им перед лицом солдата и говорит: «Ты пришел тут армян защищать, так мы и вас тоже зарежем». Солдат спокойно стоит, молчит. И они вынужденно повернулись и ушли.

Военные проводили нас на паром, и мы добрались до Красноводска. И сразу решили ехать в Москву. Для начала полетел один, семья осталась в Красноводске у родственников.

Армяне тогда собирались в Москве у армянской церкви – беженцы и те, кто решал все эти вопросы. Там же люди делились друг с другом тем, что видели и слышали о событиях в Баку. И там я услышал об истории с паромом – о страшных событиях, которые произошли в 1989 году. Об этом рассказали очевидцы, которым чудом удалось уцелеть. На пароме было около тысячи беженцев – бакинских армян. Когда они уже вышли в море, их атаковали два военных корабля с боевиками, которые ворвались на паром и начали убивать и выкидывать в море армян. Выжили только те, кто сумел каким-то образом спрятаться.

Так вот, мы сформировали группу из шести человек для переговоров с правительством. Группу возглавлял, если не ошибаюсь, профессор Саркисов. Это был пожилой

человек, невысокого роста, худощавый. Мы собрали примерно 200–300 беженцев, пригласили корреспондентов «Голоса Америки», радио «Свобода», еще кого-то из зарубежной прессы и пошли к приемной Верховного Совета, на Манеже. И стали требовать личной встречи с Горбачевым. Кстати, только присутствие иностранных журналистов спасло нас от ареста. Мы заявили, что, если не организуют нам встречу с Горбачевым, мы заблокируем эту улицу, иначе с нами вообще никто не стал бы разговаривать. Из приемной выходили какие-то люди и очень грубо с нами разговаривали, приказывали немедленно расходиться. Мы чувствовали, что только присутствие западных журналистов вынуждает их сдерживаться, они даже нас как-то побаивались. В конце концов группу из шести человек пропустили в приемную, где военные отобрали у нас паспорта. Это нас здорово напугало, конечно. Кончилось тем, что они согласились на наши условия и сказали, хорошо, будет вам Горбачев. Но обманули. Их целью было разогнать беженцев, чтобы мы не смогли заблокировать улицу, то есть нужно было от нас как можно быстрее избавиться.

Мы поднялись то ли на второй, то ли на третий этаж, нас впустили в большой красивый кабинет с огромным количеством телефонов. Но пришел не Горбачев, а два члена Политбюро, фамилий, к сожалению, не помню. Они стали на нас кричать, хамить. Мы говорим – там людей режут, убивают, они в ответ – никого не режут, вы все придумали, глупости все это. Мы, говорят, все контролируем, а вы просто хулиганы, немедленно уходите отсюда. Мы им заявили, что заблокируем улицу. Нам уже, честно говоря, было все равно, хотя мы знали, что нас могут арестовать, посадить, сделать с нами все, что угодно. Мы понимали одно: там, в Баку, режут людей и нам надо спасти этих людей. Они говорят, мол, ладно, сейчас придет Горбачев. Ждем. Нам говорят, что Горбачев сейчас отдыхает в Фаросе, а обязанности президента исполняет Примаков¹.

И вот приходит Примаков. Ох, хитрая бестия... Супердипломат! Он встретил нас как родных, чуть ли не обнимался и сокрушался: «Ой, что там у вас случилось, мы сейчас примем меры». С ним пришла целая свита, те два члена Политбюро, которые кричали на нас, тоже пришли. Впереди по коридору шел молодой парень, похожий на армянина. Первое, что сказал нам Примаков – это мой заместитель, он тоже ваш, бакинский

¹ Евгений Максимович Примаков, в 1989–1990 гг. – кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС

армянин. Но когда мы потребовали от него немедленно остановить геноцид на территории Азербайджана, тут Примаков отреагировал совершенно иначе.

Он очень странно себя повел. Начал очень дружелюбно, на этих двоих членов Политбюро и на других стал кричать. И мы поверили, обрадовались, думаем, наконец сейчас примут меры. Примаков встал, подошел к одному из телефонов, позвонил министру обороны Язову и с ним так жестко стал разговаривать. Вот, мол, у меня тут шесть представителей сидят, что за безобразие в Баку творится... Насколько я сейчас помню, он сказал, что приказывает послать туда дополнительные войска и остановить беспорядки. Я не знаю, кто там на проводе был – Язов или кто еще, был ли кто-то вообще или он просто так, в пустую трубку говорил. Но он приказал остановить все, и мы поверили и обрадовались. Примаков вернулся, сел за стол, прямо напротив меня. Я говорю, спасибо, мы довольны переговорами, спасибо, что принимаете эти меры, но мы будем контролировать ситуацию. Будем звонить в Баку и контролировать. Он мне говорит – вы что, мне не верите? Я ответил, что верим, но это слишком серьезно, поэтому мы и будем контролировать. И мы ушли.

Советское правительство добилось того, что им нужно было. Мы распустили беженцев, не была блокирована дорога, мы ушли. Примаков добился своего. А позже я узнал от Володи Манюка подробности. Понятно, что они в Баку должны были получить приказ вмешаться и остановить насилие, и он должен был знать, какие приказы получает армия. С Володи я встретился через какое-то время в Москве, он был у меня в гостях. Я рассказал ему о встрече с Примаковым и спросил: «Вы получали такой приказ?» Он говорит да, получили, но это был приказ не вмешиваться в события. Практически Примаков при нас по телефону велел остановить события, а в Баку пошел реальный приказ – не вмешиваться, то есть дать спокойно вырезать армянское население. Вырезать, не просто депортировать.

В Москве я совершенно случайно познакомился с полковником КГБ в отставке Вячеславом Сергеевичем. Забыл фамилию... Он был уже на пенсии, но в конце 80-х руководил группой КГБ, которая приехала из Москвы в Баку. Я с ним очень подробно на эту тему говорил. Спрашивал, знали ли они о геноциде в Сумгаите, в Баку? Да, говорит, конечно, знали. Знали, когда начнется, еще с Сумгаита, даже день знали... Докладыва-

ли и правительству в Москве, и шефу КГБ Крючкову. Все всё знали. Я его спросил – а где вы сами были в тот момент, когда в Сумгаите началась резня? А нам, отвечает, приказали ехать на рыбалку. То есть руководитель группы КГБ в Баку отправился на рыбалку, отлично зная, что в Сумгаите убивают армян. Он все знал, он передавал информацию в Москву, докладывал о ситуации. Я повторяю: он мне говорил, что в Москве знали, в какой день и в какой час начнется геноцид в Сумгаите.

Когда он мне все это рассказал, я решил пригласить редактора выходившего в Москве журнала «Армянский вестник», Ваган² его звали. Мы с ним дружили. Ваган сразу загорелся, давай, говорит, сделаем интервью с ним. Приходят они оба ко мне, у Вагана диктофон где-то спрятан. Это уже 1990 или 91-й год был, не помню. Мы сидим за столом, кушаем, я их знакомя и говорю, Владислав Сергеевич, пожалуйста, расскажите нам о том, что вы мне говорили. А он отвечает, мол, я ничего тебе не рассказывал, не было такого. Догадался, понял все, старый кагэбэшник. Позже он мне сказал, что 25 лет не имеет права разглашать эти сведения.

Добавлю про вторую жену отца (он с моей матерью развелся). Ее захватили боевики и увезли в какой-то концлагерь – в Баку за городом они организовали что-то типа концлагеря, где держали людей фактически как рабов. Ее чудом отпустили, потому что у нее был ребенок-инвалид. Звали женщину Седа, она потом умерла в Ереване.

Сиэтл, штат Вашингтон, США

29.03.2014 г.

² Ваган Эмин – редактор журнала «Армянский вестник», выходившего в Москве в конце 80-х – начале 90-х гг.

РОБЕРТ МИРЗОЯН

***Проживал в Баку в поселке
Кирова.***

Я жил в Баку с родителями, нас было четыре брата. Наша бабушка, Варсеник Мирзоян, была родом из Западной Армении и иногда рассказывала нам о судьбе своей семьи во время Геноцида армян в Турции. Мы были тогда детьми и особо не интересовались ее историей, о чем я сегодня очень сожалею. Ведь старшее поколение ушло и практически вся история нашего рода оказалась потерянной. Но кое-что я помню. Бабушка рассказывала, что из их семьи только она одна осталась – всех вырезали. Она спаслась, и ее забрал к себе дядя. Бабушке тогда было, наверное, лет пять-шесть.

Они ушли сначала в какой-то другой город, а потом, когда и там началась резня, перешли границу и попали в Армению, оттуда – в Карабах. Семья была большая, дядя один растил всех сирот, и в 12 лет он бабушку замуж выдал, потому что это был лишний рот в семье. Все это мне рассказывала бабушка, а я рассказываю своим детям и прошу их передать своим детям, потому что сегодня турки говорят, что этого не было, но это было, и мы этого никогда не забудем и будем передавать из поколения в поколение. То, что потом произошло с нами, бакинские погромы, – это уже история третьего, четвертого поколения, когда уже мы стали беженцами и приехали сюда, в Америку.

Во время войны отца моего призвали в армию и весь их призыв оставили в Баку работать на нефтяных вышках. У отца было очень много друзей, у нас было много родных, и я помню, как мы ходили друг к другу в гости, как все были счастливы и никто не думал, что может случиться что-то страшное. Мы были молоды, наивны и даже в мыслях не допускали, что все может повториться, хотя из рассказов старшего поколения я знал, что в Баку даже в военное время армяне жили компактно, в конкретных частях города.

Помню, как после Сумгаита к моему однокласснику, который жил в соседнем

здании, переехало оттуда много родственников, и они долго жили у них дома. Мы слышали о том, что произошло в Сумгаите, сосед моего брата был военный и он рассказывал, что там людей резали, с балконов выбрасывали, сжигали заживо... В те дни у меня прихватил аппендицит. Я пошел в нашу поликлинику, меня осмотрели и сказали, что есть воспаление, надо удалять. Это был 1988 год. Меня направили в местную больницу, но врач сказала, что если я пойду сам, то не примут, потому что армянин, лучше вызвать скорую. Она сама вызвала скорую, мы поехали в Кировскую больницу, но там хирурга не оказалось, и меня отвезли в больницу Семашко. Врач меня осмотрел, но по его поведению я понял, что он ничего не хочет делать. Я отцу позвонил, чтобы он приехал. А сам подошел к врачу-азербайджанцу, говорю: «Слушай, ты операцию сделай, я вдвойне заплачу. Сейчас отец придет, заплатим, не волнуйся». Он согласился. Начал операцию и вдруг говорит: «Парень, твои дела плохи». Ну я ему опять сказал, что заплачу сколько надо, и он в конце концов прооперировал меня. Помню еще, как в больнице все собирались у телевизора, когда показывали митинги, демонстрации. Я туда, конечно, не подходил.

Я работал тогда в крепости, там была реставрационная контора. В день зарплаты мы ходили получать деньги в другую контору. И вот в те дни прораб решил забирать себе мою зарплату, поэтому он со мной человека послал, чтобы я получил деньги и отдал ему. Тогда я и понял, что все серьезно, надо уезжать. Понял, что это моя последняя зарплата в этом городе. На мое счастье, кассира не было на месте, и этот человек, который приехал со мной вместе, посадил меня в автобус и говорит, завтра, мол, придем, получим. Я отъехал, а потом пересел и обратно поехал. Кассир была там, я получил зарплату и больше на работу не пошел.

В городе уже постоянно проходили митинги. Жена говорила, что все будет нормально, она смуглая, проходила за азербайджанку, а вот я уже чувствовал, что на меня смотрят с подозрением.

Общественным транспортом пользоваться уже было опасно, ездил только на такси. Как-то своими глазами пришлось увидеть расправу над армянами. У здания напротив нашего дома, где тоже жили армяне, стоял грузовик, из подъезда выносили вещи. Видно было, что люди уезжали. В это время с хутора возвращались митингующие и

увидели это. И они все вещи разгромили и разбросали. Грузовик разбили, а шофера избили. Я видел его, он был весь в крови, по голове ударили. Шофер был из Дербента, из Дагестана, и он кричал, мол, ничего, вы в нашу сторону поедете, мы то же самое с вашей машиной сделаем.

С нами могло произойти то же самое, когда брат уезжал. Мы уже погрузили все вещи в машину и тронулись в путь, когда нас остановили. Хотели разгромить машину и разбить вещи. Я им говорю: «Ребята, мы уже уезжаем, все, армян нету. Дайте нам с Богом уехать». Один из них сказал, чтобы пропустили. Так нам повезло, брат благополучно уехал.

С каждым днем в Баку становилось все тревожнее. Я уже боялся выходить, особенно по вечерам, чувствовал, что они понимают, что я армянин. Так дальше жить было невозможно, и я решил уехать. Помню, как в последний раз пришел к себе домой. Приехал на такси, обещал водителю хорошо заплатить и велел ему ждать у дома, пока я поднимусь за чемоданом. А перед домом были митингующие, они орали «смерть армянам», «убивать армян» и все такое. Я спустился, сел в такси, а водитель говорит, мол, ты сюда больше не приходи.

Детей я раньше отправил, жена со мной была. Кое-как доехали до аэропорта, водителя попросил не останавливаться по пути, заплатил ему втрое дороже обычного. Помню, самолет на Ереван был переполнен, люди стояли, как в автобусе, держались за сиденья. Но это был путь к спасению и никто не жаловался...

Хартфорд, штат Коннектикут, США

25.03.2014 г.

МАРИНА ИСРАЕЛЯН
Проживала в Баку на улице
Первомайской.
Муж – ДЭВИД ИСРАЕЛЯН

Марина:

Я коренная бакинка. Приехала в США в 1991 году. Мой папа был наполовину евреем, поэтому моя девичья фамилия – Железняк, Марина Яковлевна. Мама армянка. Расскажу о том, что произошло с нами в 1989 году.

У моего отца всегда было много друзей-армян, и вообще так получилось, что вся его жизнь была связана с армянами. Когда начались все эти события, папа отправил нас с сестрой и нашими мужьями – у сестры тоже муж армянин – в Нальчик, где купил небольшой домик. Обезопасив нас таким образом, он сказал, что ему надо вернуться в Баку, но велел нам не тревожиться за него – я, мол, еврей, никто со мной ничего не сделает, у меня в Азербайджане нет никаких проблем. Мы еще переспрашивали – папа, ты уверен, может, лучше тебе остаться с нами? Но он все-таки вернулся в Баку.

Мы до сих пор не знаем точно, что именно с ним случилось, только по рассказам наших еврейских родственников и друзей. Возможно даже, что за ним следили, потому что, как я уже сказала, папа был очень тесно связан с армянами. Родственники говорят, что на улице на отца напали около 14 парней. У него потребовали паспорт, он показал, там было написано: Железняк Яков Наумович, национальность – еврей. Но они заявили, что он все равно армянин и избили почти до смерти. Папу повезли в больницу, где хотели прооперировать, но он скончался по дороге от полученных ран. Его фактически убили. Родственники заплатили одному азербайджанцу около 1000 рублей и он доставил его тело в Нальчик. Там мы его и похоронили.

Как нам рассказывали потом друзья, папа в те дни помог очень многим армянам спастись. И все говорили, что он погиб как герой. Нашу квартиру присвоил сосед, живший рядом. Это был богатый и влиятельный азербайджанец, директор винного ком-

бината. Он постоянно спрашивал отца: «Яков, ты не хочешь уехать вместе со своими детьми?» Папа отвечал, что у него есть хорошая работа, он уважаемый человек и не собирается никуда уезжать.

Дэвид:

Этот сосед еще постоянно спрашивал, не хочет ли Яков продать свою квартиру. Говорил, что с удовольствием купил и сделал бы из своей двухкомнатной пятикомнатную. Но отец отказывался. Мы думаем даже, что этот сосед, зная, что Яков помогает армянам, донес на него и подговорил убить.

Марина:

Вот так и убили моего папу. Эта страшная история мучает меня, не дает покоя до сих пор... Потом сестра, которая сохранила еврейскую фамилию, поехала в Баку, чтобы попытаться продать нашу квартиру. И этот сосед посоветовал ей уезжать из города как можно скорее. Даже помог ей быстро собрать кое-какие папины вещи, нашел контейнер, буквально выпроводил ее. И все время говорил, мол, не хочу, чтобы у вас остались тяжелые чувства, но я всегда хотел купить вашу квартиру для своего сына. Дал ей немного денег – совсем мало. Квартира у нас была очень хорошая, а он был миллионером.

Дэвид:

Когда я после учебы вернулся из Москвы в Баку, мне предложили 2-летние курсы арабского языка для военных переводчиков. Это было нечто вроде небольшой школы, где обучение велось только на азербайджанском. Я был единственным армянином среди 35 азербайджанцев. И все 2 года преподаватель не уставал повторять: «Как ты, армянин, оказался здесь, среди азербайджанцев, изучающих арабский язык? Ты наверняка шпион». У меня не было никаких проблем с однокурсниками, мы нормально общались. Но только до событий в Сумгаите. Как-то я зашел в аудиторию и увидел, что ребята что-то оживленно обсуждают. При виде меня они сразу, как по команде, замолчали и в комнате повисла напряженность. После этого я почувствовал, как отношение ко мне изменилось в худшую сторону. Прежнего уже не было.

Спустя еще какое-то время преподаватель вызвал меня и говорит: «Ты отличный парень, хорошо учишься, тебе уже мало осталось до диплома. Я выдам тебе диплом,

но только не приходи больше в школу». Я говорю, почему, что случилось? Он ответил, что ситуация изменилась и мне лучше здесь не появляться. Мы договорились с ним насчет получения диплома и я вышел.

Спустился в метро, сел в поезд, еду домой. Я был довольно модно одет: длинное пальто, шарф, в руках книги. На одной из остановок в вагон вошла группа парней, человек примерно 15. Они громко спросили – кто тут армянин и объявили, что должны проверить у всех паспорта. Подошли ко мне, а я показываю им книги на арабском языке и так возмущенно и даже агрессивно, на хорошем азербайджанском говорю, мол, где вы видели армянина с арабскими книгами, на языке Корана? Они поверили и отстали от меня. Но я не знаю, что они сделали с двумя армянами, которых вывели из вагона поезда. Меня спасли арабские книги, знание азербайджанского и агрессивное поведение.

Через пару месяцев мы с Мариной уехали, ее отец отправил нас в Нальчик. Жена была уже беременна, мы жили тогда вместе с ее родителями. Но до женитьбы я жил на окраине Баку в большом собственном доме. И хорошо помню, как мы готовились защищаться и наполняли бутылки бензином. А некоторые наши соседи-азербайджанцы помогали нам. Это выглядело очень странно: азербайджанцы помогали нам, армянам, защищаться от азербайджанцев. Хотел бы еще добавить насчет «интернационализма» в Баку. Я не знаю, честно говоря, что это такое. Да, мы жили хорошо. Но в меня постоянно тыкали пальцем – эрмени, эрмени. Я слышал это слово всегда и повсюду, оно преследовало меня. Меня не избивали, не оскорбляли, но показывали и напоминали, что я – эрмени...

Сан-Франциско, штат Калифорния, США

31.03.2014 г.

**ГРИГОРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
КАРАМОВ**

**Супруга – МАРИЯ ИВАНОВНА
КАРАМОВА (САРУМОВА)**

**Проживали в Баку по адресу: 8-й
микрорайон, д. 22, кв. 3.**

Я родился в Баку в 1922 году, учился там же. Сразу после начала Великой Отечественной войны меня призвали в армию. Закончил Сухумское стрелково-пулеметное училище, получил звание лейтенанта и затем преподавал в том же училище. В 1942 году меня вместе со взводом отправили на фронт.

В 43-м году я был ранен в ногу и отправлен в запас. Вернулся в Баку, поступил в мединститут. В годы учебы был секретарем комитета комсомола – конечно, вторым, потому что первым должен был быть азербайджанец. Потом почти 29 лет прослужил в советской армии, в разных республиках и городах страны, был главным токсикологом Ташкентского военного округа. По просьбе родителей моей жены нас в конце концов перевели в Баку. Из армии я уволился в 1979 году в звании подполковника. Мой школьный друг Джавад-заде, директор Института усовершенствования врачей, пригласил меня на должность заведующего учебной частью института. Когда в 1988 году начались карабахские события и случился «сумгаит», он вызвал меня и дал понять, что надо увольняться с работы...

13 января 1990 г. я через Тбилиси вернулся из Еревана в Баку, чтобы обменять свою квартиру на ереванскую. Мне предложили квартиру в 9-м Норкском массиве – тогда самом отдаленном районе Еревана – в обмен на нашу 3-комнатную в центре города, да еще и попросили добавить 25 тысяч. Но пришлось согласиться.

До этого на нашу квартиру несколько раз нападали. Один раз дверь пытались под-

жечь, и огонь уже перекинулся на паркет. Соседи помогли потушить. Жена хотела вызвать пожарных, но там ответили, что армян не обслуживают. Был еще один случай. Я копался в машине во дворе своего дома, и тут ко мне подходит сосед Мамед и говорит, мол, Гриша, а что с тобой, твоей машиной и квартирой будет? Я удивился, говорю, а что должно быть? Он замаялся, не ответил. Видимо, они все уже знали... В ЖЭКах составляли списки квартир, в которых жили армяне. Я потом узнал даже о таком случае: в этом списке была семья, в которой муж был армянин, а жена русская, у них две девочки-двойняшки были – внешне типичные славянки. Муж умер до событий, погромщики сунулись к ним домой, видят – там все вроде русские.

Насчет списков мне точно известно, потому что они и в нашу дверь ломились с этими бумагами в руках. Так вот, вернулся я 13 января в Баку. В доме находились моя супруга Мара, ее двоюродный брат – пожилой инвалид войны, моя сестра Эмма, которая уже отправила детей в Полтаву, на Украину. И вдруг вечером буквально влетает к нам участковый нашего района и кричит: «Гриша, немедленно уходите, нельзя вам тут оставаться!» Было уже поздно, куда идти? К счастью, у меня были ключи от пустующей квартиры в соседнем здании, которые хозяйка – сестра жены моего сына, они евреи, – оставила на всякий случай. Мы заперли свою квартиру, осторожно вышли на улицу и пошли в этот дом. Там переночевали. На следующий день я узнал, что грабят дом тестя моего сына, где сын и жил. Хотел пойти туда, но жена не пустила. Потом позвонили и сказали, что грабят уже нашу квартиру. Я вышел. Подошел к своему дому и увидел, что на балконах – мы на втором этаже жили – полно людей, которые били по замкам железных ставен. Я повернулся, чтобы убежать, но меня узнали, схватили и увезли.

Меня толкнули в огромное помещение здания управления «Баквысотжилстрой» в 8-м микрорайоне. Я попытался убежать, но меня ударили по губам. Под стенами сидели армяне – в основном пожилые, молодые к тому времени уехали уже. Меня узнал один молодой азербайджанец и закричал: «У него две машины!» Из заложников отобрали человек 15 – как я понял, тех, у кого были машины, и увезли в 7-й микрорайон, где в гараже стоял мой автомобиль. Подъехали к пятиэтажке и подняли нас на 4 этаж, в разгромленную армянскую квартиру. Всех затолкали в спальню. Здесь я оставался 4–5 дней. Каждый день они забирали заложников и жестоко избивали их. Что от них тре-

бовали – не знаю, но возвращались они окровавленные, израненные. Нас не кормили, только бросали в комнату бутылку с водой. Выводили в туалет под охраной. Словом, настоящий концлагерь... Я никогда не думал, что такое может быть.

В конце концов остались мы вдвоем с одним профессором. Его пытали страшно. Дело в том, что свои ценности он передал на хранение сестре, которая была замужем за азербайджанцем. И они хотели узнать адрес сестры. Однажды его вернули в комнату с ранами на шее – резали ножом, я слышал крики. По всей вероятности, он все-таки назвал им адрес. Потому что внезапно в квартире стало безлюдно и очень тихо: они поехали грабить. Я понял, что, вернувшись, они займутся мной. И знал, что не выдержу мучений: у меня тогда уже было больное сердце.

Когда они пришли, я сказал одному из них, что мне плохо с сердцем. Они засуетились, потому что вместе со мной могло уплыть богатство – «две машины». Я попросил вывести меня на балкон, на свежий воздух. В сопровождении одного из них с дубинкой в руках меня вывели. Я подошел к перилам и посмотрел вниз – высоко все-таки, но внизу был не асфальт, а грунт. Тут я «солдатиком» и прыгнул – прямо на землю. И сразу почувствовал перелом бедра. Я начал кричать жителям, стоящим на балконах, прося их вызвать скорую. Прибежали два крепыша, чтобы забрать меня, но я не дался им. Через какое-то время подъехала скорая, в ней уже было два армянина. Меня погрузили в машину, и я попросил врачей отвезти в военный госпиталь. Но они заявили, что, дескать, Народный фронт Азербайджана собирает раненых в больнице Семашко и нас везут туда. В больнице я увидел страшное зрелище: на полу сидело множество людей, кого-то перевязывали, кто-то истекал кровью. Мимо проходила врач-азербайджанка. Я ухватился за полу ее халата и говорю: «Помогите мне, я ваш коллега». А она отшвырнула мою руку и кричит: «Какой ты мне коллега, ты армянин!»

Тем не менее, называя имена своих друзей, мне удалось убедить их позвонить в госпиталь, и скоро оттуда прислали машину. Меня поместили в палату, поставили сломанную ногу на вытяжение. И вдруг я услышал в коридоре разговор каких-то людей, упоминавших мое имя. И сразу закричал – я тут! Они зашли в палату, я им рассказал, кто я, почему лежу здесь. Они привязали сломанную ногу к здоровой и увезли меня, доставив самолетом в Москву, в госпиталь им. Бурденко...

Потом восстановили все мои награды, медали, значки, дали удостоверение инвалида Великой Отечественной войны, которое в те январские дни некий представитель Народного фронта разорвал у меня на глазах. Когда я пытался возразить ему, что это мне дало государство, он заявил: «Государство – это мы».

Мария Карамова:

Мне бы хотелось добавить несколько слов к рассказу мужа.

Когда начались карабахские события, я работала в одной из больниц Баку. В конце февраля 1988 года мне на работе сказали, чтобы на следующий день я и еще одна врач, русская по национальности – Козина, в 8 утра были в 1-й больнице. Мы не знали, зачем нас вызвали, пока не приехали в Сумгаит. И там нам пришлось на машине скорой помощи вывозить трупы убитых, а также увозить в безопасное место израненных, измученных армян. Что там творилось – невозможно передать... Армян уговаривали покинуть площадь, где их всех собрали, и вернуться в свои дома, но они отказывались, боялись. Помню, ко мне подошел молодой врач-азербайджанец и говорит, доктор, скажите этой женщине, чтобы не боялась меня, я хочу помочь ей. Дело в том, что сумгаитские армяне избегали врачей-азербайджанцев, не доверяли им. Просто ужас был какой-то... Сумгаит остался у меня в памяти как сплошной кошмар.

Когда мы вернулись в Баку и рассказывали об этом, никто и подумать не мог, что все это может повториться в столице. Считалось, что в Сумгаите особая публика живет, криминальная, потому там такое и случилось. Но спустя два года то же самое повторилось у нас. И я в те дни вспомнила, как моя мама рассказывала о событиях 1918 года в Баку. Они, спасаясь, плыли на лодке в Астрахань и жестянками вычерпывали воду, чтобы не утонуть. И бабушка тоже рассказывала о резне... Но кто мог подумать, что история повторится?

Нам потом помог Гарри Каспаров. Мы прочли о том, что он продал золотую шахматную корону и на эти деньги хочет помочь беженцам из Баку. Приходили от него люди в пансионат и записывали всех, кому нужна помощь. Потом нам помогли вывезти наши вещи из Баку – в одном контейнере с вещами самого Каспарова.

Спрингфилд, штат Массачусетс, США.

Июнь 2013 г.

ВИЛЬЯМ КЛЕНЕР
Майор Советской армии
в отставке
Дочь – АНЖЕЛИКА КАРАМОВА

Когда начались погромы, я спрятал свою дочь Анжелику и ее мужа-армянина Александра Карамова у младшей дочери. Потом узнал, что Гриша (Григорий Карамов – **Ред.**) – свекор Анжелики – пропал, и начал искать его в тех местах, где прятали армян, в частности, в кинотеатре «Ватэн».

Мы с младшей дочерью поехали туда. Кинотеатр был оцеплен солдатами, и мы увидели, как сквозь это оцепление ведут израненных, избитых армян. Помню женщину лет 70-и – она была сильно избита. И тут стоявший в оцепле-

нии сержант поворачивается к лейтенанту и говорит: «Отпустите меня!» Тот спрашивает: «Почему?» Сержант отвечает: «Я не могу смотреть, как избивают мою мать... Я солдат, который должен ее защищать, но не могу защитить». Понятно, что это была не его мать, он выразился образно. Лейтенант ему говорит: «Ну что я могу сделать... Никакого приказа нет».

Когда женщину завели в помещение, я попросил проверить по спискам – нет ли здесь Григория Карамова¹. А вокруг полно азербайджанцев. Лейтенант мне говорит, мол, здесь его нет, уходите. Причем это было в 20-х числах января, когда советские войска уже вошли в город. Я начал искать в других местах, и мне сообщили, что Карамов жив и лежит в больнице Семашко. Но там сказали, что его уже увезли в госпиталь. Мы кинулись туда, а госпиталь окружен войсками, никого не пускают. Нас пропустили по моему удостоверению и мы наконец увидели Гришу в палате. Он расплакался, да

¹ См. рассказ Григория Карамова в настоящем сборнике.

и я тоже...

Я был свидетелем того, как подожгли армянскую церковь Баку. Еще до событий в сквере напротив церкви был поставлен памятник – статуя женщины. А в те дни смо-
трю – памятник накрыли покрывалом, дескать, женщина стоит лицом к церкви, надо ее повернуть. И развернули – за одну ночь! Моего хорошего знакомого, который ра-
ботал в гражданской обороне Наримановского района, мы нашли обезглавленным в контейнере...

Многое пришлось своими глазами увидеть в те дни – как избивали людей, как вы-
брасывали их с балконов. И могу четко сказать: если бы был отдан приказ спасти ар-
мян, все удалось бы предотвратить. Помню слова знакомого майора: «Был бы у меня
приказ, я со своими солдатами всю эту сволочь за полчаса бы убрал. Но я азербайд-
жанец, у меня семья, все разбежались и как дальше будет – никто не знает. Поэтому я
сохраняю нейтралитет».

Что там говорить – весь бакинский ЦК разбежался. Моих курсантов поставили ох-
ранять здание ЦК, и они говорили, что там всего 2 человека оставалось – второй се-
кретарь и буфетчик, который боялся за продукты. Они попробовали купить у него си-
гареты, так он такую цену заломил! Потом, правда, распорядились выдать курсантам
сигареты бесплатно.

Так что в Баку было достаточно сил, чтобы без ввода дополнительных войск наве-
сти в городе порядок. А войска вошли и начали действовать только тогда, когда уже
была угроза власти.

Анжелика Карамова:

Сумгаит случился за 2 года до Баку. И все эти 2 года в Баку стояли войска. Но получа-
лось так, что на одной стороне улицы стоят войска, на другой останавливают машины,
вытаскивают людей, проверяют паспорта, бьют, убивают армян – и никто не вмешива-
ется. И что, нельзя было остановить погромы?

Погромы начались в субботу, а в пятницу я была на работе. Саша (Александр Ка-
рамов – муж) не работал уже больше года, ему как армянину нельзя было работать.
Он сидел дома с ребенком, которого тоже как сына армянина опасно было водить в
детсад. Мой начальник – азербайджанец, хороший такой человек, подошел ко мне и

говорит: «Иди домой и постарайтесь уехать. Будет плохо». То есть они знали, что в субботу начнутся погромы. Просто никто из нас не хотел верить, что в наши дни возможно такое. Моя бабушка рассказывала мне о событиях 1915–1918 годов, показывала мне шрамы на своих руках, но для меня это была история и я никогда бы не подумала, что со мной тоже может случиться такое только потому, что у меня муж не той национальности. Потому и сидели так долго... Могли бы и раньше уехать, но моя свекровь все твердила, что ее все знают, любят и никто не тронет.

Спрингфилд, штат Массачусетс, США.

Июнь 2013 г.

ЛАРИСА БАЛАЯН

***Проживала в Баку по адресу:
ул. 5-я Завокзальная.***

Мы с мужем и пятилетней дочкой в тот период жили в армянском районе Баку, на 5-й Завокзальной. Когда на площади начались митинги, у нас дома все это было слышно, весь этот дикий ор. На работу я уже не ходила, сидела дома. К вечеру митингующие разбредались по всему городу, большая толпа шла по улице Чапаева и кричала: «Смерть армянам!» Я с пятилетней дочкой стояла на балконе и она спрашивала: «Мама, а что, война началась?»

После заседания Верховного Совета в июле 88-го, когда Горбачев произнес знаменитую фразу «А вы подумали о двухстах тысячах армян Баку?», мы перестали спать по ночам. Ложились по очереди, дежурили с топорами, ножами, шампурами, возле двери стояла банка с кислотой. Я ложилась с ребенком спать не раздеваясь. Мои родители жили на Монтино, их квартира была более защищенной, с сейфовыми дверями, и мы переехали к ним. Двоюродная сестра жила в Арменикенде и мы постоянно друг с другом созванивались, сообщали: толпа туда пошла, толпа сюда пошла. Это было очень страшно. Даже сейчас, спустя 25 лет, я это рассказываю и вся трясусь, у меня внутри озноб опять начинается... Какими нужно быть нелюдями, чтобы творить такой ужас с живыми людьми!

В один из осенних дней я решила позвонить в Москву, в редакцию газеты «Правда». Объяснила им, что у нас в Баку начинаются такие же погромы, как в Сумгаите. Оттуда ответили, что соединят с каким-то первым секретарем. Не знаю, кто это был, но он сказал, мол, женщина, не волнуйтесь, сегодня у вас будет введен комендантский час. Это было 23 ноября. И действительно, в этот день в 9 вечера ввели комендантский час. Но нам уже было все равно. 27 ноября 1988 года семья уехала из Баку в Армению.

А в 1989-м мы с папой вернулись обратно. Во-первых, мне нужно было уволиться с работы. У нас директором был армянин, в организации работало очень много армян.

Он всем нам разрешил просто уехать, не увольняться, пока ситуация не успокоится. И все одновременно уехали. Но ничего не успокоилось. Мне нужно было уволиться, чтобы его не подвести. Я была членом партии и мне велели поехать в райком и взять открепление. Захожу к первому секретарю, это уже азербайджанец был. И он заявляет, что не может дать мне открепление. Я спрашиваю: «Почему? Я хочу уехать, я не хочу здесь жить!» Он отвечает: «Вы партийная и должны оставаться». Я: «А вы гарантируете мою безопасность?» Он: «Нет». И тогда я сказала, что все равно уеду и мне плевать на партию. Он пригрозил, что меня исключат. Я ответила: «Исключайте».

Кроме того, мы хотели продать квартиру. В то время у Сабучинского вокзала был нелегальный рынок квартир. Мы с папой поехали туда. Начали разговаривать с людьми, спрашивать, искать варианты... И я не заметила, как они меня в круг взяли. Тут какой-то мужчина за руку схватил и просто поволок меня на другую сторону улицы. Папа это увидел и побежал за нами. И этот мужчина-азербайджанец сказал ему: «Ты не видел, что ее избить хотели? Они же ее в круг взяли, чтобы бить». Мы после этого сразу уехали и больше в Баку не возвращались.

Я просто призываю все человечество осудить, наконец, то, что случилось с армянами Азербайджана. Я не говорю про весь азербайджанский народ – были люди, которые помогали, спасали. Многие из нас благодарны своим друзьям, соседям. Но таких было очень мало. То, что тогда произошло в Азербайджане, то, что происходит сейчас, и что они пишут, – это вдвойне преступно! Осуждение необходимо для того, чтобы больше никогда ни с одним народом в мире не случилось то, что случилось с армянским народом.

Сан-Франциско, штат Калифорния, США

30.03.2014 г.

ЛИАНА МОВСЕЦОВА
Проживала в Баку в 4-м микрорайоне.

Родилась я в Баку. Училась в школе N23, поэтому очень много времени проводила у бабушки, она жила на углу улицы 28 Апреля и проспекта Ленина. Мне было 14 лет, когда мы убежали.

В Америке – с 1991 года.

Моя семья бежала два раза. В первый раз – в 1988-м, после сумгаитских событий. Ситуация в Баку была напряженная. У нас в 4-м микрорайоне постоянно проходили митинги, опасно было ходить по улицам, к людям уже врывались в дома. Мы уехали в Москву и жили в гостинице. Прожили там почти год, мне пришлось какое-то время не ходить в школу. В 1989-м, как и многие другие армяне, вернулись обратно, а в январе 1990-го снова бежали.

Один из братьев моего отца переехал на Украину. Он нам все время говорил: «Переезжайте, чего вы сидите в Баку?» Но многие из нашей семьи не хотели уезжать, не верили в плохое. Я помню, как папа взял моего брата и они пошли в обменный пункт, поинтересоваться вариантами обмена. Уже никто из армян туда не лез, это было опасно. Брату сказали: «Если что, ты Агаронов», это еврейская фамилия. Их там поймали, стали допрашивать. Папе сказали, что, мол, если еврей – давай, покажи. Он начал с ними по-азербайджански разговаривать и каким-то чудом им удалось спастись в тот день.

В моей детской памяти отложились демонстрации, митинги, крики, шум на проспекте Ленина... Другой брат папы сказал моим родителям, что, мол, вы как хотите, а я забираю детей и уезжаю на Украину. И он действительно увез меня и брата. Через два месяца мы получили телеграмму от наших о том, что они все приезжают. Это был уже январь. Они приехали и рассказали, как спаслись 12 января 1990 г.

Напротив моей бабушки жил судья-азербайджанец, хорошая, интеллигентная семья. Они предупредили наших, за день до событий позвонили и сказали, что надо

срочно уезжать, потому что завтра начнутся погромы. Все наши оставшиеся родственники собрались, купили билеты на поезд в Москву. В маленьком театральном автобусе их вывезли на вокзал, пропустили только потому, что с ними были азербайджанцы. Они сидели под сиденьями и ждали, пока их посадят в поезд. Вагон был пустой, по нему бегали азербайджанцы, проверяли, есть армяне или нет. Когда ситуация немного успокоилась, они заплатили, чтобы их впустили в поезд.

Тем не менее в Баку еще оставались две наши родственницы. Я не помню точно, в каком районе они жили, но в те дни, как нам потом рассказали, к ним ворвались домой и одна из женщин – Асмик Мелик-Даниелян – прямо в туалете от разрыва сердца умерла. Кроме того, у папы была тетя парализованная, жила на улице Гоголя. Она рассказывала, что еще до январских событий, в 1989 году, к ней в квартиру тоже ворвались. Все спрятались, а она не могла двигаться и осталась сидеть в своем кресле. Они ее не убили, но сильно напугали.

Я своими глазами видела, как на проспекте Ленина избивали людей. Мы с дедушкой смотрели из окна и увидели, как бьют пожилого мужчину. Мне стало очень страшно. Я говорю: «Дедуля, что будем делать?» А он был такой убежденный коммунист. Стал звонить в милицию. Но что милиция? Они вообще никак не отреагировали. Этого мужчину прямо перед нашими глазами и убили. Он встает, бедненький, идет, а его догоняют и опять бьют. Так и забили до смерти.

Сан-Франциско, штат Калифорния, США

30.03.2014 г.

ЛИАНА

***(фамилию и другие данные
назвать отказалась)***

Я родилась в городе Баку, училась в школе N47, которая находится на Инглабе, на проспекте Ленина, потом в Институте народного хозяйства, вышла там замуж. Дискриминацию мы чувствовали всегда, особенно в институте. Это был как бы второй институт в Баку после медицинского и армян там было очень мало. Кроме бакинцев, была группа ребят из Карабаха.

Очень хорошо помню одну преподавательницу азербайджанского языка. Эта Рена-ханум, как ее называли, никогда не обращалась к нам, армянам, ни по фамилии, ни по имени, она нас называла просто «ян». Оценки наши всегда занижались, потому что нельзя было армянам хорошо учиться. И нам приходилось довольно тяжело.

Закончила институт и вышла замуж я практически одновременно. Когда начались события, жила на Инглабе, а после замужества – в 4-м микрорайоне, на первом этаже кооперативного дома. Моя свекровь работала в Республиканской больнице медсестрой. В тот день, когда начались сумгаитские события, она в ночной смене была. Пришла в ужасе, рассказывала, как привозили убитых и раненых, и сама не понимала, что происходит, не могла поверить. У меня к тому времени уже был ребенок, 6 месяцев ему было. Почему-то наши родители до последнего не верили, что с нами может такое произойти. У нас были друзья-азербайджанцы, соседи, мы вместе отмечали праздники и дни рождения, гуляли на свадьбах, и никто никогда не думал, что может наступить такой день.

Не знаю, в каком поколении я беженка, но мои бабушка и дедушка родом из Турции. Они тоже в свое время бежали, оставив родные дома, бабушка мне часто рассказывала, как они спасались. Но мы даже мысли не допускали, что такое может произойти в наше время, с нами. Мой свекор – замечательный был человек – тогда работал

в Сумгаите, у него свой частный цех был. Как-то один из друзей-азербайджанцев посоветовал ему продать этот цех, забрать семью и уехать как можно скорее. Но он не послушал совета, не верил, что может случиться самое страшное. Мы не понимали, что происходит...

Навсегда мне запомнился один день. Это было в ноябре 1988-го, примерно в 20-х числах. Дом наш был очень хороший, все друг друга знали. Утром я открыла дверь квартиры, чтобы подмести у порога. И вижу – прямо у двери голова барана. Отрубленная, окровавленная, и вокруг все залито кровью. Я в ужасе захлопнула дверь, заперлась и стала ждать, пока придут домашние. Тогда телефоны не у всех в доме были. Вечером того дня сосед – у него жена была полуармянка-полуеврейка – сказал свекру: «Рубен, если ты хочешь, чтобы твои дети выжили, сегодня же вечером нужно их увезти». И он нам помог. Мы дождались вечера, и в 10 часов сосед отвез меня с мужем и ребенком на вокзал. Он был азербайджанец и рисковал, наверное, своей жизнью.

Хорошо помню, как нас вывозили из Баку в эту ночь. Это было ужасно. Поезд был набит армянами, очень много молодых, с детьми. Свекор мой больше не вернулся в свой дом, жил в другом месте, ждал, пока все успокоится.

Вот так чудом мы спаслись. Тогда в Армению поезда уже не ходили, и мы приехали куда-то на Северный Кавказ, где у меня жил брат. Помню, весь аэропорт был забит бакинскими армянами, вылетали кто куда мог. Мы прилетели в Армению. В зале аэропорта стояло очень много людей с табличками, они приглашали к себе семьи из Баку. А через несколько дней, 7 декабря, случилось страшное землетрясение. Мой муж поехал работать в Спитак, в зону бедствия.

Потом мама тоже переехала в Армению, оставив квартиру и все имущество. Дедушка был начальником цеха, коммунист, и тоже до конца не верил, что такое может произойти. 13 января 1990 года его с бабушкой кое-как отправили паромом. А свекор со свекровью продолжали жить в Баку. Он так и не решился продать свой бизнес, ему постоянно угрожали, а 16 мая 1989 года просто не вернулся домой – сбила на большой скорости машина. Ему было всего 55 лет. Мы хотели перевезти и похоронить его в Армении, но родственники говорили, что, мол, зачем это надо, все успокоится и вы вернетесь. Мы с мужем поехали на похороны, а вот доказать, что его убили, конеч-

но, не смогли. Правда, парня, который сделал это, потом нашли, но на суд мы уже не явились, это было очень опасно. Во время похорон соседи рассказывали страшные истории о расправах с армянами. Помню, все говорили о том, как зверски убили одну семью: надели на людей шины и подожгли.

Мы прожили в Армении до 1990 года, потом началась блокада, холод, мрак... С грудными детьми вынужденно переехали в Москву. Пять лет прожили там, а в 1995-м приехали в Америку. Никогда не думала, что рассказ бабушки может как-то повториться в нашей жизни. Детям своим я, конечно, рассказываю все это. Они очень хорошо все знают и про бакинские погромы, и про турецкий Геноцид. У меня трое детей, сын и две дочки, все родились в Армении. Муж скончался два года назад.

Сан-Франциско, штат Калифорния, США

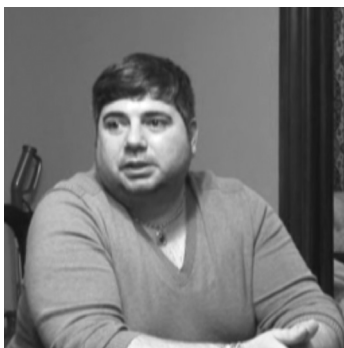
30.03.2014 г.

МИКАЭЛ И РОМАН ОГАНЕСЯНЫ

Микаэл:

В Баку у нас было две квартиры. Одна – в самом центре, на улице Низами, 137, вторая – на улице Красина, 60, это район Баилово. Когда мы жили в Азербайджане, мое имя звучало немного иначе – Михаил, а фамилия была русифицирована – Оганезов. Родился я в Баку и прожил там до 14 января 1990 года – в этот день нам пришлось эвакуироваться на военном корабле. После этого мы провели три с лишним года в Москве, а потом эмигрировали в Соединенные Штаты.

На момент бегства из Баку мне было пятнадцать лет, младшему брату Роману – одиннадцать. Мама была профессором математики в Институте нефти и химии (АЗИ), отец – начальником отдела в Министер-

стве нефти. Бабушка работала главным врачом 15-й объединенной больницы района Бадамдар в Баку, а потом врачом в поликлинике N1, в самом центре города.

Все, что произошло с нами в тот период, я помню очень хорошо. Надо сказать, что до начала событий Баку постепенно заселялся прибывшими из разных районов республики сельчанами. Бакинцы называли их чушками. Эти люди, желая оскорбить собеседника, в разговоре между собой называли его армянином. Наш двор на протяжении многих десятилетий был армяно-русским, большинство при этом составляли армяне. Первые азербайджанцы появились у нас в 1983 году, приехали из Физули. У одной из наших русских соседок был внебрачный сын от азербайджанца, его звали Айхан. Нормальный парень, мы с ним дружили. Но пару раз я слышал разговор жителей соседнего двора – азербайджанцев о том, что в нашем дворе живут одни гяуры, то есть неверные, но есть и один «ислам баласы» – мусульманский ребенок, то есть Айхан. Так что я еще подростком чувствовал, что отношение к армянам было не просто предвзятое, но типично расистское, шовинистическое.

Подходил 1988 год. О событиях в Сумгаите мы узнали не из прессы, а от медиков, работавших в тех моргах и больницах Баку, куда привезли изуродованные тела зверски убитых армян. Эти люди были просто в шоке от того, что видели. Шушукались между собой, а нам говорили, что вы себе не представляете, что там происходит. Однако даже после «сумгаита» армяне все-таки не до конца осознали, что произошло. Да и большинство азербайджанцев еще не думало, что Сумгаит станет для них моделью для дальнейшего поведения, в том числе в Баку.

Я не помню, чтобы кому-то из моих знакомых азербайджанцев было стыдно за Сумгаит. Только изредка в газете «Бакинский рабочий» появлялись какие-то небольшие заметки с дежурными призывами к толерантности, с рассказами о том, как хорошо живет армянам в Азербайджане, приводились примеры живущих там известных армян. Это все продолжалось до осени 1988 года, когда в прессе началась антиармянская кампания, связанная с якобы вырубкой реликтовых лесов в местечке Топхана в Нагорном Карабахе. Газеты трубили о том, что армяне уничтожили все ценные деревья, чтобы открыть на этом месте филиал Канакерского алюминиевого завода¹.

На самом деле это была абсолютная утка: никаких ценных деревьев там не было и строить завод никто не собирался. Однако это не останавливало азербайджанцев: по республиканскому телевидению ежедневно показывали передачи, в ходе которых представители так называемой «азербайджанской интеллигенции» вели промывающие обывателю мозги разговоры. Лейтмотивом передач были одни и те же постулаты: армяне – предатели и враги Азербайджана и азербайджанского народа, они уже столько столетий живут на нашей земле, пьют нашу воду, едят наш хлеб и одновременно высасывают нашу кровь. А сейчас еще и вырубает наши леса. Обстановка последовательно и сознательно нагнеталась, населению внушали мысль о том, что армяне – опасный враг азербайджанцев, в массовом порядке велась антиармянская

¹ Топхана (арм. – Хачин Тап) – безлюдный пустырь, на котором решением Аскеранского райсовета от 23.10.1988 г. планировалось разместить небольшой пансионат Канакерского алюминиевого завода. Этот эпизод послужил поводом для оголтелой антиармянской кампании в азербайджанских СМИ, результатом которой стали массовые беспорядки, погромы и убийства. Азербайджанцев и всю советскую общественность убеждали в том, что Топхана – историческая и природная реликвия, хотя она не значилась ни в каких реестрах памятников истории, культуры и природы. Специально созданная комиссия Госкомприроды СССР в своем заключении опровергла все утверждения азербайджанской стороны, однако эпизод с Топханой продолжали использовать для нагнетания антиармянской истерии.

пропаганда. Это был типичный формат фашистской Германии, Руанды. Как бы первый шаг к геноциду, когда создается миф и происходит демонизация и дегуманизация врага – в данном случае армян.

Где-то с ноября 1988-го на площади, прямо рядом с нашей школой N160 на проспекте Ленина, начались многолюдные митинги, на которых звучали лозунги типа «Смерть армянам!», «Пойдем на Карабах!», «Изгоним врагов из нашего дома!», «Без евреев, без армян расцветет Азербайджан!», «Русских – в Рязань, татар – в Казань!». Плакаты с такими лозунгами были расклеены и в городе. Я каждый день по пути в школу видел и слышал все это. Естественно, что на площади, где постоянно находилось несколько десятков тысяч людей, которые там дневали и ночевали, курили анашу (запах распространялся по всей округе), царила страшная антисанитария и многие заболели дизентерией. Поэтому они запустили новую утку – якобы старуха-армянка специально продала на площади отравленные пирожки, чтобы навредить азербайджанцам. Это послужило сигналом к началу пока еще локальных антиармянских акций, особенно в тех районах, где население было смешанным, армяно-азербайджанским. Они еще боялись соваться в чисто армянские или армяно-русские центральные районы, как, например, наш, потому что армяне там жили уже много десятилетий, были более сплоченными и организованными, создавали небольшие дружины, чтобы в случае чего защищаться. В нашем дворе тоже так сделали. А вот в школу практически каждый день кто-то пытался ворваться, все знали, что директор, многие учителя и ученики – армяне. На первом этаже постоянно били окна, пытались вломиться, поэтому группы родителей дежурили у главного входа, все входы были перекрыты. Вместе с тем на периферии города постоянно происходили убийства. В домах, магазинах постоянно выискивали и находили армян, их вытаскивали из транспорта, чтобы подвергнуть насилию. К тому времени в Баку был введен комендантский час, войска дислоцировались в определенных частях города, особенно там, где компактно жили армяне. Стояли небольшие заграждения из БТРов, танков и солдат. В газете «Бакинский рабочий» ежедневно печатали комендантскую сводку, и хотя она была официозом и власти старались многое скрывать, но все равно, в сводках сообщалось об убийствах, избиениях, грабежах и других случаях насилия в отношении армян. Я тогда регулярно вырезал

такие сообщения и собирал их, жаль, что с нашим бегством эта коллекция затерялась. Такой была ситуация с осени 1988-го до апреля-мая 1989-го. Первая волна массового отъезда армянского населения из Баку приходится на период конца 1988 года, когда началась вся эта истерия с Топханой. Большинство бакинских армян уже не хотело оставаться в Баку, просто не все были достаточно решительными, да и не у всех была возможность собраться и покинуть родной дом. К тому же люди пытались уехать более-менее цивилизованно, найти место для проживания, а не скитаться где-то. Тем не менее как минимум 200 тысяч армян покинули Баку именно в этот период, в течение нескольких месяцев.

7 декабря 1988 года нам позвонила родственница из Кафана, бабушкина двоюродная сестра. Спросила, что происходит в Баку, и сообщила, что в Армении случилась трагедия – землетрясение. В новостях об этом еще не говорили. Мы спрашиваем, есть ли жертвы. Она отвечает, что есть и много. Настроение у нас было ужасное. С одной стороны – непрекращающиеся погромы, с другой – страшная новость из Спитака. Помню еще, что в эти же дни скончались наши хомяки и мы не знали, как их похоронить, потому что боялись выйти на улицу.

8 декабря практически во всех учреждениях Азербайджана прошли банкеты. Азербайджанцы под музыку, с шампанским и танцами поздравляли друг друга с землетрясением в Армении, не стеснясь еще остававшихся армянских коллег... Из-за «праздничного настроения» ситуация на несколько дней утихомирилась, даже погромы приостановили. Помню бабушкин рассказ о враче-азербайджанце, который был одним из организаторов «празднеств»: 7 декабря 1988 года он явился на работу с шампанским и конфетами. Так вот, этот «врач» спустя несколько дней вызвался добровольцем полететь в Армению. Когда его спросили зачем, он объяснил, что хочет своими глазами убедиться, что у армян произошло такое «счастье». Не долетел – самолет разбился. Тогда два самолета разбились – один из Баку, другой югославский.

Армян тогда уже повсюду массово выгоняли с работы, а в трудовой книжке открыто писали: уволен за то, что армянин. Моя бабушка еще продолжала работать в своей поликлинике N1 в центре города недалеко от Дома правительства, но уже не главным, а просто врачом. Уроженка Карабаха, она родилась в самом пекле событий, которые

происходили в начале XX века – 16 марта 1920 года, то есть в дни страшной резни армянского населения Шуши. На их деревню в Карабахе тоже напали турецкие войска совместно с бандами курдов и закавказских татар, которых потом стали называть азербайджанцами. Бабушке было всего несколько дней от роду, когда семья вместе с односельчанами пряталась в горах, в лесах, пока мужчины пытались защитить село от мусульманских банд. Малышка постоянно плакала, и один из жителей деревни, старик, стал кричать на прабабушку, мол, зачем она взяла с собой этого ребенка, он так орет, что нас всех найдут в лесу и перережут. Пришлось матери несколько дней поить дочь маковым раствором, чтобы она успокоилась и заснула.

Потом они переехали в Баку, бабушка закончила школу, мединститут и в 1943 году отправилась на фронт. Участвовала в Сталинградской битве, дошла до Праги, потом и до Берлина. После войны несколько месяцев работала в Вене врачом, затем вернулась в Баку. Около 30 лет моя бабушка была главным врачом поликлиники, в какой-то момент оставалась единственной армянкой-главврачом в столичных поликлиниках, всех остальных давным-давно уволили, но она каким-то чудом держалась. Было негласное указание увольнять армян с руководящих должностей и не допускать их назначения на высокие посты.

Но в 1978 году под надуманным предлогом бабушку все-таки сняли с должности. В ее защиту жители района собрали тысячи подписей, письма были направлены в Министерство здравоохранения СССР и Центральный комитет партии. Приехала комиссия из Москвы, провела расследование и выяснила, что на самом деле все было подстроено. Бабушку восстановили в должности, а начальника районного отдела здравоохранения уволили. Он потом на коленях просил у нее прощения, умолял походатайствовать, чтобы его не снимали с работы. Бабуля (ей было тогда 60 с лишним лет) отказалась, сказав, что сама решила уйти с должности и работать просто врачом.

Человеком она была смелым, решительным, да еще и заработала себе репутацию «армянского националиста». Во время этих событий продолжала ходить на работу в свою поликлинику с риском для жизни. И когда при ней больные или работники–азербайджанцы несли чушь о том, что вот, дескать, они все своими глазами видели, как приехал поезд с азербайджанцами из Армении с отрезанными ногами, руками, уша-

ми, губами, бабуля разоблачала ложь, говорила «принеси мне фотографию, опиши, какой был номер поезда и откуда, какой был вагон, в каком конкретно месте был отрезан нос» и т.д. Неудивительно, что ее прозвали дашначкой.

Между тем в поликлинику, где работало очень много армян – врачей и медсестер (в основном это были пожилые женщины), постоянно врывались молодчики с площади. Тогда армян еще не убивали, а «просто» избивали, в том числе врачей в поликлиниках и в больницах. Когда они врывались, одна из врачей – татарка, по-моему, замглавврача – через внутренний телефон предупреждала, мол, армяне, прячьтесь. И эти пожилые женщины, квалифицированные врачи, вынуждены были прятаться по всяким шкафам, под кроватями, чтобы бандитствующие молодчики их не нашли и не избили.

Как я уже сказал, после землетрясения Баку покинуло очень много армян. Люди выезжали на машинах, при этом прекрасно понимая, что в одиночку живыми не доедут, собирались в колонны по 50–60 машин, вооружались чем могли для самообороны, занавешивали стекла тряпками, которые предотвращали попадание камней в машину, и быстрыми темпами проезжали через северные районы, где жили в основном таты и лезгины. Самолетами и поездами тоже уезжали, но здесь риска было больше. Правда, на вокзалах и в аэропорту пока не было регулярных убийств, но постоянно происходили избиения и полный захват багажа. Чемоданы раскурочивались, все ценное отбирали, остальное сжигали.

Бабуля продолжала работать до середины 1989 года. Наша школа находилась недалеко от ее поликлиники. В какой-то момент мы перестали поодиночке ходить по городу, только группой: мама, я, младший брат, бабушка. Думали, если будет нападение, легче отобьемся. Мой класс был многонациональным: из 42 учеников – 10 армян, 10 – азербайджанцев и тех, кто ими считался, еще 10 русских, остальные евреи, грузины, греки. Довольно скоро выехали все армяне, часть русских и евреев, и в какой-то момент я остался единственным мальчиком-армянином. Еще была девочка – полурусская-полуармянка. И весь антиармянский гнев моих одноклассников оказался направлен против меня. Я по примеру бабули отстаивал честь и достоинство своей нации, поэтому меня тоже называли дашнаком. И не припомню хотя бы одну перемену без

драк, порой жесточайших, даже в классе. Я был крупным физически и один на один мог как следует за себя постоять. Но однажды кто-то из нашего класса напал на моего младшего (на 4 года) брата. Его очень сильно ударили по голове, и у него долго еще были весьма серьезные головные боли и спазмы, мы его потом с трудом вылечили в Москве.

Роман:

Это было в 1989 году, сразу после каникул, кажется, пятый класс. На одной из перемен я пошел в туалет, там был как бы коридор, где складывали части сломанных парт, а потом две туалетные комнаты – для мальчиков и для девочек. Один из старшеклассников подстерег меня и двинул по голове сиденьем от парты. После этого у меня были сильные спазмы, головные боли, я больше месяца лежал в больнице, и потом долго лечился в Москве, куда мы переехали.

Я родился в 1978 году и лет до пяти-шести даже не знал, что такое азербайджанец, что такое армянин, у нас в семье об этом не говорили. В 1985-м, будучи в Ереване, мы поехали в Эчмиадзин, и один из священников спросил меня, кто я. Естественно, я ответил, что русский, потому что отец у нас по-армянски не говорил, мать с бабушкой только изредка говорили, и мы с Мишей армянского, по большому счету, не знали. Но когда начались эти события, стали учить армянский язык и алфавит.

Микаэл:

Да, действительно, начавшиеся события как бы подстегнули нас приобщиться к своим корням. Как раз в тот период я полностью выучил алфавит и стал читать книги, журналы на армянском, брата научил буквам, и мы более активно стали использовать в общении между собой армянский язык.

Но вернемся к 1988–89 гг. Опасаясь нападений на нашу школу, родители договорились с директором и перевели нас под фальшивой фамилией в другую школу – в районе, где нас не знали. Правда, и там ко мне постоянно подходили и выпытывали, кто я по национальности. Спрашивали, еврей? Сам я особенно не боялся, но родители заставляли меня притворяться евреем. Наша старая школа находилась, как я уже говорил, в центре, на проспекте Ленина, и подавляющее большинство жителей там составляли армяне, что было видно по висевшим в подъездах спискам жильцов. Так

вот, там ежедневно что-то происходило: то к кому-то вламывались в квартиру – я не раз был свидетелем, то окна выбивали. Несколько раз по пути на остановку троллейбуса я видел, как очередная армянская семья пыталась загрузить вещи в контейнер, чтобы уехать. Но стоило им вынести и загрузить имущество, набегала большая толпа азербайджанцев, которая избивала людей, вытаскивала из контейнера все их вещи, разворовывала, крушила, разбрасывала и убегала.

С нами тоже кое-что случилось. Наша бабушка, как я уже говорил, была известным в городе врачом, ее многие уважали, даже азербайджанцы, в том числе работники овощных ларьков, уличные торговцы и прочие. Раньше, когда мы покупали у них разные товары, овощи или фрукты, они отбирали для нас лучшее. Но как-то – это был конец 1988 года – мы с бабулей подошли к овощному ларьку, где торговал некий Али. Когда бабушка, как обычно, попросила его дать овощей получше, Али, который всегда был очень уважителен к ней, вдруг говорит: «Пусть твой Вазген снабжает тебя свежими овощами». Речь о католикосе Вазгене I, который для большинства необразованных – да и не только – азербайджанцев был символом всего армянского, всего того, что они ненавидели, и в тот период мы постоянно слышали оскорбления в его адрес. Рядом стоял пожилой азербайджанец, который все слышал. Вдруг он схватил бабушку за рукав плаща, потянул в свою сторону и говорит: «Армянка, пойдем туда, в подъезд, я тебя зарежу». Я уже готов был кинуться ей на защиту, хотя мне всего 14 было, но моя 75-летняя бабуля, не растерявшись, выдернула рукав из его руки, схватила его за шкирку, толкнула кулаком в шею и сказала: «Пойдем, свинья, посмотрим, кто из нас оттуда живым выйдет». Как ни странно, это сработало. Он испугался и отошел.

Роман:

До этого другая история была, когда пришел начальник ЖЭКа Фуад. Он постоянно ходил, брал взятки у всех соседей, но немножко побаивался нашей бабули. Как-то раз он пришел переписывать оставшихся армян, потому что многие уехали, а им надо было знать – где и кого еще можно громить. Начал орать, мол, какое право ты имеешь еще находиться здесь? У него в руках был список. Бабуля, недолго думая, выхватила у него эту бумажку, врезала ему в шею, толкнула, он не удержался и скатился по лестнице.

Микаэл:

В тот же день поздно вечером соседка снизу Тамара Татевосовна, тоже врач, поднялась к нам, мы сидели и пили чай. Вдруг чем-то тяжелым начали ломать нашу металлическую дверь. При этом орут на плохом русском: «Эй, дашначка, выходи!» Родителей не было дома, и мы немножко испугались. А бабуля не растерялась и стала специально громко кричать: «Миша, неси мой револьвер!» Все знали, что она ветеран войны, поверили и быстро ретировались. После этого мы укрепили дверь: вставили металлические штыри и сделали специальные лунки в паркете, чтобы на ночь подпирать дверь металлическим ломом.

Роман:

Мы с Мишей достали где-то кукольную коляску и гуляли вокруг магазинов по вечерам, собирая коробки, чтобы никто не догадался, что мы собираемся уезжать. Приносили эти коробки домой, аккуратно паковали вещи. Парадные двери у нас были очень толстые, деревянные, мы их крепко запирали цепями и еще вставляли балку. Мы также запаслись металлическими гантелями, ядрами, чтобы в случае нападения защищаться.

Микаэл:

Находились и такие, кто грабил знакомых армян. Не знаю, убивали они их или нет, но обворовывали точно. Причем обкрадывали именно пожилых, один такой случай произошел в нашем подъезде. Среди наших соседей были потомственные аристократы, владевшие очень большой коллекцией антиквариата. И эти старики, естественно, были первыми, к кому ворвались и ограбили.

Но были и другие примеры. К примеру, я помню заведующего магазином – необразованного деревенского мужчину по имени Кямал. Этот человек в тот опасный период несколько раз приезжал к нам домой и спрашивал, чем может помочь. Предлагал отвезти куда надо на своей машине. Говорил, что если при отъезде мы не сможем продать какую-то вещь – он ее купит. Такие люди тоже были...

Роман:

Кстати, во время событий мы продолжали регулярно ходить в школу и пропускали уроки лишь изредка, в том случае, когда нас предупреждали о возможных нападе-

ниях. После того, как родителям удалось продать квартиру на Низами, наши метрики изменили, мы стали Рамизом и Микаилом и периодически меняли школы, потому что нашу семью знали и могли вычислить, где мы. К декабрю 1989 года армян в Баку осталось очень мало. Наша семья тоже сидела на чемоданах, все было собрано и упаковано, а отец в Москве готовил жилье для нашего переезда. И тут произошло нападение на вторую нашу квартиру, где в тот момент находилась наша еврейская бабушка. Ее схватили и хотели избить. Одна из соседок – армянка, притворившаяся азербайджанкой, вышла и стала кричать, что эта старая женщина не армянка. Бабушке заломили руки, проверили паспорт, бить не стали, но квартиру ограбили. Мы ее тут же отправили в Москву. В этот же период участились драки в школе, на нас с братом нападали азербайджанские подростки.

Я помню, как во время драки они часто угрожали нам – вот увидите, дескать, в январе вам устроят румынские события (тогда в Румынии расстреляли Чаушеску). То есть даже дети знали, что что-то готовится. Я и матери говорил об этом, она звонила в ЦК, в центральную комендатуру, а ей говорили, что армяне просто паникуют и ничего подобного быть не может.

Микаэл:

Я учился в классе «А», то есть для одаренных детей, где азербайджанцев было очень мало – двое-трое. Один был из очень интеллигентной семьи, и мы даже дружили. Иногда приходили из смежных классов, пугали, мы дрались. Наша классная руководительница, русская – кстати, до сих пор в Баку живет, – была очень строгая, никого не впускала в класс и пыталась оградить нас от опасности.

В школе я слыл главным «дашнаком». Каждый день выслушивал оскорбления национального характера, вступал в драки. На меня побаивались нападать в одиночку, но иногда случалось. Помню, был у нас такой Заур Исмаилов, вроде из интеллигентной семьи. Однажды в кабинете географии захожу в класс и вдруг чувствую жар на руке. Резко хлынула кровь. Я оглянулся – вижу, этот Исмаилов убегает. Педагог Нелли Константиновна, тоже армянка, сразу отвела меня к тете Седе – медсестре. Оказывается, он очень глубоко полоснул меня лезвием.

Роман:

Первыми из наших соседей уехали Аванесовы, они жили напротив. Продали огромную шикарную квартиру всего за пять тысяч рублей еразам (ереванским азербайджанцам – **прим. ред.**). Туда въехала семья с двумя детьми. И вот эти дети бегали по двору и пели на армянском языке «Դարձրա՞նք մերնւն, արհաւիրքը ձեռնւն» («Карабах – наш, жаль, что в руках турок» – **прим. ред.**).

Микаэл:

Они приехали, кажется, из Кафана целыми и невредимыми и привезли с собой домашних животных – баранов и коз. И вот в этой шикарной квартире, в ванной комнате поставили деревянные ясли и кормили своих животных. Сами они в буквальном смысле слова светились, потому что все зубы у них были золотые. Вместе с тем новые соседи были достаточно дружелюбные, во всяком случае, ничего злого об армянах они не говорили.

Начались новогодние каникулы 1990 года. Обычно, когда что-то происходило вокруг школы, мы звонили моей однокласснице Антонине Наджаровой, которая жила рядом со школой. Ее дедушка был известный профессор Наджаров. Мы звонили им и спрашивали, как там ситуация, опасно ли идти в школу. 12 января, когда каникулы уже заканчивались, мама позвонила им. И Тонина мать, рыдая, начала кричать в трубку: «Жанна, ты себе не представляешь, что происходит! Идет толпа. Огромная толпа, больше ста человек...»

Мы быстро кинулись на балкон – посмотреть, что происходит во дворе. Никого не было. Мы заперлись сами и начали кричать соседям, мол, запирайтесь, идет толпа. В то время у нас еще оставались три армянские семьи – мы, Арустамовы-Арутюновы и Парсадановы, к которым к тому же, спасаясь от расправы, переехала родственница 94 лет. И тут толпа ворвалась в наш двор. Мы успели запереться, но дверь в квартиру Арустамовых-Арутюновых выломали сразу. И всех выволокли во двор, бросив на проезжую часть. К счастью, их дети – мальчик и девочка, примерно наши ровесники – были у нас. Они стояли на балконе и видели, как родителей топчут ногами, избивают палками и кипятком из чайника поливают... Бабушка кричала, звала на помощь, ее схватили, сломали руку и тоже бросили на проезжую часть. Потом Иру и Вову – родителей – увезли куда-то...

Мама строго велела нам закрыть ставни, чтобы мы не видели эту страшную картину, но мы через щелочки все видели. Вторую семью – Парсадановых – избивали дома. Там было три женщины: одной сорок с небольшим, две старые женщины и еще мальчик лет 8–9. Одной из старушек – 70-летней Марии – руки поломали и обожгли сигаретами, 94-летнюю Шушаник ударили швейной машинкой и рассекли голову. Она потеряла сознание, но выжила. А во дворе бандиты развели костер и жгли паспорта армян.

У нас, естественно, началась паника. Мы бросились звонить во флотилию, потом мама позвонила начальнику милиции. И когда погромщики начали выламывать нашу дверь, во двор въехал первый КамАЗ с матросами. Увидев их в щелочку, мы открыли окна и стали кричать матросам, что вот только что наших соседей забрали в заложники. Погромщики тут же убежали.

Мне запомнился один интересный факт. Когда мы через двор выходили, я заметил, что за какие-нибудь полтора часа весь двор оказался усыпан порванными фотографиями, книгами и документами из армянских квартир. Какой-то особый кайф для погромщиков состоял в том, чтобы имущество забрать себе, а то, что им не нужно – фотографии, книги, документы – порвать и рассыпать во дворе.

Матросы отвезли нас в казармы. Там уже находилось около 400 человек с нашего района, кого удалось спасти матросам Каспийской флотилии. Было очень много русских, армян и в офицерском составе. Много раненых, обожженных, порезанных, в основном пожилых людей, с ужасными синяками на лицах, со следами ожогов от потушенных сигарет. С каждым часом привозили все больше и больше избитых, замученных, окровавленных, полуживых людей.

Где-то в 4–5 утра, когда мама опять пошла за кем-то, чтобы спасти и привезти, вдруг объявили, что нам надо уезжать, потому что мы не имеем права тут оставаться. Они не разрешали звонить, говорили, что все телефоны прослушиваются и гражданский порт перекрыт. И если, мол, узнают, что армяне уезжают через военный порт, то затопят корабли перед бухтой и вывезти людей будет невозможно.

Роман:

Нас буквально впихнули в алабашку – это такой желтый автобус, и повезли на ка-

кой-то поломанный пирс. По этому пирсу мы шли очень долго. Потом погрузили на корабль, который был рассчитан на 250 человек, а беженцев было раза в три больше. Когда мы отплыли, корабль аж просел от тяжести. Потом вдруг резко ухудшилась погода, начался ливень, поднялся сильный ветер. Нам запретили выходить на палубу. И вот мы сидим в этих трюмах, каютах, качает ужасно, у всех началась рвота из-за морской болезни, кроме бабули и меня. Нижние каюты уже начало затапливать.

Одна женщина в нашей каюте была на коляске, ее спускали с балкона на связанных простынях. Люди рассказывали друг другу, как они спасались. Как пожилых женщин 60–80 лет привязывали полотенцами и спускали с одного этажа на другой... Короче, кошмар был какой-то. Избитые, полумертвые, обожженные, окровавленные люди на корабле, нижние этажи которого уже заполнялись водой...

Миша:

И при всем этом измученные и изувеченные женщины сидят и шутят... И мы тоже — рассказываем и смеемся. Никто не плакал!

Подавляющее большинство на корабле были армяне. Помню парня — на вид чистый русский, лет 24–25. Также избитый. Я его спрашиваю: «А тебе за что попало?» А у меня, говорит, фамилия армянская. Мама литовка, а папа полурусский-полуармянин. Один эстонец был весь в синяках. Случайно оказался в Баку в это время и его приняли за армянина, смуглый был.

Интересно, что корабль плыл больше трех дней, хотя обычно этот путь занимает полтора-два дня. На третий день шторм утих и мы поднялись на палубу. На ней было много вмятин от сильных волн. Берег был уже виден и нам сказали, что мы приплываем в Махачкалу. И тут наш корабль загорелся. Из-за перегруза приходилось использовать гораздо больше топлива. От жара загорелась труба.

В Махачкале нас ждали: на пристани полно людей, милиция, десятки машин «скорой помощи». Они нам помогли выгрузиться с корабля, усадили в автобусы и повезли в казармы. Больных и раненых увезли в госпиталь, остальных опросили. Когда повели кормить, персонал и помогавшие нам люди начали расспрашивать, что же с нами случилось. Я хорошо запомнил эту картину: очевидцы и жертвы рассказывают и шутят, а те, кто слушают про эти ужасы, сидят и рыдают. Они все были в шоке.

Казармы переполнены — наш корабль, как выяснилось, был не первый из Баку. Люди сидели на полу, мы с братом спали на бильярдном столе, это была наша кровать. Потом дозвонились до матери, узнали, что у нее все в порядке и в Баку ситуация немного успокоилась. Спустя несколько дней некоторых отправили в Ереван, где у них были родственники, а мы уехали на поезде в Москву. Там на вокзале тоже стояли машины «скорой помощи». Перрон был оцеплен милицией, тех, кто нуждался в лечении, грузили в машины «скорой помощи», а остальных отправили в пансионаты в Подмосковье. Те беженцы, у которых не было родственников в Москве, остались жить там — пусть и в тесноте, но в более-менее нормальных условиях. Так вот им помогла Россия.

Надо сказать, что уже начиная с конца 1988 года американское посольство в Москве начало принимать документы армянских беженцев из Азербайджана, которые хотели эмигрировать в США. Отец в ходе одной из командировок в Москву сдал наши анкеты. Естественно, обратный адрес указал бакинский. И вот в 1992 году мы, живя в Москве уже почти два года, решили узнать, что случилось с нашими анкетами. Позвонили в посольство, а там говорят, что у нас через две недели интервью на выезд. Мы были в шоке. Нам дали целую стопку документов, которые мы должны заполнить на английском. У бабули была университетская подруга, Греза ее звали, она тоже была врачом, а ее родная сестра была преподавателем английского. У сестры еще 40-летняя дочка была, инвалид, она не ходила. Они сильно пострадали во время погромов. Мать и дочь зверски избили. В результате у дочери резко ухудшилось состояние, потому что ей переломали кости. И с тех пор она была уже абсолютно недвижима. Они тоже бежали в Москву. Вот сестра Грезы и помогла с переводом документов.

Роман:

Нам удалось вывезти из Баку кое-какие ценности — серебро, золото, немного денег. А многие семьи приехали абсолютно без ничего, буквально с пустыми руками, их обобрали до нитки. Армянское посольство в Москве организовало акции по сбору одежды и самого необходимого для беженцев. Мы туда часто ходили по своим делам, даже коридоры были просто устланы людьми. Бесчисленное множество беженцев в течение многих месяцев жило буквально на полу в коридорах посольства. Гарри Каспаров тогда очень помог, примерно через полгода после нашего приезда в Москву

он раздал бакинским армянам по тысяче с лишним рублей на семью, это были тогда большие деньги.

Микаэл:

Мы следим за ситуацией в Армении и знаем, что в Азербайджане создана целая индустрия лжи и фальсификаций, с помощью которых азербайджанское руководство пытается не просто приуменьшить или исказить то, что происходило с армянами Азербайджана в 1988–1990 гг. в Сумгаите, Баку, Кировабаде, Карабахе, а перевернуть все с ног на голову и представить ситуацию в совершенно ином свете. Именно поэтому столь важно собирать документальные свидетельства очевидцев и свидетелей произошедшего.

Хочу еще отметить, что в те годы около 50 тысяч азербайджанских армян оказались в Америке. В основном живут они достаточно хорошо, многие создали свой бизнес. Но психологическая травма от пережитого осталась у всех навсегда: большинство людей не хочет вспоминать, рассказывать о том, что случилось с ними, или что они видели.

Вместе с тем многие армяне из Азербайджана, как, например, наша семья, занимаются благотворительностью и помогают Армении и Карабаху. Мы участвуем во всех общенациональных телемарафонах, кроме того, в течение последних 14–15 лет активно содействуем компьютеризации школ и других учреждений в РА и НКР.

Сан-Франциско, штат Калифорния, США

31.03.2014 г.

АЛЕКСАНДР НИЯЗЯН

Я родился в Баку, а отец мой из Ленинакана. Он участник Великой Отечественной и в Баку приехал уже после войны. А мать моя родом из Шемахи. Моя бабушка видела турок в Баку еще в 1918 году. Она помнила Шаумяна, видела англичан. Об англичанах у нее были хорошие

воспоминания, говорила, что они были добрые, кормили детей шоколадом. Бабушка помнила и резню в Баку, устроенную турками. Три дня там убивали армян. Родня наша была зажиточная, имела и деньги, и имущество. Они скрывались у соседей, но турки нашли их и хотели убить их всех. Они отдали все, что у них было, чтобы спасти и себя, и соседей. Один из аскеров увидел у моей прабабушки золотое кольцо на пальце, но не смог его снять и хотел саблей отрезать палец. Бабушка, ей было тогда 8–9 лет, укусила его за руку, чтобы защитить свою мать, и он хотел ее зарубить, но его остановил турецкий офицер.

Это все мне рассказывала сама бабушка, звали ее Ареват Аракелова. Она умерла уже в Армении в 1993 году.

Когда начались эти события, моя жена, она русская, работала на бакинской скорой помощи. И когда случился Сумгаит, она рассказывала, что машинами везли оттуда трупы армян на базу скорой помощи. Она сама видела это и говорила, что машины были полны человеческих тел. Но отказывалась говорить, в каком состоянии были эти тела.

Потом начались митинги, в Баку ввели комендантский час. Из Москвы приехали какие-то военные и им нужен был фотограф, чтобы все это снимать и отправлять в Москву. И они взяли меня в качестве фотографа. Это был еще 1988 год, я с ними ездил повсюду и снимал. В городе на самом деле творился кошмар, эти военные были просто в шоке. Они говорили, что это какой-то каменный век, что не представляли, что такое вообще возможно в Советском Союзе. Эта толпа... это же были не обычные митинги, которые везде проводятся, а бешенство какое-то. Моя жена – мы временно жили раздельно – жила тогда в окрестностях Баку, и в тот

период я постоянно ездил к ней. К концу 1988-го там уже почти не осталось армян, но поскольку внешность у меня не армянская, я ездил на транспорте, хотя риск, конечно, был очень большой. И в один из таких дней я окончательно понял, что все, пора уезжать. В тот вечер я вышел от жены, чтобы ехать обратно домой. Пришел на остановку, стою, жду – автобусов нет. А мне там долго стоять было опасно, и я взял частную машину. Водитель был азербайджанец, я попросил его отвезти меня в центр города. Он подумал, что я тоже азербайджанец, потому что уже трудно было представить, что армянин может так спокойно разъезжать по городу. Мы проехали пару километров, и вдруг видим – толпа идет. Он говорит: «Я не могу тебя дальше везти, видишь, что происходит?» Я вышел из машины и пошел вместе с толпой, как один из митингующих. Позвонить было неоткуда, и я прошел с ними довольно длинный путь. Потом мне удалось позвонить другу-азербайджанцу, который приехал на своей машине и забрал меня. Мы поехали на аэровокзал, я хотел сразу взять билеты и уехать. У авиакасса почему-то было мало народу, и я подумал, что повезло и я без проблем возьму билет. Но оказалось, что именно в это время там проходит огромная демонстрация. Аэровокзал уже тогда охраняли русские солдаты с автоматами. Их было немного, человек, может быть, десять, но у них были автоматы. Я купил билеты и уже хотел выйти из здания, как вдруг увидел эту огромную толпу. Их было очень много и в основном это были молодые люди. Меня удивило, что впереди шла молодая женщина с черным флагом в руках. Я очень хорошо это запомнил. Не знаю, почему она черный флаг несла, а не, скажем, зеленый. Они все кричали что-то. Нас, армян, там было человек тридцать, и они начали орать особенно громко, когда проходили мимо нас. Если бы не русские солдаты, нас бы точно всех перебили.

Это был декабрь 88-го. В Баку в этот период было уже очень опасно. Если бы не землетрясение в Армении 7 декабря, там точно начались бы погромы. Но после землетрясения все на время затихло.

Мой сын родился в Баку в марте 1990 года. Меня в это время уже не было там. Жена беременная поехала в Баку забрать вещи, ей, русской, было не так опасно. Она ждала машину, чтобы погрузить вещи, но соседи так загрузили контейнер, что места уже не осталось, и уехали, не предупредив ее. Жена ждала-ждала и в ито-

ге так перенервничала, что у нее случились преждевременные роды. Она попала в Кировскую больницу и там родила. Сначала все было нормально. Но когда пришел момент выписываться, понадобился паспорт, а там написано, что муж армянин. Когда главврач это увидела, она так зло сказала, что они, мол, помогли появиться на свет армянину. Закатила скандал, и жена вынуждена была схватить почти голого ребенка и убежать из больницы, хорошо, там ее мать ждала внизу. Сын мой сейчас в Таиланде. Он, кстати, очень хочет Карабах увидеть. Поедем, конечно.

Хартфорд, штат Коннектикут, США.

25.03.2014 г.

Рудольф Амирян
Проживал в Баку по адресу:
поселок Монтино,
ул. Ага-Нейматулла.

Я коренной бакинец. Мой отец родился в Баку в 1925 году. В их семье все работали на табачной фабрике, там целый музей был Амировых. Моя фамилия сейчас пишется Амирян, но дедушка, дядя и все остальные наши родственники были Амировы, поменяли фамилию в 1918 году, когда в Баку была резня армян. А мою прабабушку с материнской стороны звали Цахик-бабо, и с этой стороны мои корни из Западной Армении.

Во время Геноцида они бежали из Турции, то ли из Карса, то ли из Вана – точно не знаю. Хорошо помню, как в детстве приходил к Цахик-бабо, она вспоминала прошлое и рассказывала о том, что и как было в ее жизни. У нее было трое детей: Сато, Варсо (Варвара, это наша бабушка) и Гариб, фамилия – Карапетян. Прабабушка рассказывала, что во время событий начала века, спасаясь от турецкой резни, она с детьми и родственниками бежала и добралась до реки Аракс, чтобы перейти ее и попасть на территорию Армении. Переходить Аракс, да еще с тремя детьми, было очень трудно, уровень воды в те времена был высокий, но другого способа спастись не было. Моя бабушка была самой младшей из детей. А Цахик-бабо могла перенести через реку только двоих – на руках, приподнимая их в тех местах, где вода была особенно высокой. У нее не было выбора, в противном случае убили бы всех. И она решила спасти хотя бы двоих детей, старших.

Оставила мою бабушку под камнями, в скале, решив, что Бог с ним, с этим ребенком – что будет, то будет. Нужно было поскорее переходить границу – янычары с саблями, на конях догоняли и убивали. Те, кому удалось спастись, перешли Аракс и оказались в безопасности на другой стороне реки. До вечера ждали, боясь выходить из укрытия. Потом все ушли, а вот у прабабушки моей материнское сердце все-таки не выдержало, и она пошла обратно, снова перешла реку и нашла свою дочь там, где

оставила! Так наш род с материнской стороны и спасся. Это мне Цахик-бабо часто рассказывала и этого я никогда не забуду. Трудно вспоминать эти ужасы, но в нашем роду мы все помним и будем всегда помнить. Моего прадеда тоже там убили...

Рассказывая вновь и вновь свою историю, Цахик-бабо начинала причитать, а мы ее утешали: «Не надо, мы здесь хорошо живем, турок, армянин – разницы нет, все нормально». А она постоянно говорила, что вы, мол, не знаете, что такое турок. Но в советское время, при советской власти никто не обращал особого внимания на ее слова.

В Баку мы жили в интернациональной среде, дружили с азербайджанцами, русскими, евреями и даже не думали о том, что с нами может произойти что-то подобное. В своем доме, в своем дворе я прожил 30 лет и всегда чувствовал уважение соседей и знакомых к нашей семье. Мы были коренными бакинцами, мои дедушка, отец и мать работали всю жизнь на одном предприятии. Так продолжалось до 1988 года. И когда случился «сумгаит», нам вдруг стало ясно, что все не так просто, мы стали понимать, что нас начнут преследовать и убивать только потому, что мы родились армянами.

Это было 27, 28 и 29 февраля. Мы толком не знали о том, что происходило в те дни в Сумгаите. Люди, правда, шушукались, делились какими-то слухами – не только армяне, но и азербайджанцы, русские, других национальностей. Разумеется, власти об этом ничего не говорили, все скрывалось, все делалось для того, чтобы не было широкой огласки. Но люди понимали, что происходит, и ужасались, даже азербайджанцы, которых было много среди наших друзей. Мы все были в шоке от того, что произошло в Сумгаите.

Я оставался в Баку до 31 декабря 1989 года. За две недели до январских событий оставил все и уехал. За эти два года чего только не пришлось услышать – напали, избили, порезали, изнасиловали, убили... В нашем дворе армян к тому времени почти не осталось. Семья Азнаурянов была – отец Миша, мама Соня, дети Юра, Эдик, Лева, им тяжело пришлось, на дом все время нападали. Они уехали. Другая семья, третья, четвертая... И наступил момент, когда я остался один. Быть армянином в Баку в те годы означало быть приговоренным к смерти. Меня спасало то, что я владел их языком. Когда останавливали на улице, спрашивали, ты армянин, я говорил – ты сам армянин. (Они обзывали друг друга «армянином».) Надо было как-то защищаться, потому что

азербайджанцы носили с собой паспорта и показывали бандитам, которые ходили по улицам гурьбой, по 40–50 человек. Это были в основном члены Народного фронта Азербайджана, они останавливали людей и проверяли национальность. Как армянин я не мог показать паспорт, поэтому на этот вопрос всегда удивлялся, мол, зачем мне паспорт. Я отвечал на хорошем азербайджанском языке и они верили.

Моему отцу в то время было под 70. Его два раза избили на улице Кецховели. Подошли, спросили: «Ты армянин?» Ему, пожилому человеку, стыдно было лгать. И человек восемь напали на него, избили. Он пришел, смотрю – ухо у него в крови, раны по всему телу. Спрашиваю, что случилось? Сначала он мне не говорил, но позже рассказал. Потом это повторилось. В нашем дворе постоянно на кого-то нападали. Мы боялись оставаться дома, во дворе сидели. Кто с чем, даже коктейли Молотова приготавливали. Думали, если зайдут во двор, то должны защищаться, мы ведь не овцы и не бараны, чтобы нас просто так убивали.

Часто говорят о том, что армяне в Баку не сопротивлялись, не защищались. Но у нас не было оружия, а против нас и власть была, и милиция, трудно было противостоять. А когда ввели военное положение, на улицах стояли солдаты, русские ребята в основном, и они нам откровенно говорили, что у них даже патронов нет и им дали указание не стрелять. Мы понимали, что это все заранее организовано. Когда по улицам уже опасно было ходить, мы сидели дома. Но откуда они в таком случае знали, что в этом доме армянин живет? Это ведь в ЖЭКах им давали списки. Они по этим спискам приходили, стучали в двери армян, говорили «Мы пришли от Народного фронта Азербайджана» и заявляли, что эта квартира принадлежит тому-то или еще что-то. Мне приходилось пару раз открывать им дверь и говорить, что эта квартира давным-давно куплена азербайджанцами и армяне здесь не живут. Я ведь не мог один против 20–30 человек пойти. И все это продолжалось не день, не два...

Один из родственников моей жены работал в то время в Сальянских казармах, в звании подполковника. Фамилии его я уже не помню, а звали Рубен. Как-то он мне сказал, что пора уезжать из Баку, есть данные контрразведки о том, что готовятся погромы. Я ответил, мол, как не стыдно говорить такое, а еще человек со званием и чином, если ты знаешь об этом, значит, все знают – и в КГБ, и в Москве, как же могут

допустить такое! А он мне сказал, что это точно произойдет. Мы тогда были наивные, думали, что то, что произошло в Сумгаите, не может повториться в Баку. А оказалось, что может, и в Москве все прекрасно знали. Я в этом убедился, когда все это случилось. В январе ведь советские войска вошли не для того, чтобы защитить армянское население. Армян к тому времени уже два года, с 1988-го, везде, по всему Баку преследовали, убивали, избивали и грабили. Но на это никто не обращал внимания. И только в январе 90-го ввели войска.

Мое счастье, что я раньше уехал. Когда пришли мою квартиру захватывать, мы стояли на улице и ждали подполковника Рубена, чтобы он кое-какие вещи помог перевезти в Ереван. Это было 31 декабря 1989 года, то есть за две недели до погромов – уже массовых. Нас предупредили о том, что ожидаются страшные события. Точно так же, по «армянской почте», нас предупредили осенью 1988 года, и многие именно тогда покинули Баку, прямо перед землетрясением. Я сам уехал тогда в первый раз и был в Ереване во время землетрясения, но в Баку оставались мой отец и дедушка. И я вернулся, чтобы попытаться продать квартиру.

Мне предлагали три тысячи рублей за квартиру, которая тогда стоила 15–20 тысяч. А нам надо было купить жилье в Ереване. Назначали цену: машина у тебя есть – вот тебе 500 рублей, или вот тебе 1000 рублей. Так и пришлось все оставить и уехать. И мою квартиру, и жены, и сестры – два года ее ремонтировали – тоже оставили и уехали, без ничего, даже без документов, кто бы нам дал в ЖЭКе документы...

Помню еще кресты на армянских квартирах. Они так отмечали дома армян, чтобы потом прийти и разгромить. Кресты на дверях я сам видел, это было уже в те дни, когда Народный фронт взял власть в свои руки. Фактически войска вошли в город, чтобы советскую власть защищать, а не армян спасать.

Еще помню такой случай. При мне армянка зашла на монтинский базар и там, видимо, кто-то из азербайджанцев просто глазами показал на нее – так очень часто случалось. И тут все взяли гири и бьют по прилавкам, кричат. Спрашиваю, что случилось. Оказалось, армянку поймали. Потащили ее куда-то, но пришел директор базара и оттащил ее от толпы. Я лично видел, как ее вывели и довели до микроавтобуса. Она туда села, а эта толпа стала раскатывать машину. Я позвонил в милицию и сказал,

что вот такое тут творится. Меня спрашивают: «Ты азербайджанец?» Я отвечаю «да». И милиционер говорит: «А чего тогда вмешиваешься?»

То же самое произошло, когда мать моя звонила в райотдел, когда мы на Монтино жили. Она хотела сигнализацию провести в квартиру. Ей сказали, мол, если ты не армянка, то чего боишься? Армяне все отсюда уедут, так что тебе не надо ничего проводить. Так мы поняли, что никакой защиты у нас нет – ни от азербайджанских властей, ни от милиции, ни от этих бедных военных, которых привезли безоружными, без права стрелять.

Сейчас все это очень трудно вспоминать... Я в свое время закончил экономический факультет Института народного хозяйства, потом партийную школу в Москве, учился в военной части МАИ в Подмоскowie, служил в ракетных войсках... Но вся моя карьера пошла насмарку. А ведь мы, кроме хорошего, ничего никому не делали. Мы никого не убивали, у меня и моей сестры высшее образование, вся наша семья Амировых работала на табачном заводе. Мой дедушка 40 лет работал там заведующим производством, до этого директором был. Прабабушка была замужем за Аршаком Мирзабеяном, который до революции был хозяином табачной фабрики. Мы никому плохого не делали, только хорошее... И только из-за того, что я родился армянином, меня нужно было убить.

Нью-Йорк, США

23.03.2014 г.

РОАЛЬД РЕШЕТНИКОВ

**Проживал в Баку по адресу:
ул. Оранжерейная, 3, кв. 13
(8-й километр).**

Я – коренной бакинец, родился и жил в Баку, все мои предки и члены семьи тоже бакинцы.

По профессии инженер, работал главным механиком автоэкспедиционного треста. В Баку приходилось очень много встречаться с людьми разных национальностей, и, хотя внешне отношения были толерантные и даже дружелюбные, я всегда замечал, что на самом деле у азербайджанцев ощущалось недоверие к армянам.

В начале марта 1988 года, буквально через день после погромов в Сумгаите, мне по работе пришлось ехать в сумгаитскую транспортную контору. По дороге, при въезде в город, нам показали небольшой двухэтажный дом, который балконами выходил прямо на улицу. Там, конечно, все было уже убрано, но нам показали балкон, с которого выбросили мужа и жену. И рассказали, что их вначале подожгли, а потом горящими сбросили вниз. С нами ехали коллеги-азербайджанцы, и они тоже очень негативно отнеслись к этому.

Спустя какое-то время мы поехали в Набрань, это курортная зона. По пути у всех проверяли паспорта, багаж, причем не милиция, а представители Народного фронта. Милиция, правда, тоже была. Электричка долго не могла уехать, пока они шныряли туда-сюда. Этим поездом уезжали и несколько армян, и они хватали и открывали их чемоданы, разбрасывали вещи по перрону. Дети кричали, плакали. У некоторых на лице я увидел кровь, а когда немножко отошел от перрона, услышал вдруг дикий крик. Потом мне рассказывали, что там женщину-армянку буквально разорвали пополам.

Контора наша находилась недалеко от площади Ленина, где и происходили все митинги. Народу на них было много, повсюду видны были народнофронтовцы с повязками. На митингах звучали лозунги: «Смерть армянам!», «Горбачев, накажи армян!».

По улицам часто проходили демонстрации, шествия, которые производили жуткое впечатление: молодые люди, фактически мальчишки, шли, перевязанные этими повязками, с черными плакатами, на которых было написано «Смерть дашнакам!». Во всем этом было что-то чисто мусульманское, агрессивное.

На площади стояли машины, с которых бесплатно раздавали минеральную воду, сигареты, подъезжали машины, постоянно привозили людей, хотя и без того народу было очень много. Стояли с поднятыми кулаками. Представители власти выступали с трибуны и обещали, что будет все хорошо, что они все уладят, все успокоится. У меня в кабинете в эти дни поставили телевизор, и все приходили смотреть. В основном выступали представители интеллигенции. И эта интеллигенция показала свое полное бессилие, поскольку поддерживала именно агрессивную часть населения. На митингах и по телевидению часто выступали поэты. Это был какой-то разгул... Все были настроены агрессивно.

У нас была партнерская организация, снабженческая, которая находилась напротив нашей конторы, я часто туда по работе обращался. Когда там вдруг узнали, что у меня жена армянка, начальник отдела перестал со мной разговаривать. Я говорю: «Почему ты со мной не общаешься? Мне нужно у вас оборудование получать». Он ответил: «Иди к своей армянке, женился на армянке, теперь приходишь к нам».

Были и другие случаи. Работал у нас в отделе эксплуатации Борис (не хочу называть фамилию), полуармянин-полуазербайджанец. Жена у него была армянка. Так вот, на работе над ним устроили целое судилище и заставили развестись. Мы с Борисом дружили, и он потом мне рассказал, что супругу с ребенком услал куда-то, кажется, в Москву, а сам фиктивно женился на азербайджанке, чтобы его оставили в покое.

Моя жена уволилась с работы раньше, по состоянию здоровья: у нее был диабет. Когда начались все эти события, многие армяне – наши соседи по двору, по подъезду, начали уезжать. Были и такие, кто хотел остаться, и они вырыли у себя подвал. Я тоже стал копать дома подвал, чтобы спрятаться в случае чего, ведь у нас жили дочь с внучкой... Мы с женой буквально в шапках выносили землю, чтобы никто не видел. Через три месяца подвал был готов.

Ситуация к январю 90-го была уже предельно накалена. А та ночь, когда погром

случился в нашем здании, была вообще кошмарной. Всю ночь к нам в подъезд заходили, выходили, билось стекло, хрусталь, они воровали, грабили, выносили вещи... Утром, когда мы вышли, увидели повсюду остатки битого хрусталя. Они, видимо, хотели и с нами тоже что-то сделать, но мы русские, к тому же у меня со многими были хорошие отношения, у нас и смешанные семьи жили, а некоторые соседи работали со мной вместе, это был ведомственный дом строителей. Потом соседи мне сказали: «С твоей женой хотели сделать то же самое, что и с другими, просто мы вступились, сказали, что ты наш хороший приятель, помогал нам».

Январские погромы мы пережили. Женщины спускались в подвал, я закрывал их крышкой, и так мы ночевали. Сам не спускался к ним, иногда выходил в город. На улицах стояли бронетранспортеры и танки, было много десантников. Войска вошли в Баку уже после погромов, спустя целую неделю после начала резни. Это негодяй Горбачев допускал такие вещи, хотя можно было войти раньше и спасти людей, тот же генерал Лебедь пишет об этом в своих воспоминаниях.

Во время погромов я ничего не видел. Как-то шел с площади Ленина, проходил по улице Большой Морской, мимо телефонного автомата, и заметил, как один из тех, кто ходил с повязками, сообщал другому адрес. Было совершенно ясно, что у них был план и они шли по конкретным адресам. Я в тот день лично слышал, когда этот народнофронтовец передавал адрес, куда надо идти. А сразу после погромов какое-то время было затишье. Начали даже по радио транслировать передачи с участием армян, хотели что-то наладить, но видно было, что все это делается по принуждению, потому что никто ни в какую дружбу уже не верил.

В наш пятиэтажный дом вселились «еразы» – азербайджанцы из Армении. Как-то утром я пошел на работу, жена оставалась дома. И вдруг прибегает сторожика и говорит, что меня срочно к телефону просят. Я буквально побежал и схватил трубку, жена говорит: «Сейчас же приезжай, не знаю, что делать!» Поехал домой, дочка сказала, что мама у Симы, это наша соседка-татарка со второго этажа. Я, конечно, кинулся туда. Сима открыла мне дверь, смотрю – жена стоит посреди комнаты вся бледная, говорит, что приходил сосед-«еразовец», сказал, что будут погромы, убегайте, мол. Потом уже выяснилось, что он был в сговоре с этой соседкой и они намеренно пустили слух о том,

что якобы будут погромы, чтобы армяне бежали на вокзал. И мы на это клюнули.

Я пошел в аэрокассу, взял билет для жены на Минводы. Днем, часа в три, мы поехали в аэропорт, она прошла регистрацию. Когда ее пропустили на посадку, я уже думал, что все, она сядет в самолет и улетит. И вдруг слышу ее крик – она звала меня. Я распахнул дверь в накопитель и увидел, что ее держат за руки. Она мне говорит, что ее задержали и не дают улететь. Тут азербайджанец, мальчишка-милиционер, начал матом меня крыть, мол, чего ты на армянке женился, раньше надо было думать. Я сказал, что никуда не уйду, пока мою жену не выпустят. Он ответил: «Не уйдешь – мы тебя сейчас на поле расстреляем». Я стал кричать в надежде, что услышат за дверью. Милиционер подбежал, ударил по лицу жену, потом меня. Я снова стал кричать: «Русские, уходите отсюда, здесь русских бьют, уходите!» Потом сел на пол и сказал, что никуда отсюда не уйду.

Вскоре пришел капитан и сказал: «Успокойтесь, мы что-нибудь предпримем, вы сейчас должны пройти в милицию». Вывели нас за поле, отвели в милицию (я в своей книге это описал) там же, в аэропорту. Маленькая комнатенка, сидят там еще три женщины, которых тоже задержали, причем одна из них – 74-летняя армянка, муж у нее азербайджанец, а сын воевал в Карабахе против армян. У другой двое маленьких детей, муж-азербайджанец внизу стоял, работник милиции, но в гражданском. И еще одна женщина.

Почти всю ночь я провел там. У жены был диабет и ей надо было обязательно что-нибудь поесть. Я слышал, как дежурный говорил по телефону, причем на русском: «Да, они здесь сидят, больше никого нет. Акцию можете продолжать». Я ему через окошко сказал, что у нас дочка в Америке (она на самом деле уже там была) и я сейчас позвоню ей и она сообщит средствам массовой информации обо всем, что тут творится. Он, видимо, услышал и говорит по телефону: «У нее дочь в Америке».

Я поехал домой, чтобы привезти жене еду. Зашел, взял апельсин, еще что-то. Мать моя, старая уже женщина, все спрашивала, что случилось. Плакала... Я ей говорю: «Успокойся, сейчас не до слез». А дочка вторая уехала в Ставрополь к моей двоюродной сестре и должна была вот-вот вернуться. Я все думал, что ей сказать про мать? Ведь буквально накануне мы получили разрешение выехать в Америку.

Я вернулся в аэропорт, было уже утро. Ждем. Капитан сказал, что должны приехать из Министерства обороны и Народного фронта и решить судьбу задержанных. Приехали, в черных плащах, в черных шляпах, где-то с полчаса сидели у начальника милиции. А я еще до этого зашел к начальнику, говорю ему: «Что вы делаете? Зачем вы невинных людей задержали?» А он мне отвечает: «Идите вниз, а то мы вас тоже возьмем». И всех нас погнали вниз. Были там мужья, еще два человека, работник милиции в гражданском и еще один мальчик.

Мы стояли внизу, прямо напротив депутатской комнаты. И вдруг я увидел, как приезжает и останавливается черная большая машина и оттуда выходит председатель Совета министров Гасанов (я знал его в лицо), предводитель мусульман Закавказья Аллахшукюр Пашазаде, Сайрус Вэнс¹ (я потом узнал, что это он) и еще двое высоких, хорошо одетых джентльменов. И все идут в депутатскую комнату. И тут мои товарищи по несчастью говорят мне: «На нас, азербайджанцев, они внимания не обратят и слушать не будут. Ты русский. Это последний шанс – иди туда». Я пошел, почти побежал туда. Аллахшукюр Пашазаде, расставив ноги, в коричневых брюках в полоску сидел на диванчике, возле окна с видом на аэропорт, с другой стороны сидели американцы, а напротив Гасан Гасанов. Я опустился на колени перед Аллахшукюр-пашой и поцеловал его брюки... И сказал: «Здесь находятся невинные женщины, арестовали их только за то, что они армянки. Освободите их. В чем они виноваты?» Гасанов подошел и поднял меня, начал успокаивать. Аллахшукюр говорит: «Не беспокойтесь, мы поможем вам, мы все сделаем». Сайрус Вэнс тоже наклонился надо мной, говорит, мол, встаньте, не беспокойтесь. Я поблагодарил их и вышел на деревянных ногах. Подошел к товарищам по несчастью, рассказал им все, сказал, что обещали помочь.

Может быть, Бог сжалился над нами... Потому что тут я увидел, как по лестнице спускаются наши женщины с сопровождающим. Я обрадовался, думаю, ну слава Богу, наконец... Нас посадили в машину, в старый УАЗик, без сидений, мы сидели просто на полу, на грязном полу. Разрешили сесть мне и милиционеру-азербайджанцу. Впереди сел тот тип из Народного фронта, за рулем был лейтенант. И по дороге этот подполковник-народнофронтонец начал бить 74-летнюю женщину, у которой сын воевал в Карабахе.
1 Сайрус Вэнс (Cyrus Roberts Vance) – американский государственный деятель, бывший госсекретарь США (январь 1977 – апрель 1980 гг.).

бахе за Азербайджан. У нее, оказывается, было два паспорта: один на азербайджанку, другой на армянку, и они это обнаружили. И этот ругает ее, говорит, мол, ты, сволочь такая, хочешь сойти за азербайджанку? Женщина просто сидела и плакала.

Нас стали возить по тюрьмам. Повезли вначале в Шувеляны, в Шувелянскую тюрьму. Каменный забор, лейтенант зашел туда с каким-то списком. Минут через 10 возвращается и говорит, что не принимают. Нас снова повезли в аэропорт, снова вышел лейтенант, пошел в отделение транспортной милиции, снова дали ему какую-то бумажку. И снова нас повезли по Апшерону, в город. Жена уже даже не плакала. Я ее утешал, твердил, что все будет хорошо, но сам себе не верил. В милиции говорили, что повезут заключенных на обмен то ли в Чечню, то ли в Агдам, и очень трудно было поверить, что их в конце концов освободят. Да и она не верила. Повезли нас в женскую тюрьму, совсем рядом с местом моей работы, буквально через дорогу. Там тоже не приняли. Дальше повезли нас в Баиловскую тюрьму. Машина остановилась перед зданием, нас, мужчин, высадили, а женщин повезли в тюрьму. Я спрашиваю у этого народнофронтовца, может быть, надо им поесть привезти, как же можно оставить так? А он мне опять, мол, не надо было на армянке жениться. Вокруг меня постепенно стала собираться толпа, один подошел, говорит: «Уходите, они с вами хотят расправиться». Я решил уйти. И пошел в бывшую гостиницу «Интурист», где располагалось американское посольство, чтобы все сообщить. Рассказать, что дочка наша в Америке, а здесь ситуация вот такая вот... Сел в автобус, но так и не сошел у посольства. Потому что понял: охранники-азербайджанцы не дадут мне даже зайти туда. И я решил ехать в Москву.

Приехал домой. И вдруг пришла соседка и позвала меня к телефону – звонила жена. Сказала, чтобы я срочно ехал в аэропорт. Было уже 12 часов ночи. Вышел, поймал такси, таксист вначале отказался ехать в аэропорт, и только за тройную цену согласился. В аэропорту я поднялся в отделение милиции, вижу – вдоль стен стоят милиционеры, сидят наши женщины, и тут же начальник милиции. Жена бросилась ко мне, говорит, что их хотят освободить и сейчас будут звонить родственникам другим женщин. Начальник милиции, русский, сказал, что инцидент улажен, он извиняется, но нам нужно срочно уезжать, сегодня же, потому что они не могут ни за что поручиться.

Когда мы с женой ехали домой, она рассказала, что их из тюрьмы привезли снова в аэропорт и посадили в небольшой самолет, с охраной, чтобы везти в Агдам на обмен. Самолет долго не взлетал, даже пилот вышел, спрашивал, как долго еще будут стоять. Их высадили из самолета, они пошли пешком в здание аэропорта и там зашел начальник отделения милиции и разрешил им позвонить.

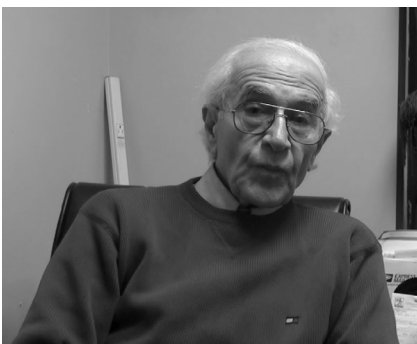
На следующий день мы поездом уехали к моей двоюродной сестре в Ставрополь. По дороге, на границе Азербайджана с Россией, в вагон вошел народнофронтовец и стал проверять паспорта. Дочь сделала матери фальшивый паспорт с еврейской фамилией и жена сказала, что мы едем в американское посольство, чтобы уехать из страны. Когда мы приехали к сестре, она сначала даже не узнала нас, так мы изменились...

В самолете, когда мы летели в Москву, жена мне сказала: «Это нельзя забыть. Все должны узнать о том, что мы пережили и что случилось с нами там». И я обещал ей и себе самому, что напишу книгу. С 1995 года, можно сказать, писал эту книгу. Вначале были отдельные куски, а в 2011 году я закончил работу и получилась такая вот исповедальная книга о событиях, что произошли у нас в Баку в конце 80-х – начале 90-х годов²...

Нью-Йорк, США

25.03.2014 г.

² Книга Р. Решетникова «Разрушение» была издана в Нью-Йорке в 2011 г.

ЦАТУРЯН ЮРИЙ АМАЯКОВИЧ

Я родился в Армении, в Горисе. Мой отец был бакинцем, но в 1918 году, когда произошел первый геноцид армян в Баку, он вынужден был покинуть город. Уехал в Грозный, выждал какое-то время, потом вернулся в Армению. Мне было 6 лет, когда родители вновь переехали в Баку, где мы жили на 9-й Свердловской, по про-

спекту Ленина.

Когда случились события в Сумгаите, я преподавал в институте. Конечно, после этого многое изменилось. Я уже чувствовал дискомфорт, некоторые из знакомых азербайджанцев продолжали поддерживать дружеские отношения, но были и такие, кто остерегался, сторонился меня. Часто я оказывался в ситуации, когда при мне заводили разговоры типа «Карабах не отдадим», «смерть армянам», «армяне, убирайтесь отсюда» и тому подобное. Даже в нашем институте случалось такое. Все это было очень неприятно, поэтому в 1989 году я уехал из Баку в Ереван, начал преподавать в Политехническом институте.

Я немного видел своими глазами. Хорошо помню агрессивные толпы азербайджанцев, днём и ночью проходивших по проспекту Ленина, прямо под окнами нашей квартиры на третьем этаже. Они шли и орал: «Смерть армянам!», «Карабах наш!». Так продолжалось несколько месяцев. Среди моих знакомых бакинцев есть люди, родителей которых выкидывали в окно, к которым ворвались в квартиры и заставили покинуть родной дом, говоря, что это, мол, наша квартира, избивали. Много слышал про убийства, но сам не видел.

Наша семья хоть и не пострадала физически, но потеряла все свое имущество. У меня двухкомнатная квартира была, и мы дружили с живущими прямо рядом соседями. Они были помоложе нас. Я как художник любил красиво обставлять квартиру и уложил прекрасный музейный паркет в обеих комнатах. Случилось так, что я отдал соседу ключ от своей квартиры на хранение, а сам переехал к тестю. А когда жена при-

шла за ключом, соседи ее просто послали куда подальше – катись, мол, в свой Ереван. Вот так у меня отняли квартиру, и такое происходило с армянами сплошь и рядом. Я не стал никуда и никому жаловаться, хотя у меня в милиции были хорошие знакомые. Просто бросил все и уехал в Ереван.

Нью-Йорк, США

25.03.2014 г.

ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ОГАНОВ

Я родился в Баку в 1942 году, вырос и жил в этом городе. Там похоронены мои прабабушка, прадедушка, отец. Очень хорошо помню мой последний день в Баку, это было в январе 1990-го. Меня, наверное, Бог спас. Мать моя жила на

Монтино, а я с семьей в микрорайоне. После Сумгаита в Баку внешне мало что изменилось, только люди начали бояться. Страшно стало жить, просто страшно. Каждый день что-то могло случиться. Меня спасало то, что я хорошо говорил на азербайджанском, да и лицо не выражено армянское. Армянам на работе говорили, что надо уезжать, оставаться опасно. В городе шли митинги, и появляться в этих местах, просто проходить рядом было невозможно. Мой сын в это время поступал в институт, он в АЗИ (Азербайджанский индустриальный институт, сейчас – Азербайджанская государственная нефтяная академия – прим. ред.) поступил. Был уже взрослым парнем, но я ходил с ним на все экзамены, чтобы в случае чего защитить. Но что я мог сделать против толпы? Мы ведь слышали, знали, что творилось в Сумгаите.

В декабре 1988-го я перевез жену и детей в Ереван. Остаться в Баку было невозможно, сын не мог ходить в институт, а дочь в школу. Мне все время приходилось быть начеку. У нас в микрорайоне уже происходили случаи, стекла разбились в армянской квартире. Я к тому времени уже отправил семью и жил один. Работа у меня была такая, что передвигался в основном на машине. Но даже при этом я был свидетелем нападений на армян. Например, шел как-то в АЗИ и увидел, как толпа людей избивает кого-то, даже не было видно, кого именно.

Я семью отправил в Армению первого декабря, а седьмого случилось землетрясение. У меня в Спитаке жила двоюродная сестра, ее сын погиб там. Его называли в честь меня Валерой, всего 10 лет было мальчику. Я хорошо помню, как в Баку радовались этому, как танцевали... Я это видел сам, слышал, как один кричал слово «Спитак» – «спи так». Были, конечно, люди, которые сочувствовали, но таких было очень мало.

Один из самых тяжелых моментов в этот период моей жизни связан с возвращением в Баку за матерью, которая оставалась там, пытаясь продать свою квартиру на Монтино и купить жилье в Ереване, чтобы мы где-то обустроились. К этому времени жена и дочка были в Красноводске, а мы с сыном в Ереване – он уже год как учился там. Самолеты из Еревана в Баку и обратно не летали. Это было где-то в конце первой декады января. Помню, приехал я в аэропорт Эребуни, смотрю, толпа стоит, все хотят вылететь. Там Зорий Балаян был, насколько я помню. Подошел к нему, говорю, вот так и так, мне надо полететь за матерью. Он покачал головой. Говорю, через Тбилиси хочу. Так и улетел. Это было 13 января, под старый Новый год. В аэропорту, когда я выходил с тбилисского рейса, случайно встретил товарища одного, азербайджанца, с которым работал вместе. Увидев меня, он испуганно спросил: «Ты куда?» Я объяснил, что вот приехал за мамой. Он говорит: «Я тебе не советую ехать в город. Вот прямо сейчас возвращайся обратно». Но я не мог оставить мать... Взял такси и поехал к матери. Я знал, что наша квартира уже давно занята, мы ведь не продали ее, оставили все и уехали. Приехал. В окнах, где жила мать, было темно, а в соседской квартире горел свет. Я покрутился, вокруг было много народу. Начал расспрашивать на азербайджанском. И понял, что либо ее здесь нет, или что-то случилось.

Поехал к товарищу, он в другом микрорайоне жил. В городе было очень беспокойно, на улицах много народу, крики, митинги. Это был уже вечер 13 января. Приехал к нему, начал обзванивать соседей, товарищей. И нашел мать. Мне сказали, чтобы я не беспокоился, они ее привезут. 14-го поздно вечером одна знакомая наша прибежала и говорит: «Дядя Валера, уезжайте, сказали, что вы у этого человека (не хочу называть его имя, он наполовину азербайджанец, наполовину армянин) находитесь». Я не захотел подставлять его. Позвонил товарищу, сказал, чтобы мать привезли в «Шафаг», это кинотеатр такой на проспекте Ленина, там собирали армян. И вышел. Взял такси, приехал в квартал, где вырос. Я шел и чувствовал запах гари, горелого мяса... Чтобы подойти к «Шафагу», надо было пройти через толпу, человек пятьдесят по ширине, и дойти до солдат со щитами. Дошел. Солдату говорю – пусти меня. Он требует паспорт. Я ему говорю, что если я паспорт покажу, то уже не войду туда. И тут офицер

один сказал, мол, пропусти его. Я прошел в кинотеатр и стал ждать. Мать привел товарищ, она была с маленькой сумочкой, еле-еле шла. Увидела меня – и в обморок упала. Очень трудно вспоминать все это...

У меня были с собой деньги, я ведь знал, куда еду. В «Шафаге» старался помогать людям, многих приводили буквально раздетыми, а было довольно-таки холодно. Помню женщину, пожилую, она замужем за азербайджанцем была, три сына. Она говорила, что за ней пришли, чтобы вывезти, а сыновья кричали, хотели оставить ее дома, но все было бесполезно. К тому времени уже подключился так называемый Народный фронт, который хотел показать, что, дескать, из Баку спокойно вывозят людей. Нам сказали, что отвезут на паром. Девочка одна кричала: «Дядя, нас убьют!», я ее успокаивал. Везли нас в порт автобусами. А я раньше часто ездил на пароме в Красноводск, сестра моей жены жила там, поэтому среди капитанов у меня было много знакомых. На пароме нас было около тысячи с лишним человек. И всех погнали в трюмы, каюты были закрыты. Я подошел к капитану, дал деньги, попросил, чтобы открыли каюты и поместили там пожилых и больных. Молодых ведь почти не было, детей тоже мало. А вот пожилых очень много. Это были престарелые, больные люди, которые не только не могли выехать, но им и в голову это не приходило. Были они в очень плохом состоянии – избитые, раздетые, в шоке, пережившие страшный стресс...

Молодчики из Народного фронта обыскивали нас на пути к парому. Людей поместили на палубах и в грузовых отсеках – в трюмах. Народнофронтовики не разрешали размещать больных, старых, избитых людей в каютах, а таких, повторяю, было 99% пассажиров. В каютах было хотя бы не холодно. Мы выезжали в ночь с 14-го на 15 января. Ходили слухи, что на первых двух паромах, которые вышли в море до нас, было очень много погибших. Я не считаю себя трусливым человеком, но даже сейчас иногда ночью просыпаюсь от страха, от страха преследования. Странно, но тогда я не боялся, бояться стал позже, с годами. Хочу подчеркнуть, что нас очень тепло приняли в Туркмении. Дочка моя в те дни каждый паром встречала, потому что сын позвонил и сказал ей, что мы выехали. В Красноводске меня встретили дочка и жена. Помню, как дочь кинулась ко мне, обняла, плачет, рыдает... Я ведь последний раз позвонил им из Баку, от товарища, и сказал

жене – смотри за детьми, чтобы все было хорошо. Она спрашивает, когда я приеду, а я отвечаю, ты за детьми смотри. И жена поняла, что все плохо, опасно.

Честно говоря, я очень любил Баку. Город, в котором вырос, в котором каждый камень знаю. При этом я очень часто бывал в Ереване, у меня там много родственников было. Кто бы мог подумать, что так случится... До сих пор мы, бакинцы, друг друга ищем. Созваниваемся, сообщаем: вот этот там-то появился, этот здесь. Со мной вместе на пароме были еще двое, мы друг другу помогали. Один потом, как мне его жена рассказывала, еще раз поехал в Баку. И до сих пор я не знаю, что с ним случилось. Его не было на встрече, о которой мы втроем договорились.

Я очень часто вижу во сне все это, хотя сколько лет прошло. И считаю, что живым выбрался только по воле Господа. Мне снится место в городе, куда я очень редко ходил, где у меня были неприятности. И запах этот... запах горелого человеческого тела... У меня это не проходит. Я вот говорю с вами – и чувствую его.

Хартфорд, штат Коннектикут, США

25.03.2014 г.

ТЕД (ТАДЕУШ) ОСЕПЯН

Я покинул Баку в декабре 1989 года. Жили мы неплохо, хорошо зарабатывали. Наша семья имела две квартиры и обе в центре города: одна – около бульвара, другая – в двух кварталах от нее. Все это мы потеряли...

Когда начались эти события – многолюдные митинги, толпы на улицах с зелеными повязка-

ми на лбу и с криками «Смерть армянам!», «Смерть Карабаху!» и тому подобное – в городе стало очень опасно жить. Завидя где-то вдали толпу, я всегда старался свернуть на своей машине куда-то в переулок, чтобы объехать это место, потому что к тому времени армян уже вылавливали. С одним моим знакомым произошел такой случай: он ехал в трамвае и туда ворвалась группа подонков, ищущая армян. Его избили, чуть не убили, он попал в больницу. И пока он там лежал, какая-то медсестра настучала в Народный фронт о том, что в больнице находится армянин. Они уже заходили в больницу, чтобы забрать и убить, но в этот момент приехал его друг, азербайджанец, который вывел моего знакомого через черный ход, прямо в больничной пижаме, и таким образом спас.

На моих глазах произошла такая трагедия. Мы с товарищем ехали на моей машине, а между сиденьями в последнее время постоянно лежала бита на всякий случай. И вот мы едем днем по улице Чапаева и вдруг видим, как на старика-армянина напали человек десять подонков и начали его бить. Он упал, они его ногами бьют по голове, по груди, по лицу... У старика уже предсмертные конвульсии начались, и мой товарищ, Карен, не выдержав, схватил эту биту и хотел выйти разогнать их. Я ему говорю: «Карен, вокруг полно людей, запишут мой номер машины и через полчаса придут ко мне. Мы все равно не сможем помочь этому человеку».

Отмечу одну деталь. Вот говорят, что в этих избиениях и нападениях на армян в Баку участвовали наркоманы, хулиганы, шпана всякая... Но прямо напротив того места, где избивали и убивали этого старика, была остановка и там стояли люди, ожидая

трамвая. Как вы думаете, какая у них была реакция? Они стали аплодировать бандитам. Повторяю: обычные горожане, случайные прохожие, не шпана, не хулиганье.

Я был свидетелем еще одного страшного случая. В самом центре Баку, у площади Ленина, находились престижные дома, где жили писатели, артисты – словом, интеллигенция. Так вот там армянина выбросили с третьего этажа во двор. Он еще был живой. А во дворе стояли автомобили, и водители начали через тряпку выкачивать бензин в какую-то емкость, а потом облили его этим бензином и подожгли. И этот человек сгорел живьем. Таких случаев было много.

Я жил тогда в Баку с сестрой, и мы с ней решили уехать в Кисловодск, чтобы как-то переждать это страшное время. Звонили оттуда знакомым, нам говорили, что вроде волна схлынула и можно ехать обратно. И мы возвращались. А потом все начиналось снова. В декабре 1989 года создалась очень напряженная обстановка, было крайне опасно оставаться в Баку. Тем не менее мы еще не собирались уезжать окончательно. И вдруг в полночь в нашу дверь позвонили. Ночь, тишина, и внезапно такой резкий звонок – это, конечно, было страшно. Я посмотрел в глазок, вижу, стоит какая-то азербайджанка, девушка в платке, глаза потупила, смотрит в пол. Я тихо сказал сестре, чтобы подошла к окну и осторожно посмотрела, что делается во дворе. Она выглянула и сказала, что там толпа стоит черная. То есть, если бы мы открыли дверь девушке, толпа ворвалась бы к нам домой. У нас дверь была металлическая, крепкая, ее взломать невозможно было. Они звонили-звонили и ушли. В ту ночь мы пошли ночевать к знакомым в нашем же доме, а на следующий день вылетели в Москву.

Улетели буквально с одним чемоданом – надеялись, что опять переждем, пока все успокоится. Остановились в гостинице «Россия», с московскими друзьями встретили Новый год и после праздников хотели вернуться обратно. И тут нам начали звонить из Баку наши знакомые, причем все в один день. Говорили, что проезжали мимо нашего дома и видели, что к нашей квартире (у нас был высокий бельэтаж) приставили лестницу, ломают окна, хотят ворваться. Другие говорили, что окна уже взломали и ворвались в дом. Так и захватили в тот день нашу квартиру, а вместе с ней и все немалое имущество – квартира была полна добра, мы уезжали временно, ничего не взяли с собой. Там и техника была самая современная, и антиквариат, и ковры... мы любили

ковры, у нас их разве только на потолке не было, а так – и на полу, и на стенах... Короче говоря, захватили обе наши квартиры.

А спустя еще несколько дней, 13 января, нам позвонили и сказали, что начались погромы. Причем все это было запланировано, мне рассказывали очевидцы, что в каждом ЖЭКе имелись списки с адресами армянских квартир, которые были заранее подготовлены. За несколько часов до начала погромов устроили многотысячный митинг на площади Ленина, и когда дали сигнал к началу погромов, у них на руках были эти списки. Они знали, куда идти, знали, где живут армяне.

Здесь в Нью-Йорке есть район Квинс, там жил мой приятель, Сергей Улубабов, он недавно скончался. В свое время занимал высокий пост в управлении железной дороги Азербайджана, солидный, умный человек. И он мне рассказывал о своей сестре, ей 72 года было в 1990 г. В 1941-м она добровольцем пошла на фронт, прошла все пять лет войны, получила ранение, стала инвалидом, ветераном Великой Отечественной войны. В январе 1990-го к ней в дом ворвались подонки, человек пятнадцать, и все по очереди ее изнасиловали. Можете себе представить – 72 года, инвалид! И эту женщину, еле живую, на пароме отправили в Красноводск, оттуда в Ереван, и уже там в больнице она скончалась. Таких случаев каждый бакинец может рассказать очень много.

Когда генерал Лебедь со своей армией вошел в Баку, армян в городе уже почти не было. Армяне были либо убиты, либо сумели убежать – те, кто успел и у кого были деньги, чтобы достать билеты куда-нибудь и дать взятку, чтобы их выпустили... Ведь даже на вокзале дежурили молодчики из Народного фронта, которые вылавливали пассажиров с багажом, грабили, похищали, убивали. То же самое происходило в аэропорту. Когда мы с сестрой еще до январских погромов улетали из Баку, это уже было опасно, и нас провожала близкая подруга моей сестры, азербайджанка Зарифа Салахова, сестра художника Таира Салахова. Очень порядочный человек, она помогла нам уехать.

Так мы оказались в Москве и уже не могли вернуться, потому что начались страшные погромы, обе наши квартиры были заняты, нас по сути дела ограбили. В Москве мы жили два года. Хорошо еще, что у нас были деньги. Нам дали статус беженцев, как и многим армянам из Баку. И я помню, как в очереди в американское посольство

стояли люди в домашних туфлях и в халатах. Они вот в таком виде убежали из Баку из своих домов, спасая жизнь. А ведь уже был октябрь, шел снег и было холодно. До этого я лично обращался в Президиум Верховного Совета СССР, к Горбачеву, в другие организации, в «Литературную газету» писал. Но никто не ответил ни на одно мое письмо.

Единственная страна, которая предоставила нам убежище, – США, поэтому я патриот Америки не на бумаге, а на самом деле. Здесь нас приняли и сказали: живите, работайте, никто вас трогать не будет...

Нью-Йорк, США

24.03.2014 г.

НОНА ПОГОСЯН
Проживала в Баку на проспекте
Кирова.

Хочу рассказать о нескольких случаях, очевидцем которых я была. Мне надо было забрать трудовую книжку, и я пошла на работу. Все отговаривали, мол, ты что, с ума сошла, какая трудовая в такой ситуации? Но у меня трое детей

и надо было найти другую работу, поэтому эта трудовая мне была очень нужна. Мы жили в большом доме в центре, на проспекте Ленина. Я с мужем сестры пошла на улицу лейтенанта Шмидта, на остановку. Долго ждали. И вдруг видим, как толпа набросилась на легковую машину. Там женщина сидела, по-моему, с ребенком. Они так трясли машину, что она перевернулась. Такой крик раздался оттуда... Мы в ужасе тут же бросились обратно домой. Что стало с людьми в машине, так и не узнали.

Второй раз мы были в машине нашего друга-азербайджанца и проезжали по улице 28 Апреля. Видим, парень посередине улицы лежит. Мы очень медленно проезжали мимо и я его запомнила – красавец такой. Парень медленно-медленно карабкался по дороге, хотел выползти на тротуар, а они его толкали ногами, били. Когда мы уже обратно проезжали, его посадили на мотоцикл и куда-то увезли – он уже весь избитый был. Вот это мы видели своими глазами. Это просто зверье.

И еще расскажу о смерти своей свекрови. Она с дочкой, моей золовкой, так и не смогла выехать из Баку. Когда напали на их дом, соседи дочку спрятали, а мать осталась в квартире. Ворвались с цепями, дубинками... У свекрови от ужаса разрыв сердца случился и она упала замертво. Ее чужие люди хоронили. Приехали, завернули в ковер и увезли. А дочь не смогла даже попрощаться с матерью...

У нас здесь, в Сан-Франциско, очень хорошая армянская община. Мы регулярно собираемся в церкви, в том числе 24 апреля, каждый вспоминает свое... Решили, что надо поставить памятник погибшим в Баку. И чтобы собрать средства для памятника, я написала стихотворение «Я помню».

Я помню слезы, стоны, крики,
Глаза измученных людей,
Передо мной убитых лики,
И плач испуганных детей.

Костры все ярче разгорались,
Когда бросали в них армян,
Кого коварный рок оставил
На растерзанье басурман.

Горчайшей болью разлетелись вести,
Легла печаль в газетную строку,
И место в сердце лишь для страшной мести,
Таким запомнил я тебя, Баку.

Да, армяне мы, и мы гордимся этим,
Как дорог мне несчастный наш народ!
Пронес он боль сквозь пелену столетий,
Армяне мы, мы очень древний род.

Спасенные верны погибшим братьям.

Сан-Франциско, штат Калифорния, США
31.03.2014 г.

Теперь я знаю, что чувствовали евреи Германии в 1938 году (Бакинский дневник)

Эти письма написаны уже достаточно давно, но только сейчас мы получили разрешение их опубликовать. Хотя события, в них описываемые, уже перешли в ранг истории, наверняка нашим читателям будет интересно ознакомиться с впечатлениями очевидцев.

М. А.

22. 11. 88.

Шестые сутки подряд народ митингует на площади круглосуточно, но если 4 дня все ограничивалось площадью, то вчера все выплеснулось в город. Шлялись толпы народа, кричали: «Карабах!», «Сумгаит!» и т. д. Вчера бастовал транспорт (автобус, троллейбус, трамвай, такси, часть дня – метро), заводы Шмидта, кондиционеров, ряд других, часть магазинов. На площади было тысяч 200, если не больше, притом контингент сменный – шел поток на площадь и поток с площади непрерывно. Немногие автобусы, которые ездили, останавливались и выгоняли народ, а всех гнали в парк. Сегодня все то же самое, но намного резче. Появились флаги суверенного Азербайджана (сине-красно-белый с полумесяцем и звездой). Ходят типы с повязками на голове а-ля иранские смертники. Обстановка достаточно нервная. По городу носятся машины с торчащими из окон флагами и гудящими сиренами. Вчера было, в основном, без эксцессов (хотя перевернули автобус и положили его поперек трамвайных путей и побили несколько такси), а сегодня уже веселее. С утра в Арменикенде уже швыряли камни, а сейчас говорят, что уже переворачивают машины. Правда, надо отдать должное – на площади порядок. Организовано все достаточно прилично, но в городе, в целом, неприятно. Короче говоря, на «штахим» безопаснее.

Толчком ко всему послужили события в Нагорно-Карабахской автономной области. Армяне, не сумев отделиться юридически, решили сделать то же самое де-факто, то есть разорвать все экономические и политические связи с Азербайджаном и наладить

связи с Арменией. В районе Шуши они стали строить алюминиевый завод, вырубили при этом ценный курортный лес. Азербайджанцы тут же стали утверждать, что этот лес – их национальная реликвия, там был Бабек и т. д.¹ В результате этого на площади собралась огромная толпа. Энтузиасты там пьют, едят и спят. По ночам жгут костры. На бульваре брезентовые палатки, в одной – штаб с казначеем, в другой – голодающие. Демонстрантам бесплатно раздают жратву и питье, по слухам, Зейнаб Ханларова прислала в подарок грузовик с сервелатом. Доска почета, металлические конструкции для портретов вождей увешаны лозунгами: «Армяне, вон из Азербайджана», «Армяне, убирайтесь», «Свободу Ахмедову» (это сумгаитский убийца, его огромный портрет висел на Доме правительства). Рядом висят портреты Хомейни и рядом с ним Алиева и Муслима-заде (бывшие руководители республики). Я видел у демонстрантов плакаты с карикатурами: молодцеватый азербайджанец пинком под зад выгоняет из своего дома подлого вида красноносых армян, среди которых – женщина с отвислыми грудями и крестом на шее.

Одновременно с этим сегодня прошел вечер памяти Януша Корчака в районной библиотеке. Было человек 40, многие, явно посторонние, пришли по объявлению. Конечно, если бы не забастовка транспорта, то было бы больше.

23.11. 88.

Беспорядки продолжаются, причем, по-моему, еще более активно, хотя транспорт уже ходит. Вчера по местному телевидению (центральное молчит, как Зоя Космодемьянская) показывали митинг на площади. С трибуны выступали братья-палестинцы в своих одеялах. Их пригласили, очевидно, поделиться опытом. Телевизор продолжает показывать выступления знатных азербайджанцев, но я мало что понимаю из-за незнания языка. Кроют Балаяна (Зория), Аганбегяна, Сильву Капутикян. Бахтиар Ва-

1 Имеется в виду Топхана, безлюдный пустырь, на котором решением Аскеранского райсовета от 23.10.1988 г. планировалось разместить небольшой пансионат Канакерского алюминиевого завода. Этот эпизод послужил основой для оголтелой антиармянской кампании в азербайджанских средствах массовой информации, результатом которой стали массовые беспорядки, погромы и убийства. Азербайджанцев и всю советскую общественность убеждали в том, что Топхана – историческая и природная реликвия, хотя она не значилась ни в каких реестрах памятников истории, культуры и природы. Утверждалось также, что в Топхане планируется возвести алюминиевый комбинат, который призван резко ухудшить экологическую обстановку. Хотя специально созданная комиссия Госкомприроды СССР в своем заключении опровергла все утверждения азербайджанской стороны, эпизод с Топханой продолжал использоваться для нагнетения антиармянской истерии, почему и был введен в заблуждение автор «Бакинского дневника».

габ-заде в своей речи по телевизору посетовал, что молодые ребята – выпускники азерсектора по окончании института не находят работу в Баку и уезжают в Россию, а для других наций в Баку работа есть. Он выразил также свое восхищение азербайджанскими девушками, которые до 40 лет не дают, лишь бы не выйти замуж за другую нацию. Армяне первые дни ходили, как обосранные, потом стали массами уезжать из Баку. Их очень жалко. Временами, в моменты наибольшего разгула страстей мне с ужасом представляется обстановка в Германии.

Теперь я знаю, что чувствовали германские евреи в 1938 г. Недавно на ВП, где я работаю, одна хомейниобразная дама, обращаясь ко мне, кипятилась: «Они едят наш хлеб и плюют нам в лицо! Вся история Армении – это гадость!» И все это при сидящей здесь окаменевшей армянке, которая спустя несколько дней уехала в Ереван. Про Сумгаит упомянутая выше дама заявила: «Сумгаит – это город, где азербайджанцы героически защищали армян». Резню, конечно, спровоцировали армянские подстрекатели (Прим.– Улавливаете связь с нашими левыми, которые утверждают, что беспорядки на территориях спровоцированы поселенцами?). Армяне передали подсудимых в РСФСР, чтобы скрыть свои грязные делишки. В газетах появилась статья о некоем всемирном армянском заговоре. Доводы типа: «У Дукакиса заместитель – армянин». Каждый день какие-то новые пикантности: разбили мемориальную доску на Доме-музее Шаумяна, сегодня я ехал в метро, на схеме заклеено название станции «Шаумян» и сверху написано «Карабах». Народ на площади требовал Шуйского, то есть, пардон, Везирова, но он показаться не пожелал. На работе у нас юные патриоты отправились на площадь. Их лидер, некто Натик, очень интеллигентная личность, даже заявил директору, пытавшемуся их удержать, что сообщит его (директора) данные истинным патриотам.

24. 11. 88.

Сегодня ночью введено особое положение и комендантский час с 22.00 до 5.00. По всему городу стоят танки, БТР, БМП, солдаты в бронежилетах и с автоматами. Запрещены демонстрации, митинги, закрыты кинотеатры. Но, несмотря на это, народ шляется, причем несет портреты убийц Сумгаита, получивших «вышку». С площади не расходятся. Площадь окружена танками, их уговаривают разойтись. Позавчера были

столкновения с войсками в Кировабаде и Нахичевани, вчера – в Нахичевани и Махачкале. Это то, что точно известно. Только в Кировабаде 3 убитых солдата и 126 раненых демонстрантов. Жгут и громят райкомы. Короче говоря, весело.

Руководит беспорядками некий Неймат Панахов, рабочий, 26 лет. Но я думаю, что его скоро уберут, потому что он призывал присоединиться к Ирану или к Турции. По площади Ленина ходит собака с привязанной к ней надписью «Вазген» (бедного католика тоже кроют на всю катушку).

Еще одно отрицательное явление: все кроют матом перестройку. Некоторые ностальгически вздыхают об Иосифе Виссарионовиче Сталине. Надо сказать, что армяне в Армении тоже ведут себя по-скотски и выгоняют азербайджанцев. Евреев пока не трогают, но недавно одной знакомой девочке на работе медсестра, с которой у нее были прекрасные отношения, заявила: «Надо будет и с евреями разобраться». Интересно наблюдать изменения в массовой психологии людей: интеллигентные люди вдруг начинают беззастенчиво честить армян и прочее.

25. 11. 88.

Вчера я в перерыв наблюдал происходящее. Жуть. Площадь была оцеплена кольцом солдат. Второе кольцо стояло на Шаумяна, пр. Ленина. Между домом правительства и универмагом «Баку» стояла колоссальная толпа, орала, скандировала, пыталась пробраться на площадь, задевала солдат. Было очень нервно, на грани столкновения. Потом, очевидно, решили избежать столкновения и пропустили их на площадь. Запрет на митинги и демонстрации практически не работает. Силу применять боятся во избежание беспорядков, но все равно стало поспокойнее. Никогда не думал, что придется жить при комендантском часе и особом положении. Зато теперь я готов к жизни на «штахимах». Ничем не удивить.

28. 11. 88.

Понедельник. Тьма солдат (говорят, сто семьдесят тысяч). Два вечера подряд прямо под балконом стоят три БМП, человек тридцать солдат. Комендантский час. На каждом углу задерживают машины, проверяют документы, багажник. Эффективное зрелище. И что любопытно, никто из водителей не выясняет отношений. Очевидно, автомат с примкнутым штыком, направленный в живот, – достаточно сильный аргумент.

Опять по телевизору выступают знатные азербайджанцы. Один из них рыдал, говоря, что азербайджанцы в своей собственной республике подвергаются дискриминации, что все лучшие рабочие места, должности, квартиры занимают армяне, евреи, русские, что надо принимать меры. Ему явно не дают покоя лавры Нельсона Манделы.

Вчера также состоялось первое организационное занятие курсов иврита. Записалось 43 человека! На идиш и татарский – никого. На идиш хотели две девицы, но, увидев ситуацию, переметнулись. Многие записываются семьями.

1. 12. 88.

Уже зима. Шум здесь уменьшился, но все еще очень напряженно. Солдаты, митингующие, которые пренебрегают особым положением. Продолжает действовать комендантский час.

Продолжается массовое бегство, усиливающееся с каждым днем. Кто в Ереван, кто подальше. Через 2–3 года в Баку не будет ни армян, ни евреев. Все будут довольны.

Кипит вся республика. Говорят, что было в Шемахе, где-то еще. Надо сказать, что все это очень и очень не смешно. Выясняется, что Сумгаит – это не самое худшее, что могло быть.

5. 12. 88.

Сегодня ночью, по слухам, митинг на площади все-таки разогнали. Точно еще не знаю, но, во всяком случае, транспорт не ходит намертво, опять демонстрации под крики «Карабах!», «Мечь» и т. д. Очень занятно. Последние дни в городе неважно. Бьют армян, громят квартиры. Напряженность уже почти 3 недели.

6. 12. 88.

Около 10.30 возле МВД собралась толпа в несколько десятков тысяч человек, которые стали забрасывать его камнями. Меня потряс героизм нашей милиции, которая не поддавалась на провокацию, храбро заперла двери и хранила гордое молчание. Нас с работы распустили, и я пошел домой. По городу неслись группами по 4 БМП, БТР, машины и автобусы с солдатами. Я пошел на Басина и, когда был на уровне консерватории, началась стрельба. Побегал в обратную сторону, взял машину и доехал до дому. Весь день шатались толпы, их разгоняли, шла стрельба по всему городу. В итоге всего этого, как сообщил на следующий день комендант города, «были убитые и раненые».

7. 12. 88.

Сегодня все тихо, но город забит танками, БМП, солдатами. И слава Богу, а то здесь было бы почище, чем в Сумгаите. Среди солдат, как сообщило радио, 3 убитых и 14 раненых. Ранено также 30 гражданских лиц. Это уже ближе к истине, хотя вопрос – насколько ближе. Наблюдал вчера отряд армянской Хаганы. На Завокзальной стояло человек 20 с собаками, ждали гостей. Говорят, что так было во многих местах. Но ведь «гости» – народ осторожный и при соотношении меньше чем 10:1 визитов не наносят.

Последние события резко изменили в пользу отъезда умонастроение многих евреев, раньше об этом и не помышлявших. Это последнее – единственный положительный результат всех наших чудных происшествий.

12. 12. 88.

Тут же поутихло. Имеет место большая народная радость по поводу землетрясения. Во многих городах устраиваются банкеты. Короче говоря, реакция, несколько отличающаяся от «плечом к плечу», упоминаемого в газетах. Вообще, конечно, кошмар.

Еженедельник «КРУГ» («KRUG») Тель-Авив,

23. 07. 1989 г.

(публикуется с сокращениями)

1990 год. Бакинские зарисовки (отрывок)

Здесь специально нет хронологии. Да и не все уж теперь упомянуть по числам. И детали не важны. Это просто картинки из прошлого. Констатация фактов. Надеюсь таких «картинок» больше не увидать. Еще не введен комендантский час, еще не введены войска, а армяне толпами ломаются на КПП с просьбой защитить, пропускаем по паспортам, где, как известно, указана национальность. Куда их девать? Где селить? Чем кормить? Командир группы, Ромка, азербайджанец по национальности, выходит по заданию «Особняка» в город, в гражданке. По возвращении сразу просит водки. Психует. Видел, как с балкона многоэтажки выбрасывали женщину. Голую. В костер из мебели. Мебель, понятно, из ее же квартиры. А потом... Потом боевик из Народного фронта размахивал с балкона ушами этой женщины. Если кто не понял, повторяю: это свидетельство азербайджанца, офицера, участника Афганской войны, он был в шоке.

Прикомандирован к информационной группе коменданта особого района г. Баку генерал-полковника Тягунова. Задача: сбор информации о местах массового уничтожения (да и не массового) армян в районах. Каждый день шквал писем: «Помогите найти. Помогите разобраться. ПОМОГИТЕ!» Помогаем. Через военкоматы, через действующие пока линии армейской связи, через «не хочу», узнаем жуткие вещи: ограблены, убиты, сожжены... Каждый день я лично кладу сводки на стол в прокуратуру Азербайджана, в МВД. Толку – ноль. Дочке полтора года, декабрь, воспаление легких. Сырая, заплесневелая больница. Лучшая, заметьте, больница в городе! На одной койке и мамаша, и ребенок. Столовая не работает. Прачечная? Вы что? Смеетесь?

Приезжаю в конце концов на уазике, в форме, с бойцами. Объясняю, что больница взята на контроль ЛИЧНО министром здравоохранения Азербайджана. С моей подачи и с моими полномочиями. Рядом два бойца поигрывают автоматами. На следующий день в больнице свежие (по местным понятиям) простыни, кипятилок, утюги, тумбочки.

Нормально?

Об авторе: Алексей Александрович ВАСИЛЬЕВ окончил в 1983 г. Уссурийское СВУ, в 87-м – Киевское ВОКУ, служил в Чирчике, Фарахруде, Баку, Ростове.

Опубликовано на сайте artofwar. ru

МОЛЧАНИЕ МОЖЕТ СТАТЬ ПРИЧИНОЙ НОВОГО ГЕНОЦИДА

Открытое письмо к мировой общественности в связи с антиармянскими погромами в Советском Союзе

Вновь наступила эра погромов – эра, которая, как мы полагали, завершилась. Армянское население Азербайджана в нынешнем году вновь стало жертвой преднамеренных зверств и недопустимых погромов.

Мы, ученые, писатели, преподаватели, политики, деятели искусства, хотим прежде всего выразить наше глубокое возмущение подобными варварскими акциями, которые, нам казалось, принадлежат прошлому человечества. Наше обращение следует рассматривать как осуждение творимых злодеяний. Мы ставим своей целью известить мировое общественное мнение о той продолжающейся опасности для будущего человечества, которую представляет подобная разновидность расизма. Нам причиняет боль то обстоятельство, что через полвека после уничтожения евреев в концентрационных лагерях нацистами и спустя сорок лет после принятия Всеобщей Декларации прав человека мы проявляем ту же беспомощность при грубом попрании прав человека.

Было бы непростительно сегодняшним молчанием способствовать увеличению числа жертв и их страданиям. Слишком серьезным стало положение армян на Кавказе, и молчание становится недопустимым. Поэтому мы считаем своим моральным долгом встать на защиту подвергающегося опасности народа.

Более чем два года назад в Азербайджане начались активные притеснения армян. За резней армян в Сумгаите в феврале 1988 года последовали погромы в Кировабаде и Баку в ноябре 1988 года. Они продолжались в Баку и в других местах Азербайджана вплоть до января 1990 года. То обстоятельство, что погромы повторялись и совершались сходными методами, дают нам основание думать, что эти трагические события не являлись стихийными и произвольными. Более того, мы вынуждены полагать, что совершенные в отношении армянского меньшинства преступления стали последовательной практикой, если не официальной политикой в Советском Азербайджане.

По утверждению покойного Андрея Сахарова («Нью-Йорк таймс», 26 ноября 1988

г.), эти погромы «представляют реальную угрозу уничтожения для армянского населения Азербайджана и Нагорно-Карабахской автономной области, 80% населения которой составляют армяне».

Особое наше негодование вызывает то обстоятельство, что угроза направлена против армянского народа, который в 1915 году очень дорого заплатил за право быть самим собой в Османской империи. Там половина армянского населения стала жертвой Геноцида – наихудшего проявления расизма. Но если погромы последнего времени пробудили в сознании незабываемые кошмары той резни, то нынешняя блокада Армении и Нагорного Карабаха, что продолжается с августа 1989 года, очертила перспективы иного способа геноцида.

Известно, что все грузы, следующие в Нагорный Карабах и 85% – в Армению, проходят через Азербайджан. Поэтому не будет преувеличением сказать, что подобная блокада равносильна удушению Армении. В республике с колоссальными разрушениями после землетрясения 7 декабря 1988 года блокада дезорганизовала экономику и нанесла сильнейший удар по восстановительным работам(...) Исходя из понимания нашего долга, мы требуем от советского руководства, а также мировой общественности решительно осудить армянские погромы и особенно ту расистскую идеологию, которая используется в качестве оправдания со стороны организаторов преступлений.

Мы просим советское руководство и мировую общественность без промедления использовать все имеющиеся возможности для обеспечения защиты и безопасности армянского населения Кавказа и других мест в Советском Союзе. Необходимо окончательно снять блокаду НКАО со стороны Азербайджана. Надо осознать, что насильственная депортация армян из Нагорного Карабаха не может служить решением проблемы, а является преступным нарушением прав человека.

Мировое сообщество государств должно доказать свою приверженность защите прав человека. Равнодушие и молчание в данном случае может стать причиной нового геноцида.

Подписано более 130 правозащитниками, общественными деятелями, учеными и журналистами из разных стран Европы и Америки

Газета New York Times, 27 июля 1990 г.

Проникающее ранение

Нам выпало жить в немилосердное время. Когда-нибудь перед нами откроется полная панорама трагедии в Закавказье. Еще будет рассказано о том, как от искры в Нагорном Карабахе взметнулось пламя беды. Мы еще содрогнемся от подробностей погромов армян в столице Азербайджана, когда заговорят документы, – резни, устроенной молодчиками, выдававшими себя за Народный фронт. Еще станет известно, как и почему ситуация вышла из-под контроля... Еще мы прочтем о том, как бывший первый секретарь ЦК компартии республики будто нарочно выжидал в дни, когда каждая минута множила число жертв... Еще узнаем на каком-нибудь очередном Съезде народных депутатов подробности осады города войсками... Нам еще доложит очередной генерал, кто отдал приказ о срочном призыве резервистов, как Советская Армия и граждане СССР стреляли друг в друга на улицах столицы Азербайджана... И хочется верить: наступит день суда, открытого, гласного, когда поведают нам всем, гражданам этой не знающей покоя страны, как одно преступление, словно по цепной реакции, рождает десятки других...

В начале января бакинских армян предупреждали: убирайтесь, иначе будет худо. Однако еще в декабре прошлого года Всесоюзный совет общественных организаций беженцев-армян из Азербайджанской ССР писал в адрес второго Съезда народных депутатов о том, что ситуация требует «...немедленно восстановить правопорядок в Азербайджанской ССР и безопасность проживающего в республике армянского населения и лиц других национальностей, ввести дополнительный контингент воинских частей и подразделений МВД». Думается, Политбюро ЦК КПСС, правительство располагали и другой исчерпывающей информацией о надвигающейся угрозе. Но радикальных мер не приняли.

Связи с Баку долго не было, а потом вдруг в редакции отчаянно зазвонили телефоны. Застучал телетайп с сообщениями, похожими на сигнал бедствия из штормового океана. Нас, журналистов «Огонька», возмущенно спрашивали из Еревана и Баку: «Почему нет правдивой информации о событиях в Азербайджане? Что требуется телевидению, чтобы передать подробные репортажи, разве не хватает видеокамер и

самолетов? Почему никто, кроме западных радиостанций, не сообщает, что в Баку продолжаются бои?» И люди за тысячи километров, рискуя жизнью, выносили на балкон телефонные аппараты – сквозь помехи доносились взрывы, автоматные очереди. Сжималось от беспомощности сердце...

А потом мы увидели беженцев.

Как только заработала паромная переправа в Красноводске, они хлынули в Москву тысячами, заполнили вокзалы и аэропорты. Старухи, о руки которых расисты гасили сигареты, полурасдетые дети в домашних тапочках, женщины и мужчины с потухшими от горя глазами. Мы видели армян, которые оказались виноватыми лишь в том, что рождены армянами, и азербайджанцев, которых изгнали лишь за то, что мать, отец, жена или муж другой национальности...

Вот их голоса, записанные на диктофон. Наберитесь мужества, послушайте...

Артем Александрович Данилян, 81 год:

– Я из Баку. Пятьдесят шесть лет своей жизни работал, воевал на фронте. Когда нам стали угрожать, я, дочь и две внучки неделю жили в подвале. Потом пришли военные и забрали нас. Армян там, наверное, уже не осталось. Может быть, некоторые еще прячутся...

Леонид Алтунян:

– 16 января к нам пришел участковый, майор милиции, вместе с человеком, который назвался представителем Народного фронта. Сказали: «Покидайте квартиру, иначе вас будут убивать». Мы подчинились – все-таки официальные лица. Неделю нас продержали в запертом помещении. Жену отпустили, поскольку она русская. Меня с отцом и других – там было человек двадцать – избивали несколько раз в день... Только потом под охраной солдат переправили в Москву.

Дмитрий Сергеевич Папику, 48 лет:

– Я видел все с самого начала. Видел, как поджигали машины с инвалидами, громили инвалидные коляски, выбрасывали из окон имущество, хватали людей на улицах... Меня взяли 13 января как заложника, несколько дней держали в комнате, кажется, метров десять квадратных, где нас было около сорока человек. Мучали каждые полчаса, пытали, избивали. Меня били коваными ботинками, заставляли мыть туалеты. Слава

Богу, что вырвались...

Рауф Али-оглы Алискеров:

— Я азербайджанец, но мать — армянка. Нас тоже выселили, когда я был на работе. Они забрали все деньги и били мою мать. Об этом она рассказала, когда я ее нашел. Меня тоже стали избивать, приговаривая: «Откажись от матери, иначе ты не тот человек...» Все они были с ножами. Спасибо солдатам, которые охраняли нас на пароме и дали еды...

...Голоса этих людей прозвучали на Курском вокзале Москвы 22 января 1990 года. На магнитофонной пленке — десятки рассказов очевидцев, и подавляющее большинство из них не «чистые» армяне и не «чистые» азербайджанцы, немало и русских. Чем же провинились эти обездоленные люди перед землей, где родились, работали, жили, язык которой знали не хуже родного? Убежден: в средневековом разбое, учиненном головорезами, нельзя обвинять весь азербайджанский народ, преследовать целые народы могла только сталинская клика. Многие азербайджанцы прятали своих соседей-армян так же, как в июне прошлого года некоторые узбеки — турок-месхетинцев.

Несколько десятилетий эксплуатировали нашу веру и при помощи насилия, страха удерживали «Союз нерушимый республик свободных». Сколько еще песен было сложено о «братской дружбе», сколько бумаги переведено зря! Новая федерация не создана. Старую — пытаются удержать силой оружия ради сохранения прежних порядков.

Как бы там ни было, колокол пробил, кровь пролилась; месть принесет лишь новые бессмысленные жертвы.

Надо остановиться! Никакая национальная или державная идея не может оправдать гибель сограждан в мирные годы. Никогда еще кровавая вендетта никому не приносила благополучия и покоя.

Ни один народ земли не был счастлив за счет чужого горя.

Предав наших мертвых земле с честью и достоинством, подумаем о живых... Тысячи беженцев хлынули за пределы Азербайджана, в том числе и русские, в основном из семей военных. Все наши газетные и телеразговоры о милосердии останутся пустым

звуком, если не позаботиться о людях, которые надолго, если не навсегда утратили кров на родине, потеряли родных.

Межнациональная война в Закавказье, которая продолжается за пределами Баку, еще не вполне осознана как национальное бедствие. Российские города, в том числе и Москва, оказались не готовы принять и обогреть изгнанных армян, азербайджанцев, русских, позаботиться о детях и стариках, беспомощных, больных, без денег и документов. Это не только те, кто пострадал от погромов, от стычек на горных перевалах и штурма бакинских улиц, — все наше общество, которое мы перестраиваем с таким трудом, получило проникающее ранение, и рубцы этой немыслимой войны еще долго будут мучить людей.

Ничто живое не подлежит убийству.

Но только один вопрос не дает покоя, хочется спросить всех вас и самого себя: что же со всеми нами случилось?

Анатолий ГОЛОВКОВ

«Огонек», № 6, 1990 г.

Заложники неизвестности

Передо мной сидят женщины, разные – молодые и пожилые. Русские учителя. Беженцы! Их рассказы о случившемся с ними и их семьями в Баку в последнюю неделю нельзя слушать без содрогания.

Сегодня на улицах Баку стоят танки, дома одеты в черные траурные флаги.

– На многих домах надписи: «Русские – оккупанты!», «Русские – свиньи!». Моя мама приехала по распределению из Курска в глухое горное азербайджанское село учить ребятишек русскому языку. Это было тридцать лет назад. Теперь она пенсионерка. Я второй год работала в школе... Пришла неделю назад в школу, а в коридоре надпись: «Русские учителя, идите в уборщицы!» Я говорю: «Вы что, ребята?» А они в меня плюют... Я их азбуке учила. Теперь вот мы с мамой здесь. Родственников в России у нас нет. Денег нет, работы нет... Куда? Как? Ведь моя родина – Баку.

Женщины-учительницы, с которыми я беседовал в маленькой комнатке, то и дело утирали невольные слезы обиды.

– Я убежала с дочкой с одной сумкой, за три минуты. Жуткая обида! Я же не политик, я детей учила и не виновата в тех бедах, что были в республике. Я не видела на лозунгах Народного фронта фамилии Алиева. Зато Горбачева они представляли не в лучшем виде. Обидно, потому что я знаю этот народ, у меня там друзья, вся жизнь моя там.

Я не называю имен и фамилий этих женщин – они так просили. В Баку остались их родственники, мужья. Мало ли что...

– Экстремисты прекрасно организованы, чего не скажешь о местных властях. В конце прошлого года жилищные конторы по всему городу потребовали всех заполнить анкеты, якобы для получения талонов на продукты. В анкетах нужно было указать и национальность. Когда начались погромы, в руках экстремистов оказались точные адреса: где живут армяне, где русские, где смешанные семьи и т. д. Это была продуманная националистическая акция.

– За мной прибежал муж, велел мне и ребенку быстро одеваться. Муж у меня военный, но в этот день был в штатском. Я увидела, как он вынул пистолет и положил в

карман. Сказал: «В метро идите впереди меня, чтобы я вас видел». В метро русских почти не было. На нас оглядывались, лица у всех напряженные. Только в аэропорту я поняла, что мы улетаем.

– Вам еще повезло. За мной муж приехал на машине. Пятнадцать минут на сборы. У аэропорта нам преградили дорогу экстремисты. Пришлось нашему «газику» таранить их «Волгу». Чудом остались живы.

– Наша семья отдала российскому и советскому флоту триста лет. В Баку у меня остался бесценный архив нашей семьи по истории флота. И сейчас мои племянники служат на военных кораблях на Каспии... Трудные для меня времена и трудно говорить. Я одна воспитываю дочь. Тридцать лет отдала школе, математик. В школе ко мне относились очень хорошо до последнего дня. Но как жить, если дом оцеплен бандитами и они требуют убираться, если приходишь в магазин, а тебе не продают даже хлеба, потому что ты русская. Хотела снять с книжки деньги, кассирша швырнула мне ее обратно: «Для тебя денег нет!»

– Моя мама уже два месяца не получает пенсию, в Баку русским пенсионерам ее не выдают.

– Многие из нас прилетели в Москву почти без документов. Как быть с трудовыми книжками? Как с ордерами на бывшие квартиры? Ведь мы же должны получить что-то взамен?

– Думаю, что ордера мам не понадобятся. Сама видела, как только армянина изгнали из квартиры, тут же появлялся новый хозяин с официальным ордером. Словно в райисполкоме он был уже давно готов, только даты не хватало...

– Я не знаю, что делать. В России у меня нет родственников. Пойду в азербайджанское постпредство в Москве и расскажу им, что триста лет моя семья верно служила Родине, мы трудились на благо Азербайджана, мой отец был репрессирован. А я тридцать лет учила азербайджанских ребятишек математике! У меня в кармане сто рублей, выданных государством, и ничего больше. И пусть постпредство думает, где мне купить за счет Азербайджана квартиру, которую сегодня я бросила и которую наверняка уже заняли. Я не претендую на Москву. Я претендую на Россию.

– Может быть, вам обратиться в Министерство народного образования РСФСР? –

посоветовал я.

– Не думаю. Если бы у них болело сердце о русском учителе, они бы за эти дни сами к нам пришли... Многим из нас и на улицу в мороз не в чем выйти. Ведь мы же бакинцы...

Мы – бакинцы... Это звучало в словах каждой русской учительницы. И несмотря на горечь, на боль, на утраты, они где-то в глубине души надеются, что когда-нибудь настанет день, когда они сядут в самолет и бортпроводница скажет: «Мы совершаем рейс по маршруту Москва – Баку. Счастливого пути!»

Но... Я выхожу в коридор военных казарм Московского высшего пограничного командного училища КГБ СССР, где сегодня живут эти женщины. По длинному блестящему коридору ходят курсанты с повязками, на стенах самодельные указатели со стрелками – «междугородный телефон», «детская кухня». Бегают ребятишки, которые неизвестно когда и где снова пойдут в школу. Тихо ходят грустные русские женщины. Мужья многих из них сегодня там, в Баку, охраняют жизнь азербайджанских детей.

Каждый день в училище прибывают более четырехсот женщин, стариков, детей. Всего в Москве и Московской области русских беженцев из Баку более 20 тысяч.

И. АФАНАСЬЕВ

«Учительская газета», № 5, 1990 г.

